

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ХИМИИ ИМЕНИ В.И. НИКИТИНА НАНТ

На правах рукописи

Исмоилов Икромджон Бомуродович

ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛУЧЕНИЯ, СТРУКТУРА И ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИЕ
СВОЙСТВА БИОРАЗЛАГАЕМЫХ ПОЛИМЕРНЫХ КОМПОЗИТОВ НА
ОСНОВЕ ГЛЮКОМАННАНА И ЗЕИНА

Специальность 1.4.7. - высокомолекулярные соединения

Диссертация на соискание учёной степени кандидата
физико-математических наук

Научные руководители:
доктор химических наук, профессор
Мухидинов Зайниддин Камарович;
доктор физико-математических наук,
профессор Абдуллаев Хасан
Муминджонович

Душанбе - 2022

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Принятые в диссертации сокращения.....	4
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ	
1.1. История появления биоразлагаемых упаковок пищевых продуктов....	10
1.2. Основные функции биоразлагаемой и съедобной упаковок	12
1.2.1. Барьерные свойства плёнок и покрытий.....	12
1.2.2. Антимикробная функция съедобной упаковки	13
1.3. Полисахариды и белки - биоразлагаемые полимеры, источники их получения.....	15
1.3.1. Плёнки на основе глюкоманнана конжака и их характеристики.....	17
1.3.2. Примеры биоразлагаемых плёнок на основе зеина и полисахаридов.....	22
1.3.3. Физико-механические свойства биоразлагаемых плёнок.....	24
1.3.4. Степень набухания пленок.....	33
1.4. Постановка задач диссертационной работы.....	37
ГЛАВА 2. ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТА	
2.1. Подготовка и характеристики исходных веществ.....	39
2.2. Получение водорастворимого полисахарида.....	39
2.2.1. Очистка водорастворимого полисахарида.....	40
а) Депротенинизация и обесцвечивание	40
б) Фракционирование полисахарида с помощью анионообменной хроматографии.....	41
2.2.2. Методы анализа состава водорастворимого полисахарида.....	41
а) Определение общего количества белка по методу Брэдфорда	41
б) Анализ красителей на спектрофотометре видимого диапазона.....	42
в) Определение содержания сахаров в полисахариде фенол-сернокислым методом.....	42
г) Определение моносахаридного состава.....	42
2.2.3. Методы исследования структуры полисахаридов.....	43
а) ИК-Фурье спектроскопия.....	43

б) ЯМР-спектроскопия	43
в) Определение молекулярной массы и молекулярно-массового распределения глюкоманнана высокоэффективной эксклюзивной жидкостной хроматографией.....	44
2.3. Методы получения, очистки и анализа зеина.....	46
2.4. Методы формирования плёнок на основе биополимеров.....	46
2.5. Методы исследования физико-механических свойств плёнок.....	47
2.5.1. Деформационно-прочностные свойства.....	47
2.5.2. Влагопроницаемость плёнок	48
2.5.3. Степень набухания плёнок	48
2.5.4. Растворимость плёнок в воде	49
ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ	
3.1. Получение и очистка глюкоманнана из растений Эремуруса Гиссарского (<i>E. hissaricus</i>).....	51
3.1.1. Выделение полисахарида из корнеклубней <i>E. hissaricus</i>	52
3.1.2. Очистка полисахарида.....	52
3.2. Состав и структура полисахарида.....	54
3.2.1. Анализ ИК-Фурье спектров полисахарида.....	54
3.2.2. Анализ молекулярной массы и молекулярно - массового распределения ВРП методом высокоэффективной эксклюзионной хроматографии	56
3.2.3. Анализ 1D- и 2D- ЯМР спектров полисахарида.....	59
3.3. Формирование пищевой плёнки на основе ГМ и зеина.....	65
3.3.1. ИК-Фурье спектроскопические исследования процесса формирования полимерных плёнок	67
3.3.2. Исследование физико- механических свойств плёнок... ..	70
3.3.3. Влагопроницаемость плёнок	72
3.3.4. Кинетика набухания композитных плёнок с разным соотношением З/ГМ	77
3.3.5. Исследование растворимости плёнок в воде.....	84
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	88
ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ.....	92
ЛИТЕРАТУРА.....	93

Принятые в диссертации сокращения

ВП	влагопроницаемость
ВРП	водорастворимый полисахарид
ВРПС	вискозиметр растяжения с постоянной скоростью
ВЭАХ	высокоэффективная анионная хроматография
ВЭЖХ	высокоэффективная эксклюзионная жидкостная хроматография
ВЭИХ	высокоэффективная эксклюзионная ионнообменная хроматография
ГМ	глюкоманнан
ДЭАЭЦ	диэтиламиноэтилцеллюлоза
З	зеин
ИСБ	изолят соевого белка
КМ	карбоксиметил
КРП	кислоторастворимый полисахарид
МГА	модифицированная газовая атмосфера
МУЛС	многоугловое лазерное светорассеивание
НПВО	нарушенное полное внутреннее отражение
ПЕК/ГМК	пектин/ глюкоманнан конжака
ПП	полисахаридная плёнка
РВ	растворимость
ТМП	технология микрожидкостного прядения
1D, 2D ЯМР	одномерный и двумерный ядерный магнитный резонанс
DP	дифференциальное давление
HMBC	гетероядерная многосвязная корреляционная спектроскопия
HSQC	гетероядерная одноквантовая корреляционная спектроскопия
LS	лазерное светорассеяние
PAD	пульсирующий амперометрический детектор
RI	рефрактометрический индекс
TOCSY	полная корреляционная спектроскопия

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Объем пластиковых отходов в мире за последние 50 лет достигло более миллиарда метрических тонн; из этих отходов примерно 16% составляют упаковочные материалы и пластиковые контейнеры. Следовательно, производство пластика имеет тенденцию к ежегодному увеличению, и к 2050 году ожидается, что около 12 миллиардов тонн пластика будет накапливаться на свалках и в окружающей среде. Проблема утилизации пластиковых отходов растет из-за их накопления и их негативного воздействия на окружающую наземную и морскую среду и на здоровье человека. В океанах пластик накапливается в круговоротах шириной в несколько миль. Под воздействием ультрафиолетового излучения солнца пластик превращается в «микрочастицы», которые разрушают пищевые цепи и естественную среду обитания.

Для преодоления создавшейся экологической проблемы необходимо разрабатывать новые материалы на основе возобновляемых природных источников. В последние годы индустрия пищевой упаковки значительно выросла и, как ожидается, окажет важное влияние на рынок продуктов питания в последующем. Этот рост является следствием расширения знаний о технологии производства пищевых плёнок и покрытий, достигнутых благодаря исследованиям и разработке продуктов, а также достижениям в области материаловедения и технологии обработки. Упаковка пищевых продуктов, таким образом, становится междисциплинарной областью исследований, с привлечением опыта химиков, физиков, инженеров и биологов, с конечной целью, чтобы соответствовать ожиданиям потребителей и правительственным нормативно-правовым актам.

Биоразлагаемые полимеры из возобновляемых природных источников, такие как полисахариды, белки и липиды, являются основным сырьём для производства материалов, необходимых для фармацевтической, медицинской, пищевой, микробиологической, химической промышленности и в сельском хозяйстве, что привлекает внимание исследователей в этом направлении.

Среди природных полимеров глюкоманнан (полимер глюкозы и маннозы), в этом аспекте, получил большой интерес благодаря своим превосходным плёнообразующим свойствам (имеет необходимую гибкость, низкую газопроницаемость, легко очищается от литейной плиты) и является потенциальным кандидатом в разработке упаковочных материалов.

Актуальность избранной темы подтверждается тем, что разработка технологии получения полисахаридов и белков из продовольственных промышленных отходов и создание композиционных материалов на их основе была включена в Стратегию развития Республики Таджикистан в области науки и техники на период 2011-2020 гг. и Приоритетные направления научных и научно-технических исследований в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы. Решение данного вопроса направлено на развитие экономики и обеспечение продовольственной безопасности страны.

Работа проводилась в соответствии с планом НИР Института химии им. В.И. Никитина НАНТ на тему: «Создание носителей лекарственных веществ и пищевых ингредиентов на основе биополимеров» (номер гос. регистрации ГР 0116ТJ 00543).

Цель работы заключается в разработке состава новых биоразлагаемых плёнок на основе биополимеров глюкоманнана и зеина для хранения пищевых продуктов и изучении их физических и механических свойств.

Для достижения поставленной цели были сформулированы и решены следующие задачи:

- изолирование глюкоманнана из корнеклубней Эремуруса Гиссарского (*E. hissaricus*), изучение его структуры и гидродинамических свойств;
- исследование взаимодействия глюкоманнана с кукурузным зеином при формировании биоразлагаемых плёнок посредством ИК-Фурье спектроскопии;
- разработка состава новых биоразлагаемых плёнок на основе исследуемых биополимеров;
- изучение физико-химических свойств полимерных плёнок;
- изучение физико-механического поведения биоразлагаемых плёнок.

Объекты исследования. В качестве объектов исследования выбраны водорастворимый полисахарид - глюкоманнан (ГМ), который получен из корнеклубней растения рода *Эремуруса Гиссарского* (*E. hissaricus*) и зеин (З), выделенный из обезжиренной муки кукурузы.

Методы исследования. В диссертационной работе использованы методы 1D и 2D ЯМР и ИК-Фурье спектроскопии, высокоэффективная эксклюзионная жидкостная (ВЭЖХ) и ионнообменная (ВЭИХ) хроматографии, многоугловое лазерное светорассеивание (МУЛС), методы исследования физико-механических свойств в соответствии с ГОСТ-14236 и другие физико-химические методы анализа.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые:

- установлена структура глюкоманнана, полученного из растений *Эремуруса Гиссарского* (*E. hissaricus*);
- определены молекулярная масса, молекулярно-массовое распределение и гидродинамические свойства глюкоманнана;
- разработан способ приготовления и оптимальный состав биоразлагаемых плёнок на основе глюкоманнана и зеина;
- установлено, что хорошая совместимость биополимеров зеина и глюкоманнана обусловлена взаимодействием водородных и гидрофобных связей компонентов;
- установлены предельные деформационно-прочностные характеристики и модули упругости композитов разного соотношения компонентов. Показано, что увеличение доли гидрофобного полимера - зеина способствует упрочнению композита и его более упругому поведению;
- изучена кинетика набухания, влагопроницаемости и растворимости в воде полученных композитных плёнок в зависимости от их состава. Определены величины параметров, характеризующие способность композитов к набуханию.

Практическая значимость работы определяется тем, что в ней разработан оптимальный состав композитных плёнок с содержанием зеина

60–63% (зеин/ГМ=1.5-1.75) с оптимальными рабочими характеристиками и рекомендован для производства биоразлагаемых упаковочных материалов с удовлетворительными механическими, влагоудерживающими, влагозащитными свойствами и малорастворимых в воде. Полученные композитные плёнки с оптимальным соотношением биополимеров могут быть применены в качестве биоразлагаемой плёнки для длительного хранения и транспортировки фруктов и овощей.

Разработка технологии получения биоразлагаемых полимерных плёнок и исследование их физико-химических и механических свойств вносят определенный вклад в физико-химию биополимерных композиционных материалов. Они могут быть включены в программу ВУЗов по профилю «Физическая химия», а также использованы при чтении спецкурсов «Физико-химия полимеров» и «Композиционные материалы».

Основные положения, выносимые на защиту:

- установление молекулярной массы глюкоманнана, его структуры и гидродинамических свойств;
- механизм взаимодействия биополимеров ГМ и зеина посредством водородных и гидрофобных связей;
- результаты механических испытаний по изменению деформационно-прочностного поведения композитных пленок в зависимости от соотношения компонентов зеин/глюкоманнан;
- результаты кинетических исследований степени набухания композитов и величин параметров, характеризующих их способность к набуханию;
- гидрофобная природа плёнок, содержащих зеин, обеспечивает низкую проницаемость водяного пара, что является потенциальным источником для получения биоразлагаемых упаковочных материалов с удовлетворительными механическими, влагоудерживающими и влагозащитными свойствами.

Достоверность полученных результатов подтверждается использованием взаимодополняющих современных физико-химических методов, таких как 1D- и 2D- ЯМР и ИК-Фурье спектроскопия, МУЛС выполненные на

уникальных приборах известных компаний (Waters, Tesla, Wyatt Technology (США), Perkin Elmer (Швейцария) и др.) и хорошим воспроизведением результатов исследований и статистических методов анализа.

Апробация работы. Основные результаты работы доложены на: международных конференциях «Eastern Analytical Symposium», (Princeton, USA, 2018) и «7th World Congress on biopolymers and polymer chemistry» (Osaka, Japan, 2018); международных научно-практических конференциях «VII глобальная наука и инновации 2019: Центральная Азия» (Нур-Султан, 2019), «Перспективы использования материалов устойчивых к коррозии в промышленности Республики Таджикистан» (23 мая 2018), «Перспективы использования новых материалов в промышленности», (Бухара, 2020); VII международной конференции «Современные проблемы физики» (ФТИ им. С.У. Умарова НАН Таджикистана, 2020); республиканской конференции «Роль химии в развитии экономики Узбекистана» (Самарканд, 2018); XIV-XV Нумановских чтениях (2018-2019); представлена статья во II номере книжной коллекции молодых ученых стран Содружества Независимых Государств «Лучший молодой ученый - 2020», Казахстан, Нур-Султан.

Публикации. Основное содержание работы опубликовано в 19 научных статьях, в том числе 4- в индексированных журналах из Перечня ВАК РФ, 1- в журнале международной базы «Scopus», 12- в материалах международных конференций и 2 тезиса докладов в республиканских конференциях.

Личный вклад автора заключается в анализе научной литературы, участии при постановке задач по теме диссертационной работы, в непосредственном проведении экспериментальных работ, обработке, анализе и интерпретации полученных результатов.

Структура и объем диссертации. Диссертация изложена на 111 страницах компьютерного текста, включая 33 рисунка и 16 таблиц. Диссертация состоит из введения, трёх глав, выводов и библиографического списка из 146 наименований.

ГЛАВА I. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

1.1. История появления биоразлагаемых упаковок пищевых продуктов

В последние годы темпы роста производства и потребления полимерных материалов неуклонно возрастают. Вместе с тем, одновременно остро встаёт проблема утилизации полимерных отходов после истечения срока эксплуатации материалов и изделий, получаемых на их основе. В странах с развитой промышленностью отходы полимерных материалов, трудно разлагающихся в естественных условиях, составляют серьёзную угрозу как источник загрязнения окружающей среды [1, 2]. В настоящее время ~30% полимерных отходов сжигаются, 30% перерабатываются вторично, 30% не утилизируются.

Для устранения последствий загрязнения окружающей среды, вызванного огромным использованием пластиковых упаковочных материалов в современном обществе, очень важно разработать новые упаковочные изделия с хорошей биodeградируемостью [3-6].

К сожалению, до настоящего времени эксперимент по производству и использованию биоразлагаемых упаковочных полимерных материалов, длящийся уже более тридцати лет, не только не дал однозначного положительного результата, но и поставил много новых, до сих пор нерешённых вопросов [3].

В последние десятилетия съедобная упаковка пищевых продуктов начала занимать свою нишу среди пластиковых упаковочных материалов наряду с активной упаковкой, с умной упаковкой, с упаковкой МГА (модифицированная газовая атмосфера, *modified atmosphere packaging*), способная контролировать атмосферу, в которой хранится продукт [3-8]. В частности, упаковка МГА учитывает, что, например, для сохранения красного цвета мяса необходимо больше кислорода; для хранения хлеба, наоборот, кислорода должно быть меньше; а для хранения фруктов нужна трёхкомпонентная газовая атмосфера, содержащая кислород, диоксид

углерода, азот в определенных соотношениях и т.п.

Первую съедобную упаковку открыли и применили в древнем Китае в 12 веке, когда перед отправкой груза на дальние расстояния моряки покрывали цитрусовые фрукты тонким слоем воска, чтобы сохранить влагу и упругость товара. И, хотя такое решение было не идеальным (из-за нарушения газообмена вкусовые качества еды снижались и постепенно терялся товарный вид), за неимением лучшего варианта сохранения свежих продуктов эта технология (лардинг) широко применялась вплоть до 19 века [9]. Для улучшения внешнего вида и сохранения качества пищевых продуктов, в это же время, в Японии использовали другую специальную плёнку, названную Йуба (Yuba), которую получали при кипячении соевого молока [10].

Проблемой создания съедобной упаковки, которая бы сохраняла такие свойства свежих продуктов как цвет, упругость, содержание воды, жирность, активно занялись учёные уже в начале прошлого века. В наше время, первые работы по съедобным плёнкам и покрытиям появились в 80-е годы [11]. В итоге к середине XX столетия в США существовало несколько торговых марок таких плёнок, которые и сегодня пользуются широким спросом. Например, известные и любимые многими многоцветные шоколадные конфеты M&M's имеют съедобное покрытие. Оно состоит из сахара, кукурузного сиропа и природной смолы - шеллака. Его создали в 1941 г. вследствие трудности продаж конфет в летние месяцы. Покрытие позволило спрятать плавкий шоколад в твердую оболочку и сделать процесс употребления конфет комфортным для потребителя [12].

В настоящее время съедобные обвёртки прочно внедрились в нашу жизнь: вафельные стаканчики, пшеничные лепешки (чапати и лаваш). Сегодня вафельные стаканчики с различными наполнителями (соль, сахар, пряности) используются для упаковки мороженого, йогуртов, плавленых сыров и т.п. Известная кофейная компания Lavazza предлагает своим клиентам съедобную чашку для кофе [13].

1.2. Основные функции биоразлагаемой и съедобной упаковок

1.2.1. Барьерные свойства плёнок и покрытий

Одной из наиболее полезных функций съедобных плёнок является наличие барьерных свойств по отношению к влаге, кислороду, диоксиду углерода, а также этилену (рис. 1.1). Пленка должна создавать атмосферу, обогащенную диоксидом углерода, но обеднённую кислородом. Однако, если кислорода будет мало, то может проявиться анаэробное «дыхание», при котором сахар превратится в спирт и появится запах. Если кислорода будет более 9%, то начнётся окисление растительных тканей и будет вырабатываться этилен, который способствует созреванию фруктов и овощей [14].

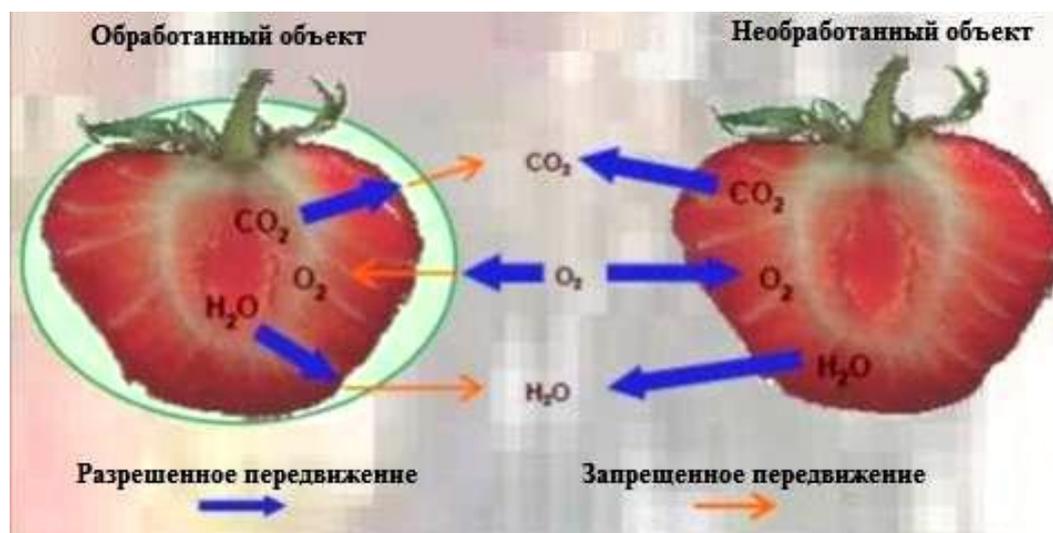

Рисунок 1.1. Схема газопроницаемости во фруктах и овощах [15].

С целью снижения паропроницаемости в состав композиций вводят жирные кислоты (лауриновую, миристиновую, пальмитиновую, олеиновую). Уменьшение паропроницаемости одновременно приводит и к некоторому снижению растворимости плёнок в воде. Полученные композиции рекомендованы для упаковки пищевых продуктов из мяса, птицы, рыбы, сухих завтраков, десертов и др. Например, на основе водной дисперсии, состоящей из соевого и некоторых других белков – в частности, казеина, коллагена, яичного белка, желатина, полисахаридов (крахмала или производных целлюлозы), а также многоатомных спиртов (глицерина,

сорбита, манита, пропиленгликоля), в настоящее время, производят съедобный упаковочный материал для колбасных (ветчины, сосисок) и других мясных продуктов [16].

Плѐнки на основе метилцеллюлозы, гидрокси-пропилметилцеллюлозы, гидроксипропилированного крахмала, пектина и др. используют в качестве покрытий мясных, рыбных продуктов, картофеля, луковых колец и т.п. при жарке для двукратного уменьшения поглощения масла. Для этого предлагаются оригинальные композиции, например, компания Beloit разработала покрытие Fry Shield, которое получают при смешивании раствора низкометоксилированного пектина с хлебными крошками, содержащими хлорид кальция [17].

1.2.2. Антимикробная функция съедобной упаковки

Антимикробная функция съедобной упаковки, предполагающая наличие бактерицидных и фунгицидных свойств, весьма востребована сегодня вследствие изменения образа жизни современных покупателей, готовых к употреблению очищенных пищевых продуктов. Такие продукты должны иметь длительный срок хранения, быть безопасными. Ведь именно они являются наиболее скоропортящимися и наиболее подвержены заражению патогенными микроорганизмами. В этом случае, они могут стать причиной распространения массовых заболеваний. Поэтому съедобные антибактериальные плѐнки и покрытия привлекают столь пристальное внимание исследователей и компаний пищевой промышленности [18].

Антимикробные съедобные плѐнки и покрытия имеют ряд преимуществ и представляют собой инновационную идею биоразлагаемых активных упаковок с потенциальным применением в области консервирования пищевых продуктов. Они разработаны для того, чтобы ингибировать рост микроорганизмов на поверхности продуктов.

В съедобные плѐнки и покрытия на основе полисахаридов и белков добавляют также такие антимикробные вещества как органические кислоты

(лимонная, яблочная, лауриновая, пропионовая, винная и т.д.), их соли, которые инактивируют рост микроорганизмов, проникая в липидный биослой мембран, ферменты (лизоцим, овотрансферин), растительные экстракты, эфирные масла растений (шалфей, орегано, душица, коричное, лимонное, горчичное, чесночное и др.). В отличие от жирных растительных масел эфирные масла представляют собой многокомпонентные смеси летучих органических соединений (ароматических, алициклических и алифатических карбонильных соединений, спиртов, кислот, эфиров и т.д.), вырабатываемых в особых клетках различных растений и обуславливающих их запах [19-22].

Сегодня интенсивно ведутся исследования по поиску новых композиций, по изучению зависимости основных свойств съедобных плёнок от состава формовочных растворов: прочности при разрыве и относительного удлинения, влаго- и газопроницаемости, антибактериальной активности, скорости диффузии компонентов в/из плёнки, термостойкости, проводят также ИК-спектроскопические исследования взаимодействия компонентов, составляющих плёнку, изучают морфологию поверхности и особенности структуры плёнок [21-25].

Технологии и инженерные науки в области нанополимерной инженерии и нанополимерных технологий сегодня бросают вызов огромному научному пространству [4, 26]. Наночастицы имеют пропорционально большую площадь поверхности, чем микромасштабные аналоги [27]. Эти нанокompозиты при добавлении в полимеры выполняют другие функции, такие как антимикробная активность, иммобилизация ферментов, зондирование и т.д. [4, 28]. Путь к научной регенерации в области биополимеров и нанокompозитов огромен и, безусловно, Рэй и др. [29] новаторски обсудили, с обширным научным пониманием, использование полимерно-глинистых нанокompозитов в упаковке пищевых продуктов. В этом плане, наноцеллюлоза является захватывающим, бодрящим и устойчивым полимерным сырьем, характеризующимся интересными

свойствами, такими как гидрофильность, хиральность и биоразлагаемость [30].

1.3. Полисахариды и белки - биоразлагаемые полимеры, источники их получения

Биополимеры, такие как полисахариды, белки и липиды, являются основным сырьём для производства биоразлагаемых и съедобных плёнок [4-6, 12, 17], необходимых для фармацевтической, медицинской, пищевой, микробиологической, химической и полиграфической промышленности. Уникальные функциональные свойства биополимеров в растворе связаны с такими поверхностными явлениями как, хелатирование, коацервация в присутствии ионов, эмульгирование и стабилизация эмульсии, формирование плёнок и мембран, набухание и гелеобразование [4, 5, 17], которые могут быть использованы для замены синтетических полимеров в пищевой и фармацевтической промышленности.

Среди природных полимеров глюкоманнан (полимер глюкозы и маннозы), в этом аспекте, получил большой интерес благодаря своим превосходным плёнообразующим свойствам (хорошая гибкость, легко очищается от литейной плиты, низкая проницаемость газа и т.д.) и является потенциальным кандидатом в разработке упаковочных материалов [7-17]. Основным источником глюкоманнана (ГМ) является растение *Конжак* (*Konjac*), это пищевое волокно (пищевая добавка E 425) широко распространено в употреблении среди жителей Востока: Японии, Китая, Северной и Южной Кореи. Конжак это разновидность растений, которое принадлежит к семейству Ароидных. Как правило, конжак выращивается в горах или на холмистых склонах в юго-восточной Азии, регионах с тропическим или субтропическим климатом при ежегодной средней температуре +16°C и 800 м над уровнем моря — в Индонезии, в юго-западной части Китая, на востоке Японии. Небольшие плантации конжака есть в Индонезии и Таиланде. Средняя урожайность конжака составляет около 1000 кг на гектар, после 3-5 лет роста. Конжаковое растение имеет

очень красивый цветок и плод, но выращивают его из-за его корня, где находится больше всего глюкоманнана. Глюкоманнан (*Glucomanan*) - это растительное волокно высокой степени очистки, продукт переработки конжака. Самое богатое глюкоманнаном растение - *Аморфофаллус конжак* (*Amorphophallus konjac*), произрастающее в Азии.

Глюкоманнаны разнообразны по моносхаридному составу, но чаще всего под этим названием имеют в виду биополимер, добываемый из корней растения *конжак*. Он под действием кислоты или щёлочи гидролизуется до Д-маннозы и Д-глюкозы в количественном соотношении 8:5. Многочисленные исследования доказали, что употребление добавки Е 425 способно привести к снижению холестерина в крови и веса. Допустимая норма суточного потребления добавки Е 425 в странах СНГ не ограничена (<https://zakonbase.ru/content/part/1262405>).

Глюкоманнан *конжака* представляет собой водорастворимый нейтральный растительный полисахарид с высокой молекулярной массой, основная цепь которого состоит из -1,4-связанных маннозных и боковых цепей, связанных -1,6-гликозильными звеньями [31]. Он широко используется в фармацевтической, химической и пищевой промышленности [10-17]. В последние годы исследования по разработке пищевых плёнок на основе ГМ с различными полимерами и связующими веществами становится перспективным направлением, что привлекает внимание многих исследователей [31-56].

Среди различных усилий по преодолению существующих недостатков известных плёнкообразующих материалов было обнаружено, что смешивание глюкоманнана с другими биоразлагаемыми пленкообразующими компонентами является простым, безопасным и эффективным способом для достижения желаемого свойства, например, композиты ГМ с полидиаллилдиметиламмонным хлоридом [32], с ксантаном [33], геланом [34], метилцеллюлозой [35], хитозаном [36] и курдланом [37]. Курдлан - это бактериальный полисахарид, образующийся в результате

ферментации *Alcaligenes faecalis*, и его линейная структура полностью состоит из 1,3- β -глюкозидных связей, которые широко распространены в природе.

Однако индивидуальная плёнка ГМ и его композиты с водорастворимыми полимерами имеет некоторые недостатки, такие как плохая водостойкость и влагобарьерные свойства [4, 6, 12]. Были получены супер водонабухающие гидрогели на основе ГМ и полиакриловой кислоты [38]. Модификация ГМ с кислотами не дало хороших результатов [39].

1.3.1. Плёнки на основе глюкоманнана конжака и их характеристики

В работах [41-43] исследованы композиционные съедобные плёнки на основе глюкоманнана конжака (ГМК) и пектина с добавлением полифенолов чая для активной упаковки пищевых продуктов. Показано, что с добавлением чайных полифенолов значительно улучшились антиоксидантная и антимикробная активности плёнок, в то же время вызывая снижение барьерных свойств, содержания влаги и коэффициента удлинения при разрыве. В целом, разработанные плёнки пектин/ГМК/полифенол проявили потенциальные качества для применения в качестве биологически активных материалов в секторах упаковки пищевых продуктов.

Авторами [41] были исследованы формирование, свойства и функции полисахаридной плёнки (ПП). ПП создавалась путем добавления полифенолов чая в матрицу пектина и хитозана методом смешивания. Исследования показали, что толщина и проницаемость водяного пара для ПП были выше с добавлением полифенолов чая, а предел прочности на разрыв был уменьшен на 17%, и его удлинение при разрыве увеличилось на 37%. Результаты ИК-Фурье спектроскопии и результаты сканирующего электронного микроскопа показали, что полифенолы чая взаимодействовали с основой плёнки сделали его состав более сложным. Кроме того, ПП показала замечательную антиоксидантную и антисептическую активности. Показано,

что такая ПП может эффективно препятствовать деградации цвета свежей говядины в течение 8 дней хранения.

Антибактериальные плёнки были получены путем введения ГМК и геллановой камеди в качестве матрицы, глицерина в качестве пластификатора, CaCl_2 в качестве сшивающего агента и галловой кислоты в качестве природного антибактериального агента в работе [44]. Структуру плёнки анализировали посредством ИК-Фурье спектроскопии и дифракции рентгеновских лучей. Показано, что термическая стабильность смесей была выше, чем у чистой геллановой камеди, из-за сшивания Ca^{2+} между геллановой камеди и ГМК. Угол контакта с водой и проницаемость водяного пара были проанализированы для определения гидрофобности пленок. Морфологические исследования показали, что поверхностная компактность и однородность смешанных плёнок увеличивалась с увеличением содержания ГМК. Добавление ГМК значительно улучшило механическую прочность плёнок. Кроме того, глюкоманнан коньяка улучшил пропускную способность из смешанных плёнок, в то же время усиливая антимицробную активность против кишечной палочки (*Escherichia coli*) и золотистого стафилококка (*Staphylococcus aureus*). Были измерены антиоксидантные свойства галловой кислоты, внедренную в плёнку. Композитные плёнки, содержащие 70 масс. % глюкоманнана коньяка (Ca-KG7), показали лучшие свойства. Эти результаты предлагают альтернативный метод синтеза упаковочных плёнок на основе геллановой камеди с улучшенными свойствами.

Композитная плёнка была разработана из рафинированного каррагинана, полуочищенного каррагинана и глюкоманнана коньяка в различных соотношениях для сохранения функциональности активной упаковки кунжутного масла [45]. В данной работе также исследованы физико-механические и функциональные свойства композитных плёнок и определялся срок годности кунжутного масла, упакованного в композиты

при хранении. Результаты показали, что этот упаковочный материал является альтернативой обычному пластиковому упаковочному материалу.

Плѐнки на основе ГМК обработали гидроксидом калия (KOH) или гидроксидом кальция (Ca(OH)₂) и оценили его использование в качестве повязки на рану [46]. Плѐнка ГМК, обработанная Ca(OH)₂, показала более лучшие свойства: набухание, прочность на растяжение и удлинение при разрыве по сравнению с плѐнкой ГМК, обработанной KOH. Результаты анализа в опытах *in vitro*, дополнительно, указывают на биосовместимость плѐнки ГМК-Ca(OH)₂ с клетками фибробластов L929 и клетками кератиноцитов HaCaT. Плѐнка ГМК-Ca(OH)₂ также ингибировала абсорбцию и активацию тромбоцитов, что эффективно способствует сокращению заживления ран в опытах *in vivo*, особенно на ранней стадии заживления. Гистологическое исследование выявило значительную секрецию коллагена и прогрессивное развитие грануляционной ткани и эпителиального покрытия к 7 и 14 дням после операции на ранах. Результаты этого исследования указывают на потенциальное использование плѐнки глюкоманнана конжака, обработанной щелочью, в качестве повязки на рану.

В исследовании [47] разработана новая композитная плѐнка на основе глюкоманнана конжака в сочетании с шеллаком методом литья и испарения растворителя. Для исследования потребительских характеристик и свойств плѐнки применялись ротационная реометрия, полевая эмиссионная сканирующая электронная микроскопия, ИК-Фурье спектроскопия и дифференциальная сканирующая калориметрия. Для оценки влияния шеллака на механические свойства плѐнки, изучали их физико-механические свойства. Изображения полевой эмиссионной сканирующей электронной микроскопии подтвердили, что все смешанные плѐнки имели непрерывный и однородный вид без разделения фаз. Сформированные химические связи изучали с помощью ИК-Фурье спектроскопии. Кроме того, результаты исследования показали, что термическая устойчивость и механические свойства плѐнок, такие как прочность на растяжение и относительное

удлинение при разрыве, были улучшены путем добавления шеллака и добавление шеллака в плёнки приводило к увеличению их водостойкости.

Для выяснения взаимодействия между биополимерами карбоксиметиллом ГМК (КМГМК) и изолятом соевого белка (ИСБ) были приготовлены плёнки в различных соотношениях биополимеров и охарактеризованы их физико-химические свойства [48]. Результаты исследования показали, что КМГМК и ИСБ совместимы и формирование смешанной плёнки протекает по реакции Майера и за счет водородных связей. Адсорбция воды плёнкой КМГМК/ИСБ постепенно снижалась с увеличением фракции КМГМК, но смачиваемость поверхности смешанных плёнок улучшалась с увеличением содержания КМГМК; смешанные плёнки КМГМК/ИСБ имели повышенную прочность на разрыв и удлинение при разрыве по сравнению с индивидуальными плёнками КМГМК и ИСБ; кислородопроницаемость смешанных плёнок была меньше; шероховатость уменьшалась с увеличением содержания КМГМК. Кроме того, плёнка КМГМК/ИСБ была биосовместимой и биоразлагаемой.

Изучение способов получения биоматериалов с антибактериальными свойствами в ультрамалых масштабах представляет большой научный и технологический интерес. В работе [51] в основе гидрофильной/гидрофобной теории, была успешно изготовлена новая плёночная упаковка для пищевых продуктов из глюкоманнана конжака /полиметилметакрилата/хлорогеновой кислоты с использованием технологии микрожидкостного прядения (MST). Результаты ИК-Фурье спектроскопии и рентгеновской дифракции подтвердили образование водородных связей в плёнках, что приводит к улучшению механических свойств. Термогравиметрический анализ и дифференциальная сканирующая калориметрия показали очень хорошую термостабильность плёнки. Измерение проницаемости водяного пара ($1.47 \cdot 10^{-5} \pm 0.11$ г/м·ч·кПа) и угла контакта с водой (89.2 град.) доказало, что плёнки были гидрофобными. Хорошая степень набухания ($85.18 \pm 15.65\%$) указывает на потенциал плёнки при высвобождении хлорогеновой кислоты.

Глюкоманнан конжака играл ключевую роль в антибактериальных действиях против золотистого стафилококка (латинское название $(8.5 \pm 3.5 \text{ мкм})$) и кишечной палочки (латинское название) $(6.5 \pm 2.1 \text{ мкм})$, используя его дрoфилизацию. Таким образом, эта работа может дать новую идею для создания активных упаковочных плёнок для пищевых продуктов со значительными характеристиками на основе гидрофильной/гидрофобной стратегии.

В работе [52] сообщено о новом способе микрофлюидной технологии для получения плёнки на основе ГМК, поливинилпирролидаи галлата эпигаллокатехина. Авторы работы исследовали плёнку методами сканирующей электронной микроскопии, ИК-Фурье спектроскопии, рентгеновской дифракции и термогравиметрическим анализом. Полученная плёнка была прозрачной, упорядоченной структуры, термически стабильной и однородной со средней шириной менее 1 мкм. Она продемонстрировала отличную антибактериальную эффективность (на 97.1% против *E. coli*, 99.7% против *S. aureus*, 97.3% против *S. enterica* и 99.9% против *B. subtilis*) при антибактериальном тесте. Кроме того, плёнка способствовала заживлению ран с прогрессирующим развитием неоваскуляризации и волосяных фолликулов. Данная стратегия с использованием микрофлюидной технологии продемонстрировала простой и зеленый путь для создания биоплёнок медицинского назначения.

В работе [53] новые активные бионанокompозитные плёнки готовили путем смешивания наночастиц хитозана/галловой кислоты и нанофильной целлюлозы [54] в смешанную плёнку ГМК. Авторы [53] изучали влияние содержания наночастиц хитозана/галловой кислоты на структурные, морфологические, механические, барьерные, термические и антимикробные свойства плёнок. Результаты реологических исследований плёнообразующих растворов посредством ИК-Фурье спектроскопии, рентгеноструктурного анализа и термического анализа показали, что наночастицы хитозана/галловой кислоты взаимодействовали с глюкоманнаном конжака

через водородные связи в бионанокompозитной матрице. Микроструктура плёнок показала, что добавление 5–10% наночастиц хитозана/галловой кислоты, по-видимому, однородно диспергированы в матрице плёнки ГМК, тем самым уменьшая свободный объем композитной матрицы и значительно улучшая механические и барьерные свойства конечных плёнок бионанокompозита ($p < 0.5$). По сравнению с индивидуальной плёнкой ГМК бионанокompозитные плёнки КГМ/наночастиц хитозана/галловой кислоты показали превосходную антимикробную активность против пищевых патогенов, таких как грамположительных (*Staphylococcus aureus*) и грамотрицательных (*Escherichiacoli* O157: H7) бактерий, благодаря антимикробной эффективности наночастиц хитозана/галловой кислоты. Следовательно, бионанокompозитные плёнки конжака глюкоманнана/наночастиц хитозана/галловой кислоты обладают хорошим потенциалом для применения их в активных упаковочных материалах для пищевых продуктов.

1.3.2. Примеры биоразлагаемых плёнок на основе зеина и полисахаридов

Зеин - это плёнкообразующий природный полимер с обильными источниками и низкими ценами. Зеин является перспективным биополимером для применения в упаковочной промышленности благодаря своим превосходным способностям - задерживать проникновение кислорода вовнутрь пищи и гидрофобным свойствам [55-60]. Он синтезируется и хранится в зерне кукурузы и состоит из α - и β - зеина [61, 62]. Зеин, растворимый в спирте кукурузный запасной белок, содержащий более 50% гидрофобных аминокислотных остатков, был изучен в качестве потенциального биоматериала для разработки коллоидных систем доставки [21, 63], что помогает задерживать высвобождение и окисление биологически активных соединений. Нерастворимая характеристика зеина в воде делает его хорошим кандидатом для разработки биополимерных микро/наноразмерных частиц, которые можно использовать для

контролируемой доставки ароматизаторов, лекарств или микроэлементов [21, 64, 65].

Плѐнки из индивидуального зеина имеют плохие механические свойства, но высокую водонепроницаемость благодаря высокому уровню неполярных аминокислот и низкой газопроницаемости, обеспечивая хороший потенциал зеину для производства смешанных пищевых плѐнок и покрытий [21, 59, 66-76]. Например, смесь зеин-хитозан, с повышенным содержанием зеина, продемонстрировала более высокие барьерные свойства для паров воды [66]. Механические свойства и барьеры по отношению паров воды для плѐнок на основе ИСБ с добавлением наночастиц зеина были максимальными [67].

Плѐночные смеси конжак глюкоманнан/зеин были получены путем литья в раствор при различных температурах сушки (40, 50, 60, 70 и 80°C) [68]. Было исследовано влияние температуры сушки на структурные, термомеханические, механические и водонепроницаемые свойства плѐнок. Микроструктурные наблюдения показали, что частицы зеина были гомогенно диспергированы в ГМК непрерывной матрице (плѐнка), а смешанная плѐнка, высушенная при 60°C, показала наиболее компактную и гладкую поверхность. Кривые динамического механического термического анализа показали, что с повышением температуры сушки от 40 до 60°C температура стеклования плѐнок возрастала; однако при дальнейшем повышении температуры температура стеклования снижалась, что указывает на то, что совместимость компонентов плѐнки была самой высокой при сушке 60°C. Гидрофобность смешанной плѐнки, высушенной при 60°C, была значительно выше, чем у других смешанных плѐнок, поддерживаемых самым высоким углом контакта с водой, а также самым низким коэффициентом набухания и растворимостью. Кроме того, плѐнка, высушенная при 60°C, показала самую высокую прочность и удлинение при разрыве и самую низкую проницаемость водяного пара. Поэтому температура сушки при 60°C была предпочтительной для получения плѐнки смеси ГМК/Зеин. Это

исследование показало, что межмолекулярные взаимодействия между компонентами плёнки в значительной степени зависят от температуры сушки, и их следует тщательно отслеживать при подготовке плёнки [68].

Изучение способов получения биоразлагаемых и биологически активных нанофибрильных плёнок представляет большой научный и технологический интерес. О создании нанофибрильных плёнок на основе ГМК и зеина с помощью технологии электроспиннинга было сообщено в работе [69]. Характеристика нанофибрильных плёнок была изучена с помощью сканирующего электронного микроскопа, термогравиметрического анализа, ИК-Фурье спектроскопии, рентгеновской фотоэлектронной спектроскопии, рентгеновской дифракции и измерения угла контакта на поверхности воды. Было подтверждено, что взаимодействие между ГМК и зеином происходит за счёт водородных связей, и показано, что добавление зеина вызывало увеличение термических свойств и гидрофобности плёнок. Морфология и размер нановолокон существенно зависели от содержания зеина. Дополнительно, в нанофибрильные плёнки ГМК/Зеин добавляли куркумин, природное полифенольное соединение, для исследования антибактериальных и антиокислительных свойств новых нанофибрильных плёнок. По сравнению с плёнкой из индивидуального ГМК нанофибрильные плёнки ГМК/Зеин/Куркумин показали наибольшую антибактериальную активность против пищевых патогенов.

1.3.3. Физико-механические свойства биоразлагаемых плёнок

Биоразлагаемые упаковочные материалы представляют собой одно из возможных решений снижения негативного воздействия пластмасс на окружающую среду [70].

В работе [71] изучено влияние биополимеров (амилопектина, декстрина, экструдированного пшеничного крахмала, альгината и соевого белка) на их физико-механические свойства. На рис. 1.2. и 1.3 представлены результаты измерения прочности при разрыве крахмально-альгинатных,

декстрино-альгинатных и крахмально-белковых пленок. Состав биоупленок и соотношение компонентов представлены в таблице 1.1. Как видно, наибольшей прочностью обладают пленки, в состав которых входит амилопектин. При этом композиция амилопектин (40%) с альгинатом натрия (60 %) позволяет получить более прочные пленки, по сравнению с пленками, в состав которых входит амилопектин (40%) и соевый белок (60%). Получение декстрина из крахмала и экструдирование пшеничного крахмала приводят к снижению степени полимеризации его компонентов – амилозы и амилопектина [72]. В связи с этим механическая прочность биоупленок, в состав которых входят декстрин и экструдированный крахмал, ниже, чем прочность пленок с амилопектином. При смешении декстрина с соевым белком однородная суспензия в рассматриваемых условиях не образовывалась, соответственно, качественные биополимерные пленки из водной среды с этими компонентами не формовались.

Различные условия обработки пшеничного крахмала (тип А, тип В) влияют на прочность биоупленок. В частности, биоупленки из экструдированного пшеничного крахмала типа А (50 %) - альгинат натрия (50 %) на 1.3 МПа прочнее биоупленок из пшеничного крахмала типа В (50 %) - альгинат натрия (50 %).

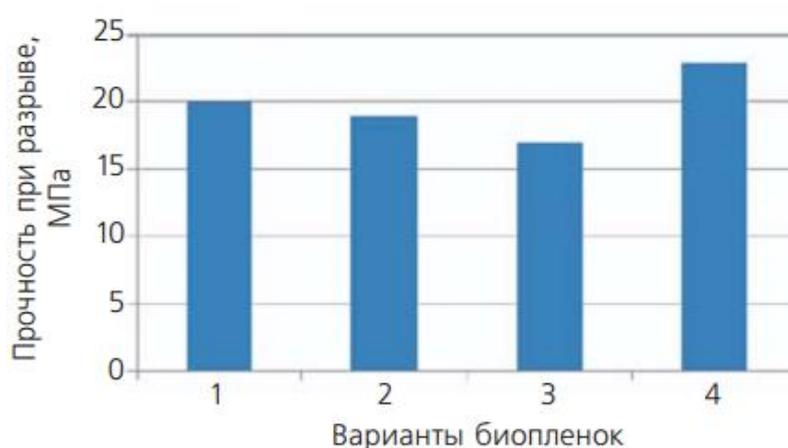

Рис. 1.2. Прочность при разрыве крахмально-альгинатных и декстрино-альгинатных биоупленок (состав биоупленок и соотношение компонентов представлены в таблице) [71].

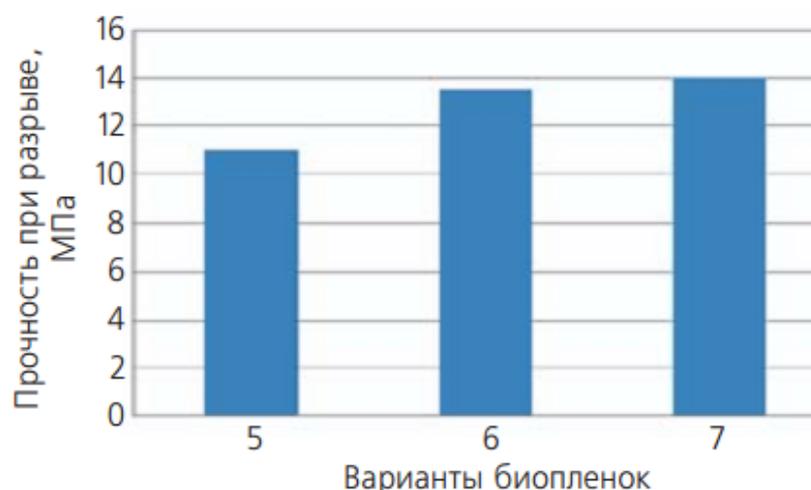

Рис. 1.3. Прочность при разрыве крахмально-белковых биопленок (состав биопленок и соотношение компонентов представлены в таблице) [71].

Таблица 1.1. Состав и толщина биополимерных пленок [71].

Биополимер	Содержание биополимеров, %						
	Вариант						
	1	2	3	4	5	6	7
Пшеничный крахмал тип А	50	–	–	–	80	–	–
Пшеничный крахмал тип В	–	50	–	–	–	50	–
Декстрин из кукурузного крахмала	–	–	40	–	–	–	–
Модифицированный кукурузный крахмал (амилопектин)	–	–	–	40	–	–	40
Альгинат бурых водорослей	50	50	60	60	–	–	–
Соевый белок	–	–	–	–	20	50	60
Толщина, мкм	90	110	120	110	110	110	100
*В качестве пластификатора вводили глицерин для пленок с соевым белком – 17 % и для пленок с альгинатом натрия – 25 %.							

При введении соевого белка в состав биопленок из крахмала типа А и типа В наблюдается противоположная зависимость. Прочность биопленок из экструдированного пшеничного крахмала типа В выше прочности биопленок из крахмала типа А на 2 МПа. Следовательно, биополимерные пленки из амилопектина и альгината натрия имеют более высокие физико-механические свойства. Прочность этих биопленок при разрыве достигает 23 МПа, что сопоставимо с прочностью полиэтилена низкого давления (ГОСТ 16338–85). На рисунках 1.4 и 1.5 показана взаимосвязь прочности при

разрыве и удельной плотности амилопектиновых биопленок от содержания компонентов. Варианты биопленок получали на основе амилопектина с добавлением альгината натрия и соевого белка.

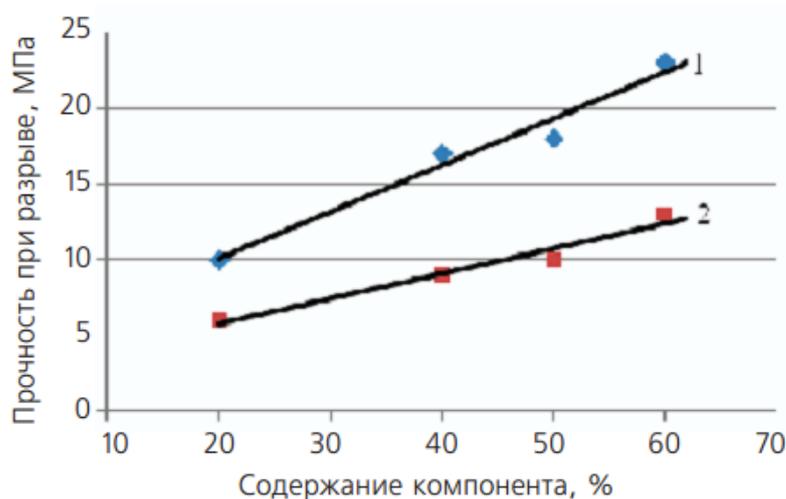

Рис. 1.4. Зависимость прочности при разрыве амилопектиновых биопленок от содержания компонентов:

1 - биопленки с альгинатом натрия; 2 - биопленки с соевым белком [71].

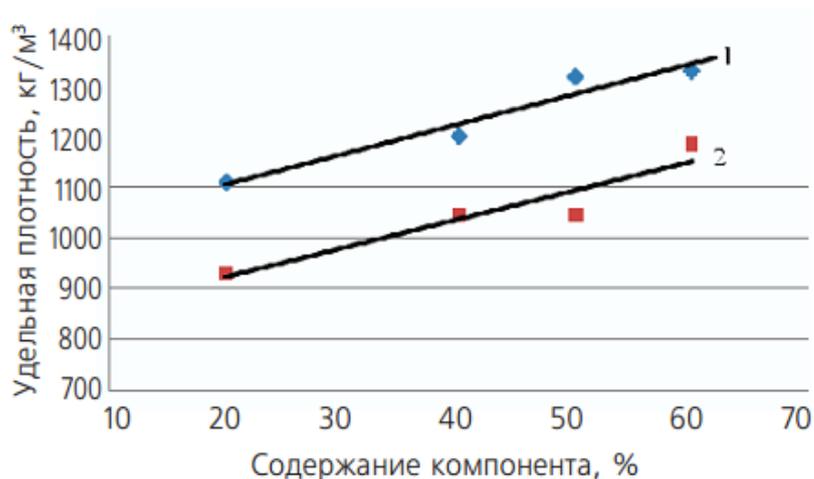

Рис. 1.5. Зависимость удельной плотности амилопектиновых биопленок от содержания компонентов:

1 - биопленки с альгинатом натрия; 2 - биопленки с соевым белком [71].

Как видно из представленных данных, альгинат натрия и соевый белок способствуют увеличению прочности биопленок при разрыве. Увеличение содержания в биопленках альгината натрия и соевого белка с 20 до 60% повышает прочность при растяжении и удельную плотность в два раза. При

введении альгината натрия в состав биополимерных пленок на основе амилопектина относительное удлинение при разрыве снижается (рис.1.6). В то же время при введении в состав биопленок соевого белка относительное удлинение при разрыве увеличивается. Следовательно, соевый белок способствует увеличению пластичности материала.

Таким образом, биопленки с амилопектином имеют более высокую прочность при разрыве по сравнению с пленками из экструдированного пшеничного крахмала и декстрина. По сравнению с соевым белком введение в состав биопленок альгината натрия приводит к увеличению их прочности при разрыве. Применение в составе биопленок соевого белка способствует увеличению относительного удлинения при разрыве, при этом альгинат натрия снижает значение данного показателя [71, 73].

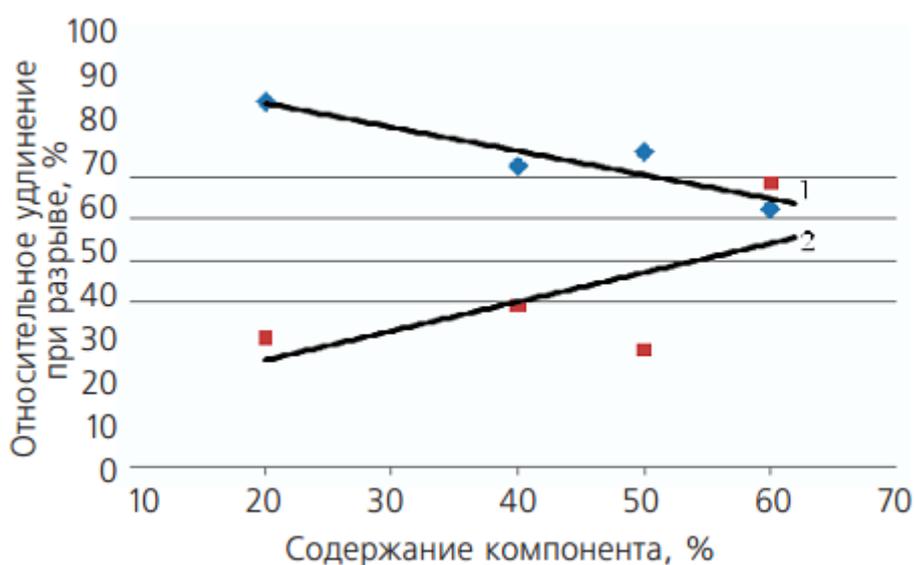

Рис.1.6. Зависимость относительного удлинения при разрыве амилопектиновых биопленок от содержания компонентов:

1 - биопленки с альгинатом натрия; 2 - биопленки с соевым белком [71].

Физические свойства пленок из казеината натрия и растворимого крахмала, пластифицированные полиолом изучались в работе [74]. Пленки получали из водной смеси казеината натрия и растворимого крахмала методом литья, экструзии и горячего прессования. В качестве пластификатора добавляли полиол. Полученные пленки хранили при разных

значениях относительной влажности и изучали механические, тепловые свойства и проницаемость пленок. Показано, что с увеличением содержания пластификатора (воды, полиолы) увеличивается относительное удлинение пленок, а показатели модуля упругости и прочности на растяжение снижаются. Макроскопические исследования показали, что двух- или трехкомпонентные пленки имеют равномерную структуру. При содержании пластификатора ниже, чем 17 % тепловые и механические свойства пленок находятся в допустимых пределах для получения упаковочных материалов [74, 75].

В работе [76] получены композитные пленки из изолята белка молочной сыворотки, желатина и альгината натрия. Изучались такие показатели как прочность на разрыв, относительное удлинение при разрыве, паропроницаемость и проницаемость кислорода. Исследовали микроструктуру композитных пленок методом сканирующей электронной микроскопии. Было определено, что пропорция ингредиентов, необходимых для получения оптимальных композитных пленок, составляет: изолята сывороточного белка (г): желатин (г): альгината натрия (г) = 8.0: 12.0: 5.0.

В работе [10] изучали серию пленок из смеси пластифицированного глицерином горохового крахмала/конжака глюкоманнана (ГК/КГМ). Структура, термическое поведение и механические свойства пленок были исследованы с помощью ИК-Фурье спектроскопии, широкоугольной дифракции рентгеновских лучей, сканирующей электронной микроскопии, дифференциальной сканирующей калориметрии и испытаний на растяжение. Показано, что между макромолекулами крахмала (ГК) и конжака глюкоманнана (КГМ) образуется прочная водородная связь, что приводит к хорошей смешиваемости между ГК и КГМ в смесях. По сравнению с индивидуальной ГК прочность на разрыв смесевых пленок значительно увеличивалась с 7.4 до 68.1 МПа при увеличении содержания КГМ с 0 до 70 масс. %. Величина удлинения при разрыве смешанных пленок была выше, чем у ГК, и достигала максимального значения 59%, когда содержание КГМ

составляло 70 масс. % и 20% глицерина в качестве пластификатора. Включение КГМ в матрицу ГК также приводило к увеличению поглощения влаги материалами на основе ГК.

Результаты исследования механических свойств композитов ГК/КГМ (от 100-0-15 до 0-100-15) представлены на рис. 1.7 и 1.8. Как видно, прочность на разрыв (σ_p), так и относительное удлинение при разрыве (ε_p) смесей выше, чем у индивидуального крахмала (100-0-15). Ступенчатый рост σ_p и ε_p увеличивается с увеличением содержания КГМ при фиксированном содержании глицерина.

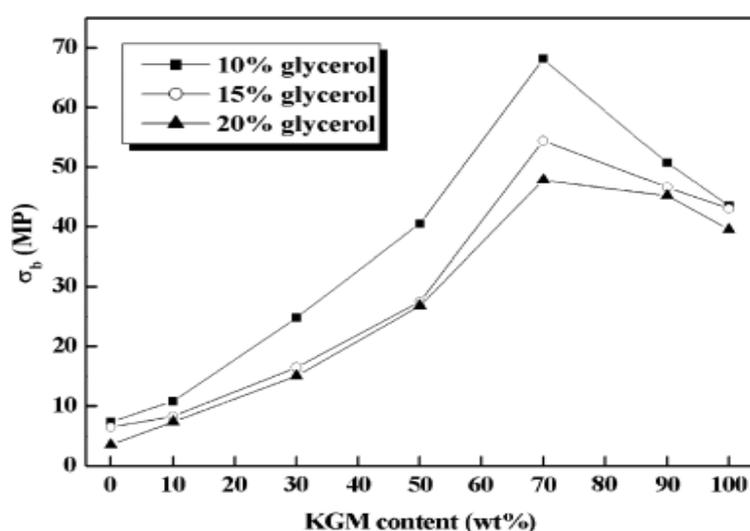

Рис. 1.7. Зависимость прочности на разрыв смесевых пленок ГК/КГМ от содержания КГМ [77].

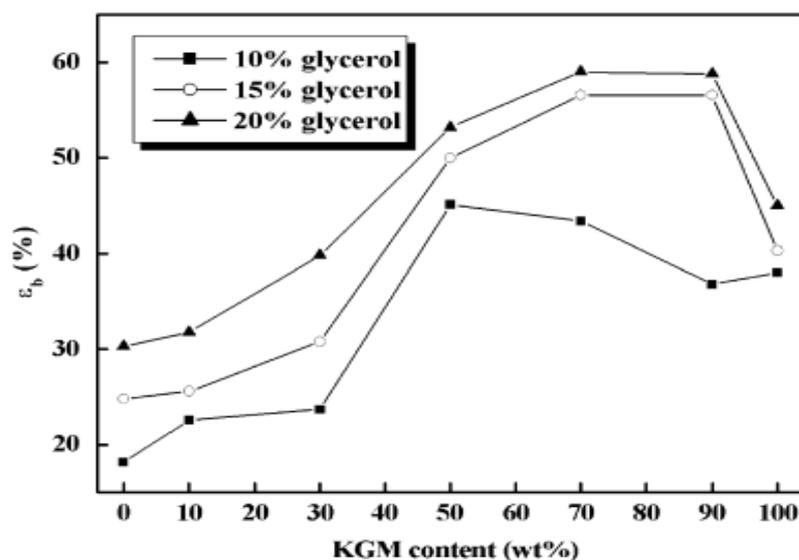

Рис. 1.8. Зависимость относительного удлинения при разрыве смесевых пленок ГК/КГМ от содержания КГМ [77].

В целом термоуплотнение пленок увеличивалось с увеличением содержания КГМ в смесевых пленках. При содержании КГМ 70 масс. % σ_p достигает максимума 68.1 МПа в пленке 30-70-10; а ϵ_p достиг максимума 59.0% в пленке 30-70-15. Все термобарьеры смесевых пленок выше, чем у соответствующих пленок из индивидуального крахмала с таким же содержанием глицерина. Это связано с разрывом межмолекулярных водородных связей и образованием внутримолекулярного взаимодействия между ГК и КГМ.

КГМ способствовал формированию синергетических взаимодействий с отдельными каррагинаном, ксантаном, гель-ланом и кукурузным крахмалом [78], а синергетические взаимодействия между КГМ и ГК в этом случае приводили к улучшению как предела прочности при растяжении, так и относительного удлинения при разрыве пленок из смеси ГК/КГМ. С другой стороны, синергетическое взаимодействие может иметь тенденцию улучшать движение сегментов цепи, прилегающих к нему, и воздействовать на перекристаллизацию в крахмале [79].

Согласно работе [80] особые взаимодействия между амилозой крахмала и молекулами КГМ сильнее, чем между амилопектином и КГМ, поэтому амилозе легче, чем амилопектину с разветвленной цепью, смешиваться с КГМ. Амилоза крахмала аналогичен КГМ по структуре, что делает его совместимым с КГМ. По этой причине прочность на разрыв и удлинение при разрыве смешанных пленок были улучшены одновременно, что могло привести к потенциальным применениям в биоразлагаемой упаковке.

Композитные съедобные пленки пектина (ПЕК) и конжака глюкоманнана (КГМ) были разработаны с добавлением полифенолы чая (ПЧ) для активной упаковки пищевых продуктов [81]. Оценивали влияние 1-5% ПЧ (в пересчете на сухой вес ПЕК и КГМ) на структурные и физические свойства, антиоксидантную и антимикробную активность полученных пленок ПЕК/КГМ. ИК - Фурье спектроскопия и сканирующая электронная микроскопия свидетельствуют о хорошей совместимости компонентов и

хорошей дисперсии ПЧ в матрице из-за наличия водородных связей между ними.

Добавление ПЧ значительно улучшило антиоксидантную и противомикробную активность пленок, в то же время, вызвав снижение пропускания, содержания влаги и удлинения при разрыве. В частности, добавление ПЧ в соответствующих количествах значительно улучшило механические и водостойкие свойства пленок. Например, прочность на разрыв и значение краевого угла смачивания пленок с 2% ПЧ увеличились на 5.28 МПа и 18.93 градус, соответственно [82].

Влияние различных концентраций ПЧ на механические свойства пленок ПЕК/КГМ представлено на рис. 1.9. Из рисунка видно, что присутствие ПЧ в композите вызывает достоверные ($p < 0.05$) различия в значениях σ_p и ϵ_p .

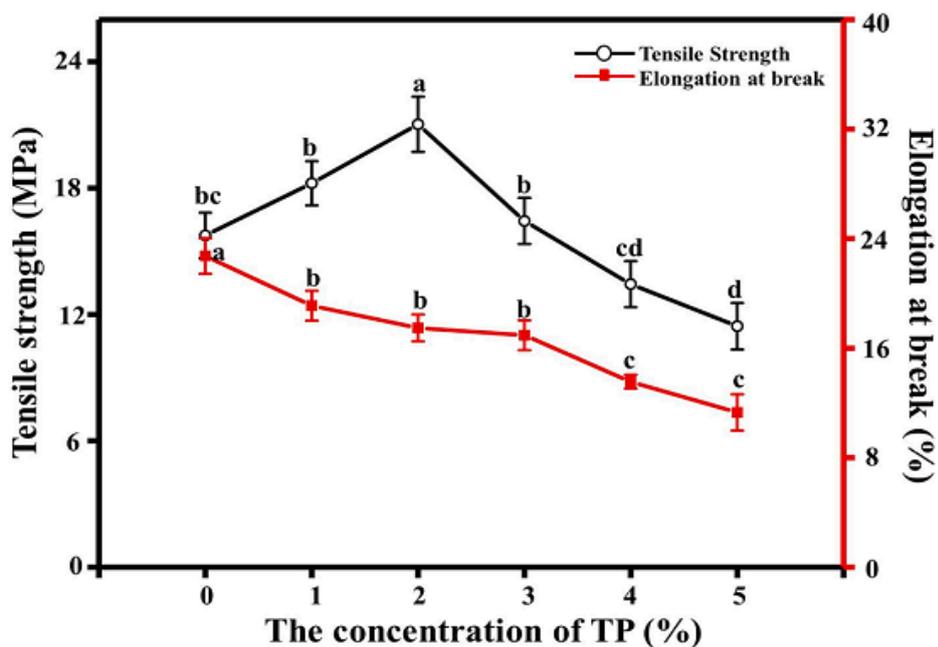

Рис. 1.9. Влияние концентраций ПЧ (%) на механические свойства (прочность при разрыве (σ_p) и удлинение при разрыве (ϵ_p)) пленок ПЕК /КГМ [81].

Пленки ПЕК/КГМ имели удовлетворительные механические свойства, σ_p и ϵ_p которых были на 15.75 ± 2.08 МПа и $16.94 \pm 1.79\%$ соответственно выше, чем у пленок на основе индивидуального пектина, максимальные σ_p и ϵ_p которых были 14.78 ± 0.25 МПа и $6.37 \pm 0.37\%$ [83]. Это указывает на то, что

улучшенные механические свойства пленок, особенно для значений ϵ_r , могут быть получены путем смешивания ПЕК и КГМ. Сходные результаты были получены [84,85] в пленках смеси пектин-альгинат натрия и конжака глюкоманнан-зеин, соответственно, которые были приписаны сильным взаимодействиям между пленкообразующими веществами.

Как правило, различные типы и концентрации добавляемых активных соединений оказывают значительное влияние на механическое поведение пленок [86]. Как видно из рис. 1.9 с увеличением содержания ПЧ в ПЕК/КГМ до 2% прочность композитных пленок увеличивается, а затем снижается; ϵ_r уменьшается с ростом концентрации ПЧ во всей области составов. По данным ИК-Фурье спектроскопии добавление ПЧ приводит к сильным взаимодействиям между функциональными группами молекул ПЕК и КГМ, такими как гидроксильные и карбоксильные группы, а фенольная гидроксильная группа существует в ПЧ через взаимодействие с водородом.

1.3.4. Степень набухания пленок

Физические характеристики гидрогелиевых композитов способствуют определению степени набухания гидрогелиевых плёнок, т.е. количеству поглощённой ими воды и степени её проникновения. Набухание таких систем напрямую зависит от химической структуры полимерных композитов и обратно от плотности поперечных связей между ними.

Набухание и упругость полимерных гелей (как нейтральных, так и полиэлектролитных) были предметом многочисленных теоретических и экспериментальных исследований. Однако задача количественного описания и предсказания свойств слабо сшитых гелей, особенно биodeградируемых полимеров, все ещё не решена до конца. Это связано с рядом обстоятельств, важнейшими из которых являются влияние прямых электростатических и гидрофобных взаимодействий на движущие силы набухания, большой диапазон деформаций цепей сетки, требующий учёта отклонений от гауссовой статистики, влияние объёмных и кулоновских взаимодействий на

упругость сетки. Хотя учёт этих факторов в принципе разработан (за некоторым исключением), несовершенство сетки и неоднородность реальных гелей, которые трудно охарактеризовать прямыми методами, приводят к необходимости проведения систематических экспериментальных исследований набухания и упругих свойств слабосшитых полимерных гидрогелей.

В физике полимеров взаимодействие молекул полимера и жидкости описывается уравнением Флори-Ренера (одноименная теория равновесного набухания [87]). Оно описывает равновесное набухание слабо сшитого полимера с точки зрения плотности сшивки и качества растворителя. В модели Флори и Ренера степень набухания полимера находится в равновесии между его эластичными и термодинамическими силами, образующимися при смешивании полимера и растворителя [88]. Указанная теория даёт изменение свободной энергии при набухании полимерного геля аналогично теории раствора Флори-Хаггинса:

$$\Delta G = \Delta G_{\text{см.}} + \Delta G_{\text{эласт.}} \quad (1.1)$$

Теория рассматривает силы, возникающие из трех источников:

1. Энтропии изменение вызвано путём смешивания полимера и растворителя $\Delta S_{\text{см.}}$.

2. Теплота смешивания полимера и растворителя, которая может быть положительной, отрицательной или нулевой, так что

$$\Delta U_{\text{см.}} \Delta G_{\text{см.}} = \Delta G_{\text{см.}} - T \Delta S_{\text{см.}} \quad (1.2)$$

3. Изменение энтропии, вызванное уменьшением числа возможных цепных конформаций через набухание $\Delta G_{\text{эласт.}}$.

Пеппас и Мерилл [89] модифицировали теорию Флори и Ренера для случая получения гидрогелей из растворов полимеров, при котором благодаря эластичным силам, наличие воды влияет на изменение химического потенциала внутри системы [88-91]. Изменение химического потенциала при смешивании можно определить по теплоте и энтропии смешивания

$$\Delta\mu_{mix} = RT(\ln(1 - \nu_{2,s}) + \nu_{2,s} + \chi_1 \nu_{2,s}) \quad (1.3)$$

где $\nu_{2,s}$ - удельный объем полимера, χ_1 - параметр взаимодействия полимер-растворитель. Используя соответствующие термодинамические соотношения, химический потенциал смешивания и учитывая вклад упругости полимера для гелей в присутствии воды, уравнение для химического потенциала можно выразить как [91]:

$$\Delta\mu_{elastic} = RT \left(\frac{V_1}{\nu M_c} \right) \left(1 - \frac{2\bar{M}_c}{M_n} \right) \nu_{2,r} \left(\left(\frac{\nu_{2,s}}{\nu_{2,r}} \right)^{1/3} - \frac{\nu_{2,s}}{2\nu_{2,r}} \right) \quad (1.4)$$

где $\nu_{2,s}$ - удельный объем полимера при релаксации, V_1 - молярный объем агента набухания (воды), M_c - молекулярная масса полимерных цепей между точками соединения, а M_n - молекулярная масса полимерных цепей, если не было введено поперечных связей. Путём объединения уравнений 3 и 4 набухающие свойства нейтрального полимерного композита в присутствии воды можно записать как:

$$\frac{1}{M_c} = \frac{2}{M_n} - \frac{(\nu / V_1) [\ln(1 - \nu_{2,s}) + \nu_{2,s} + \chi_1 \nu_{2,s}]}{\nu_{2,r} \left(\left(\nu_{2,s} / \nu_{2,r} \right)^{1/3} - (\nu_{2,s} / 2\nu_{2,r}) \right)} \quad (1.5)$$

Химическая структура полимера влияет на набухание в результате наличия функциональных групп полимерных цепей внутри гидрогелей. Например, гидрогели с гидрофильными группами набухают больше по сравнению с гидрогелями с гидрофобными группами; последние в присутствии воды не увеличиваются в объёме [92]. Для класса «умных» гидрогелей, объем при набухании изменяется в зависимости от окружающих условий, pH или температуры [93].

Перенос воды в полимерные гидрогели исследовался в течение последних нескольких десятилетий, и был внесён ряд заметных вкладов в понимание отклонений от классической диффузии Фика [91]. Из-за вязкоупругих свойств полимеров, которые усиливаются наличием сшитых сеток, может наблюдаться аномальная диффузия воды. Это поведение

связано с чистой Фиковской диффузией и переносом в системах полимер-вода [94].

Транспорт во всех этих физических ситуациях обычно можно свести к трем типам движущих сил: градиенту концентрации воды, градиенту напряжения полимера и осмотическим силам. Осмотическое поведение наблюдается в результате гидрофильности полимерной сетки; его величина усиливается, когда гидрофильное растворенное вещество внедряется в матрицу, например, в случае устройств с контролируемым высвобождением набухания.

Альфри и др. [95] идентифицировали перенос с существованием резкого фронта воды, движущегося с постоянной скоростью. Их результаты показали, что полимер, помещенный в термодинамически совместимую воду, будет набухать и перестраиваться, чтобы приспособиться к воде, что приводит к аномальному переносу, в то время как присутствие воды будет ограничено диффузией в поровом пространстве внутри полимера, что приведет к переносу Фика. Скорость поглощения воды и совместимость полимера с определенной водой приводит к возникновению напряжений между эластичными и стекловидными участками набухающего полимера, которые, как было обнаружено, растрескиваются или растрескиваются в присутствии особенно активной воды.

В заключение можно сказать, что существует несколько рамок для анализа кинетики быстрого набухания гелей. Несколько недавних теорий из литературы [91] показали, что можно предсказать точное поведение набухания как нейтральных, так и ионных гелей в различных условиях. Такие результаты можно использовать для анализа поведения гелей в различных условиях. Однако следует отметить, что точный анализ таких систем значительно сложнее из-за присутствия других термодинамических компонентов, таких как ионы и соединения с малой молекулярной массой.

1.4. Постановка задач диссертационной работы

Из анализа приведённых литературных источников [70-91] можно выделить два основных направления в области исследования съедобных плёнок и покрытий. Первое направление охватывает области реологии и стабильности растворов, особенно в тех случаях, когда формовочный композит является раствором двух или более полимеров, или дисперсной системой типа суспензии, эмульсии, наноэмульсии. Второе направление исследований связано с изучением механических, оптических, термических свойств, влаго- и газопроницаемости, растворимости в воде, маслостойкости, морфологии и микроструктуры поверхности плёнок и покрытий, антимикробных свойств и др.

Из широкого круга исследованных к настоящему времени полимеров для производства съедобных плёнок и покрытий наибольший интерес представляют биополимеры глюкоманнана и зеина. Это доступные биodeградируемые нетоксичные биополимеры с возобновляемым сырьевым ресурсом, применяющиеся в пищевой и фармацевтической промышленности. В последние годы, применение съедобных плёнок стало ориентироваться не только на упаковку пищевых продуктов, но и на создание систем терапевтического действия: пробиотиков и лекарств.

В исследованиях, проводимых в последнее десятилетие в Институте химии им. В.И. Никитина НАНТ совместно с американскими учёными из Восточного регионального научного центра госдепартамента США по сельскому хозяйству, съедобные плёнки были предложены также для создания оболочек лекарственных средств для их доставки в толстый кишечник [21, 63, 96]. При этом для улучшения механических свойств и снижения гидрофильности крахмала использовали смеси с другими полимерами. В Республике Таджикистан есть отличный сырьевой источник для производства съедобной упаковки – это глюкоманнан из корнеклубней *Эремурсы Гиссарского* (*Eremurus hissaricus vved.*) и зеин из кукурузной муки. Методы получения и состав этих биополимеров достаточно изучены в

работах [97-101].

Представленные выше исследования показали, что плёнки КГМ/Зеин имеют потенциальное применение при упаковке пищевых продуктов.

Впервые нами [101-103] получены композиционные плёнки на основе ГМ из *E. hissaricus* с белком зеина, как одним из наиболее перспективных плёнкообразующих природных полимеров. Развитие научных исследований и прикладных разработок по производству съедобных плёнок и покрытий на основе этих доступных биополимеров, которые хорошо совмещаются с большинством других пищевых полимеров, является перспективным направлением для решения новых задач в национальной продовольственной программе Республики Таджикистан.

ГЛАВА 2. ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТА

2.1. Подготовка и характеристики исходных веществ

Корнеплоды *Эремуруса Гиссарского* (*E. Hissaricus*) собирали в определённой фазе роста в биолого-исследовательской станции Сияккух Республики Таджикистан (на высоте 2150-2300 м над уровнем моря). Образцы очищали, сушили, взвешивали и анализировали для оценки динамики накопления и распределения компонентов биомассы на каждой стадии сбора. Корни, собранные в конце августа месяца, использовались для экстракции полисахаридов, описанных в этом исследовании. Высушенные корни измельчали в порошок (при 4000 об/мин.) с использованием лабораторной мельницы (Retsch GM 200, Германия). Высушенный порошок кипятили с обратным холодильником в экстракторе Сокслета для удаления жирно-восковых веществ, в соответствии с процедурой [104].

Обезжиривание и выделение олиго- и полисахаридов проводили по методике, описанной в работе [105]. Полученный по данной методике водорастворимый полисахарид - глюкоманнан (ГМ) очищали переосаждением в спирте и сушили при температуре 40-60 °С.

В работе использовали зеин, который выделяли из обезжиренной кукурузной муки по методу, описанному ранее [62]. Tween-80 или E433 («Mita Chemicals Ltd», Германия) использовали в качестве поверхностно-активного вещества, глицерин («ч.д.а.», ГОСТ 6259) в качестве пластификатора, этанол (ГОСТ 5962) - как вспомогательный реагент. Все реагенты, использованные в работе, были аналитически чистыми или очищались переосаждением из соответствующих растворителей.

2.2. Получение водорастворимого полисахарида

Обезжиренные порошки корнеклубней *Эремуруса Гиссарского* (*E. hissaricus*), собранные в период летнего покоя были подвергнуты экстракции водой и кислотой для получения водорастворимых и кислоторастворимых

полисахаридов. Водный экстракт был получен путём добавления 150 мл горячей деионизированной воды к 30 г обезжиренного порошка корнеклубней в течение суток при постоянном перемешивании. После фильтрации через материал из двойного слоя нейлоновой ткани в остаточную массу дополнительно добавляли 100 мл горячей деионизированной воды и снова оставляли перемешиваться на магнитной мешалке в течение 4 часов; за этим также следовала фильтрация через двойной слой нейлоновой ткани. Полученные экстракты объединялись, осаждались с добавлением 96% раствора этанола и отделялись центрифугированием. Осадок дважды промывался 96% раствором этанола. Выделенный водорастворимый полисахарид (ВРП) осушали и определяли выход, который составил 26.33%. Этот образец использовался для дальнейшего анализа. Из спиртового экстракта были выделены фенольные вещества и подробно анализированы [106].

Остаток после первой экстракции гидролизovali с использованием соляной кислоты при рН 2.0 методом флэш-экстракции на автоклаве [107]. Фракции полисахарида, нейтральные сахара и микрогели были получены из растворов гидролизата путем диафильтрации с последующим осаждением 96%-ным раствором этанолом, центрифугированием и далее подверглись ионообменной хроматографии для изолирования основного полисахарида, в соответствии, с ранее описанным сотрудниками нашей лаборатории методом [108]. Этот полисахарид с выходом 7.95% получил название кислоторастворимый полисахарид (КРП).

2.2.1. Очистка водорастворимого полисахарида

а) Депротенинизация и обесцвечивание

600 мл водного раствора каждого полисахарида переносился в делительную воронку и депротенинировался путем добавления 1800 мл смеси 4:1 CHCl_3 : $n\text{-BuOH}$, как описано в методе Севаджа [109]. После энергичного встряхивания воронки в течение 5 минут смесь оставляли на 15

минут для достижения равновесия и разделения на две фазы. Фракции белков в растворе полисахарида были экстрагированы из нижнего слоя (органическая фаза). Эта процедура повторялась три раза. Таким образом, полисахарид из водного раствора извлекался 3 объемами этанола. После фильтрации осадок промывали абсолютным этанолом и диэтиловым эфиром, соответственно, и сушили до остаточной влажности 10%.

б) Фракционирование полисахарида с помощью анионообменной хроматографии

Образец очищенного полисахарида в количестве 200 мг повторно растворяли в 20 мл деионизированной воды и расфракционировали с помощью анионообменной хроматографии. Колонку (хроматографические колонки Bio-Rad Econo-Column®, 2.5×50 см # 7372551) с адсорбентом марки диэтиламиноэтил целлюлозы (ДАЭЦ -DEAE Sepharose Fastflow, Sigma GE17-0709-01, США) уравнивали дистиллированной водой, а затем последовательно элюировали дистиллированной водой и растворами NaCl с увеличивающейся ионной силой (0.1, 0.3, 0.5, 0.7 и 2M) со скоростью потока 5 мл/мин. Элюенты собирали в пробирку на 10 мл, а затем разделившиеся фракции (отдельный пик) объединяли и концентрировали для получения основных фракций ультрафильтрацией с использованием мембраны (Millipore) с пропускающей способностью по молекулярным весам (MWCO) 10 кДа. Общее содержание сахаров во фракциях полисахарида определяли фенол-сернокислотным методом, как указано ниже.

2.2.2. Методы анализа состава водорастворимого полисахарида

а) Определение общего количества белка по методу Брэдфорда

Общее содержание белка в каждом из экстрактов (элюатов) определяли классическим методом Брэдфорда [110] и калибровали с использованием образцов сывороточного альбумина в диапазоне 1-10 мкг/мл. Значение поглощения измеряли при 595 нм. Поскольку комплекс белка с красителем стабилен в течение 60 минут, значения поглощения регистрировали до этого

предела времени и в пределах 10 минут друг от друга. Концентрация белка в образцах была рассчитана путём сравнения значений оптической плотности (A_{595}) со значением A стандартного кривого.

б) Анализ красителей на спектрофотометре видимого диапазона

Для расчёта степени обесцвечивания неочищенных и очищенных растворов полисахаридов измерялась оптическая плотность при 450 нм с помощью спектрофотометра в видимой области спектра. Длину волны детектирования (450 нм) определяли сканированием всего диапазона длин волн.

в) Определение содержания сахаров в полисахариде фенол-серноокислым методом

Общее содержание сахаров в каждой фракции полисахарида определяли модифицированным фенол-серноокислотным методом [111]. Раствор полисахарида (0.5 мл) и 5% раствора фенола (вес / объем, 0.5 мл) помещали в закрытые пробирки, в которые быстро добавляли 2.5 мл концентрированной серной кислоты. Пробирки закрывали, перемешивали на качалке в течение 5 секунд, и кипятили в водяной бане в течение 15 мин. Пробирки охлаждали до комнатной температуры и значения оптической плотности измеряли при 480 и 490 нм. В качестве холостого опыта использовалась дистиллированная вода вместо раствора полисахарида. Общее количество сахаров в полисахариде рассчитывали по стандартной кривой, выполненной для глюкозы, которая была построена с использованием серии концентраций 20, 40, 60, 80 и 100 мкг/мл.

г) Определение моносахаридного состава

Анализ моносахаридного состава полисахарида проводили с помощью высокоэффективной анионообменной хроматографии с импульсным амперометрическим детектированием (HPLC-PAD) после метанолиза, в соответствии с процедурой, описанной в работе [112], с небольшой модификацией. Использовали ВЭЖХ систему с детектором PAD Dionex ICS-

3000 (Dionex Corp, Саннивейл, Калифорния), которая включала колонку CarboPac PA-20 и защитную предколонку, скорость потока установили 0.5мл/мин. Нейтральные и кислые моносахариды разделяли, используя подвижную фазу 1мМ NaOH, которая нагнеталась изократически хроматографическим насосом высокого давления в течение 15 минут, затем применялся градиент буфера 0-130 мМ ацетата натрия (CH₃COONa) в 100 мМ NaOH в течение 30 минут. Колонку элюировали 1.0 М CH₃COONa в течение 0.8 минут, после чего подвижную фазу обратно подключали к раствору 1 мМ NaOH в течение 30 минут до последующего введения образца.

2.2.3. Методы исследования структуры полисахаридов

а) ИК-Фурье спектроскопия

Образец полисахарида сушили при 110°C в течение 30 минут и анализировали с помощью ИК-Фурье спектроскопии с использованием спектрометра Nicolet™iS™50 (Киото, Япония), оснащённого встроенным ATR, с монокристаллом алмаза, контролируемым программным обеспечением Omnic. Образец регистрировали в диапазоне сканирования 400-4000 см⁻¹ со 128 сканирований со спектральным разрешением 2 см⁻¹ [101].

ИК-Фурье спектры сухих образцов зеина, глюкоманнана и плёнок на их основе были записаны также на приборе Spectrum 65 FT-IR (Perkin Elmer, Швейцария). ИК-спектры были сняты с использованием приставки нарушенного полного внутреннего отражения (НПВО), (Attenuated total reflection-ATR, MIRACLE) с кристаллом ZnSe [102].

Устройство контроля давления обеспечивало хороший контакт между образцом и кристаллом. Фоновый спектр был получен в воздухе.

б) ЯМР-спектроскопия

Образец ВРП растворяли в D₂O с добавлением d4-триметилсилилпропановой кислоты в качестве внутреннего эталонного стандарта. Их спектр был получен на ЯМР-спектрометре 14 Tesla Agilent

DD2 (Санта-Клара, Калифорния) с использованием 5-мм зонда One NMR с градиентами импульсного поля по оси z, работающими при 25 и 40°C. В ЯМР-спектрах сигналы измерений при двух температурах показали очень малозаметные различия. Одномерные спектры ЯМР 1D-1H были получены с углом импульса 45°, задержкой релаксации 1с и шириной спектра 8 м.д., используя 32 тыс. точек и усреднённые по 64-256 последовательных циклов (режим накопления). Спектры 1D-13C были получены с углом импульса 45°, задержкой релаксации 0.2 с и шириной спектра 220-250 м.д. с использованием развязки протонов по всей длине, 32 тыс. точек данных и в среднем составляли более 30000 - 100000 последовательных циклов. Все 1D ЯМР-спектры обрабатывались с использованием базы данных электронной библиотеки MestreNova [113].

В эксперименте zTOCSY использовалось время перемешивания 100 мс. Эксперименты по двумерной гетероядерной корреляции, HSQC, HSQCTOXY и HMBC, были усилены градиентом и использовали адиабатические импульсы. Эти спектры имели спектральную ширину 8 м.д. в измерении с прямым обнаружением (¹H) и 201 м.д. в измерении с косвенным обнаружением (¹³C), и были получены с углами импульсов 90°, усреднены по 96 последовательных циклов, использовались 2 тыс. точек при измерении с прямым обнаружением. В эксперименте HSQCTOXY время смешивания (t_2) составляло 100 мс, и были проведены три эксперимента HMBC с константами взаимодействия 8, 10 и 12 Гц. Все 2D-спектры были обработаны с использованием программы VNMRJ (Санта-Клара, Калифорния) и визуализированы с использованием Sparky (Goddard & Kneller, 2008).

в) Определение молекулярной массы и молекулярно-массового распределения глюкоманнана высокоэффективной эксклюзивной жидкостной хроматографией

Для определения молекулярной массы (ММ) и молекулярно-массового распределения (ММР) полисахарида готовили его раствор (2-5.0 мг/мл) в подвижной фазе путём перемешивания при комнатной температуре (20°C) в

течение ночи. Подвижная фаза состояла из 50 мМ NaNO₃, содержащей 0.01% NaN₃ (pH-6.50). Растворы фильтровали через 0.45 мкм фильтр (Millex HV, PVDF, Millipore Corp., Billerica, MA) на шприце перед тем, как вводить его в систему высокоэффективной эксклюзионной жидкостной хроматографии (ВЭЖХ) - (1200 Series, Agilent Technologies, Santa Clara, CA). Система доставки растворителя состояла из вакуумного дегазатора, автосамплера и насоса высокого давления. Объем ввода образца составлял 200 мкл, а скорость потока поддерживалась на уровне 0.7 мл/мин. Образец вводили трёхкратно и в расчётах использовали среднее значение полидисперсности (M_w/M_n , M_z/M_n), среднечисловую молярную массу (M_n), средневесовую молярную массу (M_w), z-среднюю молярную массу (M_z), характеристическую вязкость [η_w] и гидродинамический радиус [R_h].

Для защиты рабочей колонки были включены последовательно две защитные колонки (TSK-GEL® PWXL 6,0мм IDx4,0 см L, 12 мкм, Tosoh Bioscience, Токио, Япония). Температуру колонок поддерживали при 35°C и они последовательно были подключены к основным детекторам системы ВЭЖХ: спектрофотометру UV-1260 Infinity (Agilent Technologies, Санта-Клара, Калифорния), фотометру HELEOS II для многоугольного лазерного рассеяния света (LS) (Wyatt Technology, Santa Barbara, CA), дифференциальному вискозиметру модели 255-V2 (DP) (Wyatt). Одна была размещена перед разделительной колонкой и состояла из набора трёх эксклюзивных колонок моделей TSK-GEL® PWXL (7.8 x 300 мм, размер частиц 13 мкм, Tosoh Bioscience, Токио, Япония), и другая до детектора с показателем преломления (RI) Optilab rEX-495 (Wyatt).

ВЭЖХ колонки калибровались с помощью пуллулана P-50 (Shodex STANDARD P-82, JM Science, Гранд-Айленд, Нью-Йорк) с узкой полидисперсностью для нормализации интенсивности рассеяния света под углом 90°. Бычий сывороточный альбумин (Sigma-Aldrich, Сент-Луис, Миссури, США) также был использован для калибровки всех детекторов: UV, LS, DP и RI. Процент выхода образца из колонки был получен из

соотношения элюированной массы, найденной из интегрирования сигнала RI к введённой массе. Все сигналы от четырёх детекторов были проанализированы с помощью программного обеспечения ASTRA (V.7.1.2.5, Wyatt Technology).

Все образцы были отсканированы при 280 нм. Изменение коэффициента преломления в зависимости от концентрации полимера dn/dc в растворе 50 мМ NaNO_3 равное 0.132, было взято из работы [114].

2.3. Методы получения, очистки и анализа зеина

Навеску кукурузной муки заливали 5-кратным объёмом водно-спиртового раствора, и белок экстрагировали на магнитной мешалке при комнатной температуре в течение 2 ч. Экстракт центрифугировали при 4000 об/мин в течение 15 мин., надосадочную жидкость сливали, а осадок вновь ставили на экстракцию белка. Третью экстракцию проводили при 60°C в течение 2 ч. 3-кратным объёмом водного этанола. Полученные экстракты охлаждали, белок высаживали 0.1 М NaCl раствором в холодильнике в течение ночи, центрифугировали при 4000 об/мин 5 мин., осадок дважды промывали от ионов хлора и сушили в эксикаторе над КОН. Из муки кукурузы последовательной экстракцией извлекали вначале легкорастворимые белки - альбумины и глобулины (водой и 0.1 М NaCl), затем 75% раствором этанола - зеины и 0.05 н. раствором щёлочи - глютелины [62].

2.4. Методы формирования плёнок на основе биополимеров

Плётки были приготовлены путём смешивания спиртового раствора зеина и водного раствора ГМ в присутствии эластомера глицерина в количестве 0.25 мл и 0.1 мл поверхностно-активного вещества полисорбата (Tween-80). Брали 0.5 г порошка ГМ, полученного из *E. Hissaricus*, предварительно смачивали добавлением 3-4 капель 95%-го раствора этанола до набухания полисахарида, затем прибавляли 20 мл дистиллированной воды и перемешивали на магнитной мешалке при 55°C в течение 20 мин. Далее постепенно добавляли 30 мл дистиллированной воды и перемешивали до

полного растворения полисахарида.

Раствор зеина готовили растворением 0.5 г зеина в 10 мл 80%- го раствора этилового спирта перемешиванием на магнитной мешалке при 500 об/мин в течение 30 минут с последующим добавлением 0.25 г глицерина, продолжая перемешивание в течение 15 минут на магнитной мешалке до полного растворения зеина.

На следующем этапе готовые растворы (зеина и ГМ) одновременно смешивали, затем полученную смесь наносили на стеклянную пластинку для формирования плёнки. Полученные плёнки сушили в сушильном шкафу в течение 14 часов при температуре 50-60°C и выдерживали при комнатной температуре (25-27°C) в течение 8 дней перед анализом взаимодействия компонентов ИК-Фурье спектроскопией, испытанием на набухание и растворимостью в воде [102].

2.5. Методы исследования физико- механических свойств плёнок

2.5.1. Деформационно-прочностные свойства

Исследование зависимости напряжения от величины деформации полученных плёнок проводили согласно ГОСТ-14236 на приборе ВРПС (вискозиметр растяжения с постоянной скоростью) (КБ Института нефтехимического синтеза АН СССР) [103].

Из полученных плёнок с помощью специального ножа вырубали образцы в виде «двойных лопаток» с длиной рабочей части 22 мм и шириной 2.5 мм. Растяжение образцов проводили в режиме одноосной вытяжки с постоянной скоростью 2 мм/мин при температуре 23 °С.

Величину напряжения, действующего на образец, определяли по формуле

$$\sigma = P/S, \quad (2.1)$$

где σ - механическое напряжение (Па), P - нагрузка, действующая на образец (Н), S - площадь поперечного сечения образца (м²).

Относительную деформацию образца при растяжении (ε) определяли согласно формуле

$$\varepsilon = \frac{l - l_0}{l_0} = \frac{\Delta l}{l_0} \quad (2.2)$$

где l_0 - начальная длина образца (м), l - длина образца после вытяжки, Δl - абсолютная деформация (м), ε - является безразмерной величиной, она может быть выражена также в процентах.

Пределные деформационно-прочностные характеристики образцов - разрывную прочность (σ_p) и деформацию разрыва (ε_p) определяли по конечным значениям напряжения и относительной деформации на кривых зависимости $\sigma(\varepsilon)$.

Модуль упругости образцов (E) определяли из кривых деформации по наклону линейных участков зависимостей ($\Delta\sigma/\Delta\varepsilon$).

2.5.2. Влагопроницаемость плёнок

Влагопроницаемость (ВП) плёнок определяли в соответствии с методиками, приведенными в работе [58] и китайского стандарта [115]. Безводный CaCl_2 (3 г) помещали в чашку ($d = 1.8$ см), тщательно запечатывали З/ГМ плёнкой и помещали в эксикатор при 25°C . Эксперимент проводили при температуре 25°C при равновесном давлении над раствором NaCl и влажности, равной 75%. Влагопроницаемость ($\text{мг}/\text{см}^2 \cdot \text{ч}$) при атмосферном давлении рассчитывали по уравнению:

$$ВП = \frac{m - m_0}{t \cdot s}, \quad (2.4)$$

где m и m_0 - конечный и начальный вес чашки (мг), s - рабочая площадь композитной пленки (см^2), t - время достижения равновесия (ч).

2.5.3. Степень набухания плёнок

Для измерения набухания гидрогелей использовались следующие экспериментальные методы: гравиметрическое измерение после погружения

в жидкость, использование специализированных приборов для измерения изменения объёма и измерения коэффициента поглощения красителя декстрана. Степень набухания плёнок определяли гравиметрическим измерением на влаге дистиллированной воды в соответствии с процедурами, представленными в работах [116].

На аналитических весах ALC-110.4 (Sartorius, Германия) взвешивали небольшой кусочек образца плёнки, помещали в эксикатор над дистиллированной водой и оставляли для набухания. Далее, каждые 30 мин. брали набухшую плёнку и взвешивали с точностью $0.05 \pm \text{мг}$. Данную процедуру повторяли до тех пор, пока масса образца не приняла постоянного значения. Степень набухания образцов (W) при атмосферном давлении и комнатной температуре (25°C) рассчитывали по уравнению:

$$W = \frac{(m - m_0)}{m_0}, \quad (2.5)$$

где m и m_0 - масса набухшего и высушенного образца, соответственно.

2.5.4. Растворимость плёнок в воде

Растворимость плёнок в воде определяли в соответствии с методикой, описанной в работе [117]. Отрезали небольшой кусок плёнки, взвешивали её массу (m_0 , г) и помещали её в центрифужную пробирку с водопроводной водой на определённое время (1.5, 2.0, 3.0, 5.0 час.). Затем нерастворимую часть плёнки центрифугировали (10 минут со скоростью 3000 об/мин.), осадок геля сушили при 70°C в течение 14-16 часов и определили количество растворившейся фракции.

Растворимость плёнки в воде (%) рассчитывали по следующей формуле:

$$PB = \frac{m_0 - ((M + m) - M)}{m_0} \cdot 100\% = \frac{m_0 - m}{m_0} \cdot 100\%,$$

где m_0 - сухая масса образца до погружения в воду, m - сухая масса образца после погружения в воду, M - масса центрифужной пробирки (г).

ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Применение съедобных плёнок и покрытий является довольно новым, и такие покрытия часто используются для защиты свежих продуктов от потери вида, цвета (глянца) и влаги [118]. Основы для приготовления пищевых плёнок и покрытий подразделяются на три группы, а именно гидроколлоиды (например, полисахариды и белки), липиды (например, воски и жирные кислоты) и их смеси [119]. Полисахариды придают материалу хороший кислородный барьер, упругие механические свойства и стабильную химическую структуру. Однако из-за присутствия гидрофильных групп полисахариды имеют тенденцию поглощать воду через диффузию и поверхностное взаимодействие полимер-вода. Следовательно, для выравнивания баланса таких свойств в покрытия добавляют и гидрофобные полимеры [4, 90, 118, 119]. Биополимеры - это наиболее распространённые органические соединения в природе, которые можно возобновлять, перерабатывать и утилизировать без вреда на экосистему. Таким образом, пищевые продукты, покрытые биоплёнкой, содержащей биологически активные консерванты, показали достаточное снижение уровня O_2 (до 5%) и повышение уровня CO_2 (12% и выше) на поверхности во время хранения. Этого уровня кислорода недостаточно для активации анаэробных микроорганизмов.

Для упаковочных целей отрасли широко используют биопленки из полисахаридов, производных целлюлозы, хитозана, желатина, полипептидов, лигнина и др. В литературе достаточно исследован конкретный вклад каждого компонента и их синергетическое влияние на прочность, водопоглощение и прозрачность композиционных плёнок [1-9].

В последние годы повысился интерес к глюкоманнану (полисахарид глюкозы и маннозы), в основном, глюкоманнану из конжачного растений, произрастающего в странах восточной Азии, как к наиболее перспективному виду сырья для промышленного производства биопластиков [32-40]. В данной диссертационной работе мы защищаем результаты исследования

свойства глюкоманнана, полученного из корнеклубней растений рода Эремурус (*Eremurus*), произрастающего в горных склонах Таджикистана в качестве основного биополимера для производства пищевых плёнок.

3.1. Получение и очистки глюкоманнана из растений Эремуруса Гиссарского (*E. hissaricus*)

Растение рода Эремурус (*Eremurus*), известное как лисиный хвост или пустынные свечи, включает более 50 видов, и оно в основном распространено в горах Центральной и Западной Азии. В Таджикистане встречается около 29 видов этого рода. *Eremurus hissaricus* (*E. hissaricus*), выращиваемый в Таджикистане, является традиционно важным лекарственным растением [120], корни которого часто используются для лечения таких состояний, как язвы, заболевания желудка и печени [121]. Биоактивные компоненты растительного сырья обычно представляют собой комплексы, состоящие из многих типов встречающихся в природе соединений, таких как липиды, углеводы, белки, полифенолы, витамины, органические кислоты, летучие органические соединения и т. д. [122].

Углеводный состав у корней этих растений разнообразный и состоит главным образом из глюкоманнанов, фректоманнанов и галактоманнанов. Водорастворимый экстракт из *Eremurus Spectabilis* и *Eremurus lactiflorus* содержит глюкоманнан и глюкофруктан [123].

Анализ литературных данных показывает, что полисахариды из растений *E. hissaricus*, которые наиболее распространены в районе южного склона Гиссарского хребта Республики Таджикистан, недостаточно исследованы. В доступной литературе сведения по вопросам выделения и очистки, а также физико-химических и потребительских свойств полисахаридов из корнеклубней *E. hissaricus* отсутствуют. Не исследованы также вопросы выделения и изучения основных компонентов биохимических соединений, таких как жировая фракция, фенольные соединения, белки и

азотистые соединения, водорастворимые сахара, моно-, олиго- и полисахариды из целых корней *E. hissaricus*.

3.1.1. Выделение полисахарида из корнеклубней *E. hissaricus*

Порошок обезжиренных корней *E. hissaricus* был источником как водорастворимых, так и кислых полисахаридов. Эти экстракты получали, сначала добавлением 150 мл горячей деионизированной воды к 30 г обезжиренного порошка и давая раствору простоять в течение ночи при непрерывном перемешивании. После грубой фильтрации через двойной слой нейлоновой ткани остаточную массу смешивали с дополнительным 100 мл горячей воды и снова оставляли перемешиваться на магнитной мешалке в течение 4 часов; за этим также следовала фильтрация через двойной слой нейлоновой ткани. Полученные экстракты объединяли и осаждали добавлением 96% этанола и разделяли центрифугированием. Осадок дважды промывали 96% этанолом и сушили при 50-60°C на сушилке с вентиляцией. Выделенный водорастворимый полисахарид (ВРП) составляет 26.33% от исходной массы порошка. Этот образец был использован для дальнейшего анализа.

3.1.2. Очистка полисахарида

Шестьсот миллилитров полисахаридного экстракта после центрифугирования переносили в делительную воронку и депротенизировали, добавляя 1800 мл смеси CHCl_3 : n-BuOH (4:1). После энергичного встряхивания воронки в течение 5 минут смесь оставляли на 15 минут для достижения равновесия и разделения на две фазы. Любые накопленные остаточные белки экстрагировали из нижних слоев (органическая фаза) и удаляли, отбрасывая органическую фазу. Эта процедура повторялась трижды. Конечный полисахарид осаждали 3 объемами этанола из водной фазы. После фильтрации осадок промывали абсолютным этанолом и диэтиловым эфиром, соответственно. Содержание белка определяли методом Бредфорда [101].

Затем полисахарид фильтровали, и осадок промывали абсолютным этанолом и диэтиловым эфиром, соответственно. Во время экстракции белков в бутанол/хлороформном экстракте обнаружили присутствие акриламида. Это было подтверждено спектрами FTIR (рис. 3.1) путем сравнения спектральных полос с полосами акриламидного стандарта (Sigma). За исключением двух пиков низкой интенсивности при 2854 см^{-1} и 2968 см^{-1} , спектр экстракта полностью соответствовал спектру акриламида. Мы подтвердили, что все примеси акриламида были удалены путём промывания образца ВРП смесью вода-этанол.

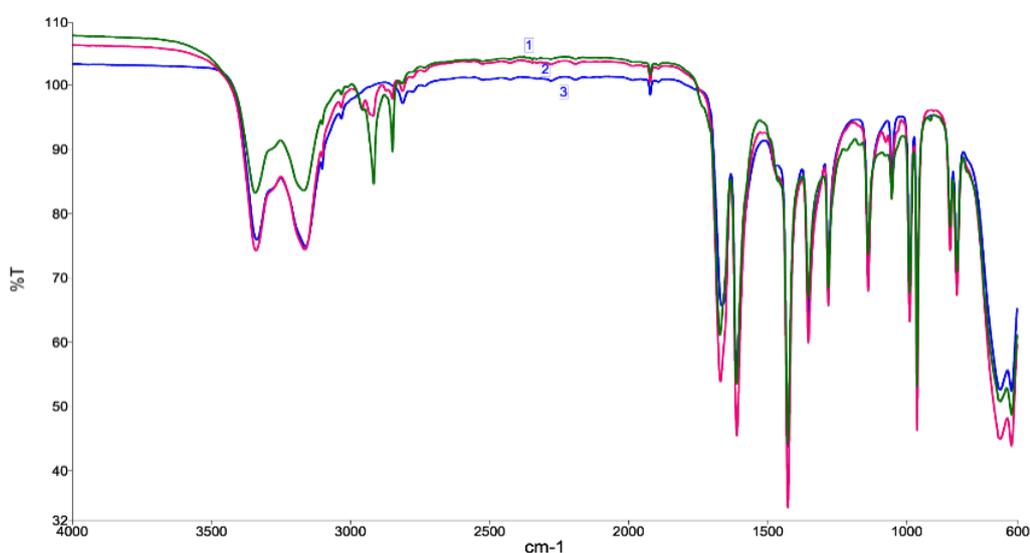

Рис. 3.1. ИК-Фурье спектры бутанол/хлороформного экстракта из корней *E. hissaricus* (1), свежих (2) и стандартного образца акриламида (3).

Образец очищенного полисахарида в количестве 200 мг повторно растворяли в 20 мл деионизированной воды и выделяли с помощью анионообменной хроматографии. Хроматографическую колонку (Bio-Rad Econo-Column®, 2.5×50 см # 7372551) с диэтиламиноэтилцеллюлозы (ДЭАЭЦ - DEAE Sepharose Fast Flow, Sigma GE17-0709-01, США) уравнивали дистиллированной водой и затем полисахарид последовательно элюировали дистиллированной водой и растворами NaCl с увеличением ионной силы (0.1, 0.3, 0.5, 0.7 и 2 М) при скорости потока 5 мл / мин. Элюенты собирали в пробирку по 10 мл, а затем объединяли и

концентрировали для получения основных фракций (ультрафильтрацией с использованием мембраны Millipore™ 10 кДа MWCO). Общее содержание сахара в полисахариде определяли фенол-серноокислотным методом, как указано в работе [101].

3.2. Состав и структура полисахарида

Моносахаридный состав ВРП анализировали с помощью высокоэффективной анионной хроматографии (ВЭАХ) с пульсирующей амперометрическим детектором (PAD) совместно с учёными из Восточного регионального исследовательского центра госдепартамента США по сельскому хозяйству (ВРИЦ ГД США), как описано в работе [101]. Было обнаружено, что первичный образец ВРП состоит из D-маннозы и D-глюкозы в молярном соотношении 1.7:1 (таблица 3.1), что соответствует полисахариду глюкоманнана.

Таблица 3.1. Моносахаридный состав исходного ВРП и его очищенной фракции на ДЭАЭЦ (ВРП Ф1)

Образец	Glc	Man	Ara	Gal	Xyl	Rha	Fuc	GalA	GlcA
ВРП	37.28	57.25	0.42	1.46	0.59	0.34	0.01	2.29	0.35
ВРПФ1	36.37	61.51	0.22	0.61	0.56	0.49	0.02	0.08	0.13

3.2.1. Анализ ИК-Фурье спектров полисахарида

Анализ спектров исходного и очищенного от белков полисахарида проводили путем сравнения их ИК-Фурье спектров. Для этого образцы были высушены и сняты их спектры. Как видно из рис. 3.2 спектры исходных и очищенных образцов отличаются по ряду характерных колебательных полос поглощения. Широкая полоса поглощения при 3351 см^{-1} относится к валентным колебаниям О–Н сахара. Она сдвигается в сторону более высоких значений частот (3370 см^{-1}) после удаления протеина, что может быть связано с ослаблением водородных связей с протеинами. Узкая полоса при

2885 cm^{-1} , обусловленная симметричными валентными колебаниями С–Н эфирных групп (метильных или ацетильных), не претерпевает изменений. Остаются неизменными также полосы поглощения в области 1020 и 1068 cm^{-1} , относящиеся квалентным колебаниям гликозидных С–О–С связей. Валентные колебания С–О эфирных связей наблюдаются для неочищенных и очищенных образцов ВРП при 1725 cm^{-1} .

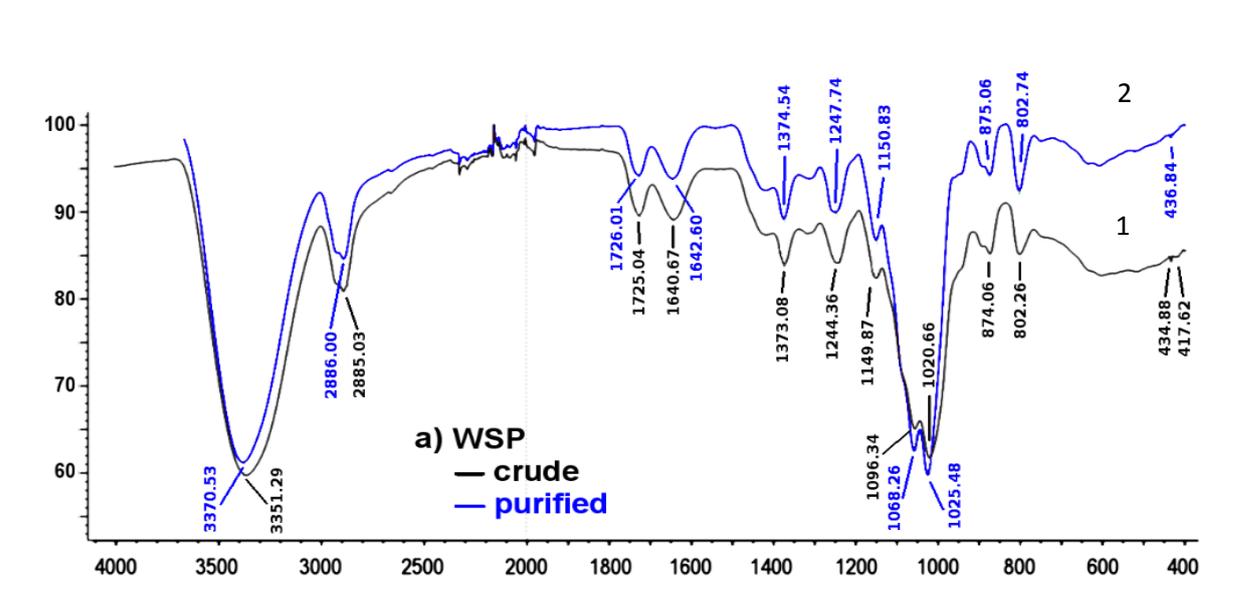

Рис. 3.2. ИК-Фурье спектры образцов ВРП до (1) и после (2) очистки.

Слабые полосы при 875 и 802 cm^{-1} в спектре очищенного ВРП приписываются С-1-Н (β -) и (α -) конфигурации пиранозного цикла сахарного остатка [123], находящегося в линейном или разветвлённом полисахариде, соответственно. Это согласуется с результатами анализа других видов растений *Egremigus*, произрастающих в России [124] и Иране [125], где комбинации этих пиков считались диагностическими для манноза в β -конфигурации сахарного остатка полисахарида. Присутствие β -1,4-гликозидных и β -1,4-маннозидных связей в глюкоманнине также связано с валентными колебаниями С–О–С, расположенными в областях 1068, 1025 и 1247 cm^{-1} [126]. Пики при 1374 cm^{-1} свидетельствуют о валентных колебаниях

C–H связей в пиранозном кольце. Слабая полоса при 1247 см^{-1} была отнесена к метилу (CH_3) ацетильных групп ВРП.

Таким образом, при сравнении ИК-Фурье спектров как неочищенного, так и очищенного ВРП не обнаружены какие-либо сдвиги частот, за исключением небольшого смещения частоты поглощения в области гидроксильных групп (рис. 3.2). Это является свидетельством того, что данный полисахарид изолирован свободным от протеина.

3.2.2. Анализ молекулярной массы и молекулярно-массового распределения водорастворимого полисахарида методом высокоэффективной эксклюзионной хроматографии

На рис. 3.3 показаны профили ВЭЖХ (высокоэффективной эксклюзионной жидкостной хроматографии): ультрафиолетового (UV), лазерного светорассеяния (LS), вискозиметрического (DP) и рефрактометрического (RI) для образца ВРП.

Интегрирование по частям кривых молярной массы от объема элюирования, полученных из детектора LS, позволяет идентифицировать два пика (субпопуляции) на основании экспоненциальной аппроксимации [127].

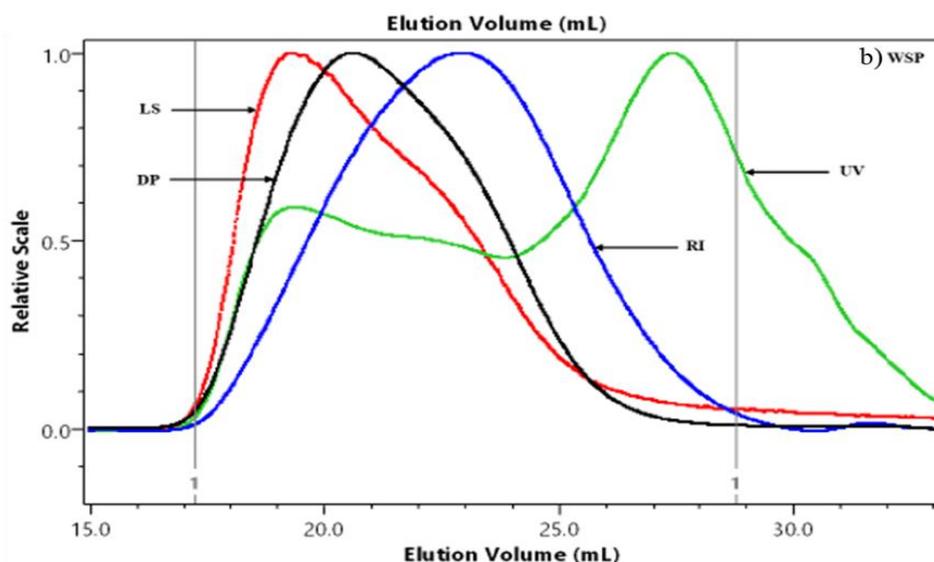

Рис. 3.3. Наложенные ВЭЖХ хроматограммы с UV, LS, DP и RI детекторов образца ВРП из *E. hissaricus*.

Основной пик макромолекулы ВРП (LS профиль) элюируется при 17.2-21.6 мл и представляет 33.6% молярной массы, а второй пик элюируется при 21.6-26.5 мл и составляет 66.4% от молярной массы. Пик белка ВРП (WSP) имеет бимодальное распределение, при этом большая часть элюируемого белка находится в диапазоне более низких молярных масс.

На рис. 3.4 представлены LS-хроматограммы и кривые молекулярно-массового распределения (ММР) образцов полисахаридов, экстрагированных из корнеклубней растений *E. hissaricus*. Хроматограмма LS ВРП (WSP) представляет больше аналогичных компонентов во всем диапазоне молярных масс по сравнению с кислоторастворимым полисахаридом (КРП) (ASP). Из хроматограммы также следует, что с увеличением объёма элюирования наблюдается неуклонное снижение ММР.

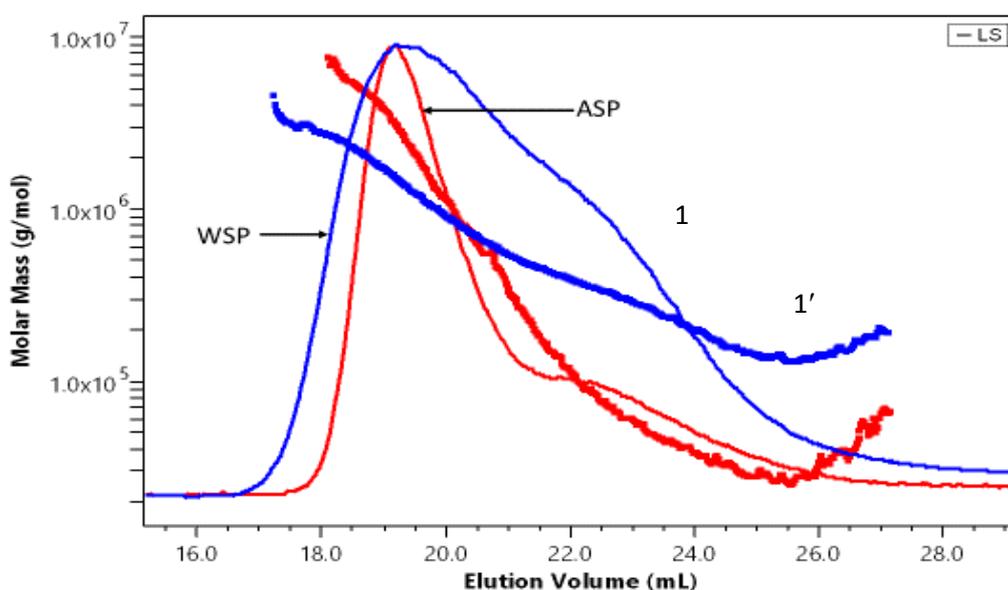

Рис. 3.4. Хроматограммы LS детектора и кривые ММР образцов полисахаридов, экстрагированных из корнеклубней растений *E. hissaricus*. Профиль хроматограммы и кривые ММР ВРП (WSP) обозначены как 1 и 1'.

Результаты анализа молярной массы, ММР и гидродинамические характеристики ВРП приведены в таблице 3.2. В таблице представлены также результаты измерений полидисперсности (M_w/M_n , M_z/M_n), среднечисловой молярной массы (M_n), средневесовой молярной массы (M_w), z-средней молярной массы (M_z), характеристической вязкости $[\eta_w]$, гидроди-

Таблица 3.2. Данные молярной массы, ММР и гидродинамические характеристики ВРП

Образцы	Объем элюирования	Выход фракций (%)	MG, %	M_w/M_n	M_z/M_n	M_n	M_w	M_z ,	η_w , мл/мг	$R_h(v)$, нм
	(мл)									
ИПС	17.2-26.5	100	11.76	1.76(.09)	3.67(.2)	287(22)	495(12)	1030(23)	533(2)	48.5(.4)
Пик 1	17.2-21.6	33.6(.7)		1.32(.01)	1.85(.04)	763(19)	1006(27)	1414(59)	896(8)	59.9(9)
Пик 2	21.6-26.5	66.4(.7)		1.15(.03)	1.31(.06)	218(21)	250(17)	284(18)	355(11)	25.9(.5)

ИПС = интегральная площадь хроматограммы LS, количество микрогелей (MG, %), значение полидисперсности (M_w/M_n), (M_z/M_n), среднечисленная молярная масса (M_n), средневесовая молярная масса (M_w), Z-средняя молярная масса (M_z), характеристическая вязкость (η_w), гидродинамический радиус (R_h) стандартное отклонение (в скобках) представлено из трёх измерений.

намический радиус [R_h (v)], и выход микрогеля (MG), полученного центрифугированием или удалённого микрофльтрацией из каждого образца.

Полученные значения M_w , η_w , $R_h(v)$, проанализированные в виде одного пика для всей хроматограммы (ИПС), были следующими: 495 кДа, 533 мл/мг и 48.5 нм, соответственно. Хотя на хроматограммах LS бимодальный пик ВРП проявляется слабо (рис. 3.4) программа ASTRA (ASTRA software V.7.1.2.5, Wyatt Technology) позволила рассчитать значение всех молекулярных и гидродинамических параметров отдельно для каждой фракции (пиков).

3.2.3. Анализ 1D- и 2D- ЯМР спектров полисахарида

Эксперименты одномерной (1D) и двумерной ЯМР спектроскопии (2D) были выполнены на ЯМР-спектрометре Agilent 2DD 14 Тесла (Санта-Клара, Калифорния) с использованием зонда One NMR 5 мм с градиентами импульсного поля по оси z, в лаборатории нашего коллаборатора в Восточном региональном научном центре (ВРНЦ) Госдепартамента США по сельскому хозяйству¹. Образцы ВРП растворяли в D₂O с добавлением 4-триметилсилилпропановой кислоты (ТМСП) в качестве внутреннего стандарта и эксперименты проводили при 40°C и 70°C. Между двумя температурами наблюдалось очень мало заметных различий, поэтому мы приводим данные, полученные только при 70°C.

Спектры 1D-¹H и ¹³C представлены на рис. 3.5. Как видно, аномерная область спектра 1D-¹³C ВРП содержит два сильных резонанса при 105.3 и 102.9 м.д. и один слабый пик при ~107.2 м.д. Пик при 102.90 м.д., по-видимому, разделён; это свидетельствует о том, что разделенные пики представляют собой один и тот же тип сахара (полисахариды, имеющие разные структуры).

¹Диссертант благодарит др. Гари Страчана (GaryStrachan) из ВРНЦ Госдеп США по сельскому хозяйству за успешное выполнение ЯМР анализов и совместные публикации полученных результатов [101].

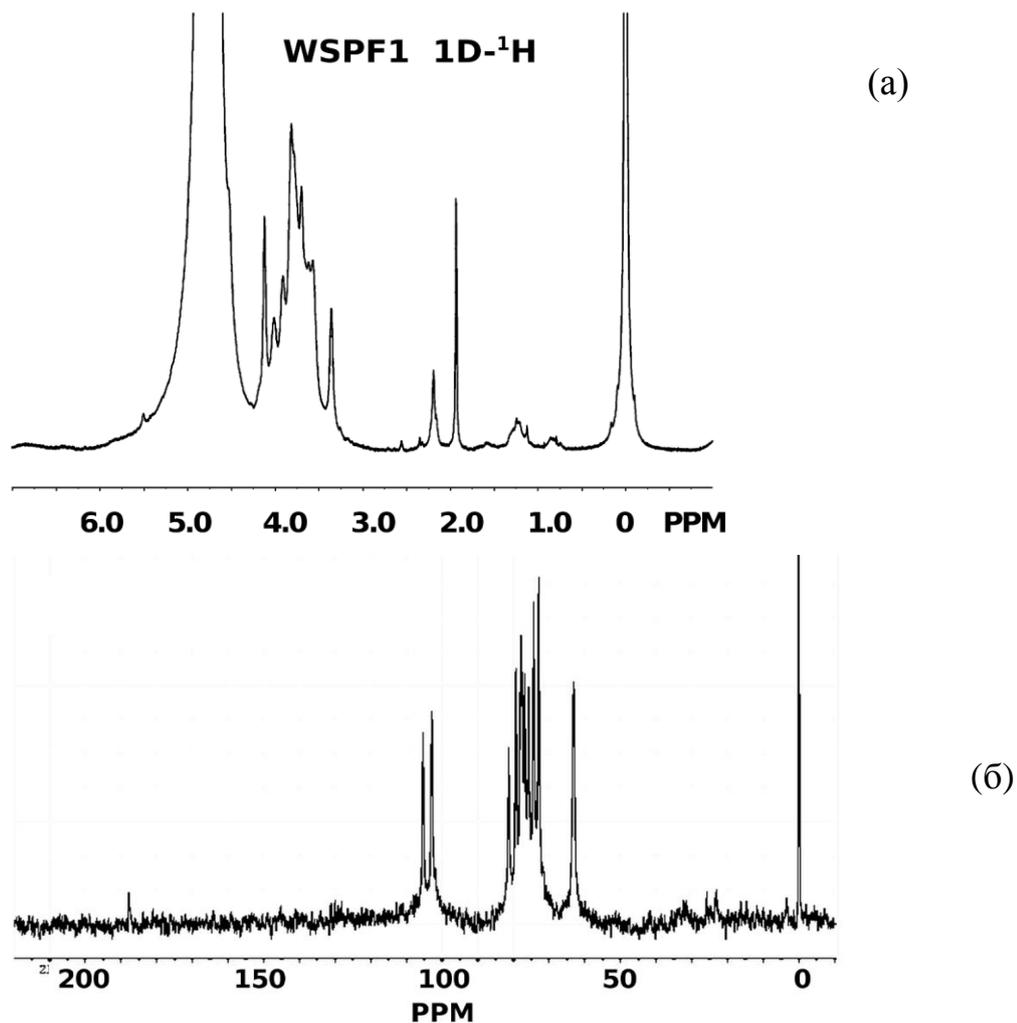

Рис. 3.5. 1D-¹H (а) и ¹³C (б) ЯМР спектры ВРП в D₂O при 70°C.

Присутствие аномерных атомов углерода в двумерном (2D) спектре ¹H-¹³C-HSQC (рис. 3.6) указывает на присутствие трёх типов сахаров, имеющих одинаковые характеристики. Имеется также пара аномерных пиков от двух сахаров одного типа с почти совпадающими резонансами 1H/1C при 4.75/102.3 и 4.762/103.1 м.д., и второго типа сахарного остатка, у которого аномерный пик находится в области 4.53/105.3 м.д., а также видно присутствие третьего сахара со слабым пиком при 4.64/107.2 м.д., что согласуется с одномерными спектрами (1D).

Анализ аномерной области спектра НМВС показывает, что константа спин-спинового взаимодействия J_{CH} для первых двух из этих аномерных пиков составляет ~ 158 Гц, а для второго- ~ 154 Гц. Это указывает на то, что

оба остатка имеют аксиальную ориентацию атома водорода в положение С1 (H-1) и, следовательно, принадлежат к β -конфигурации сахарного остатка в полисахариде [128, 129].

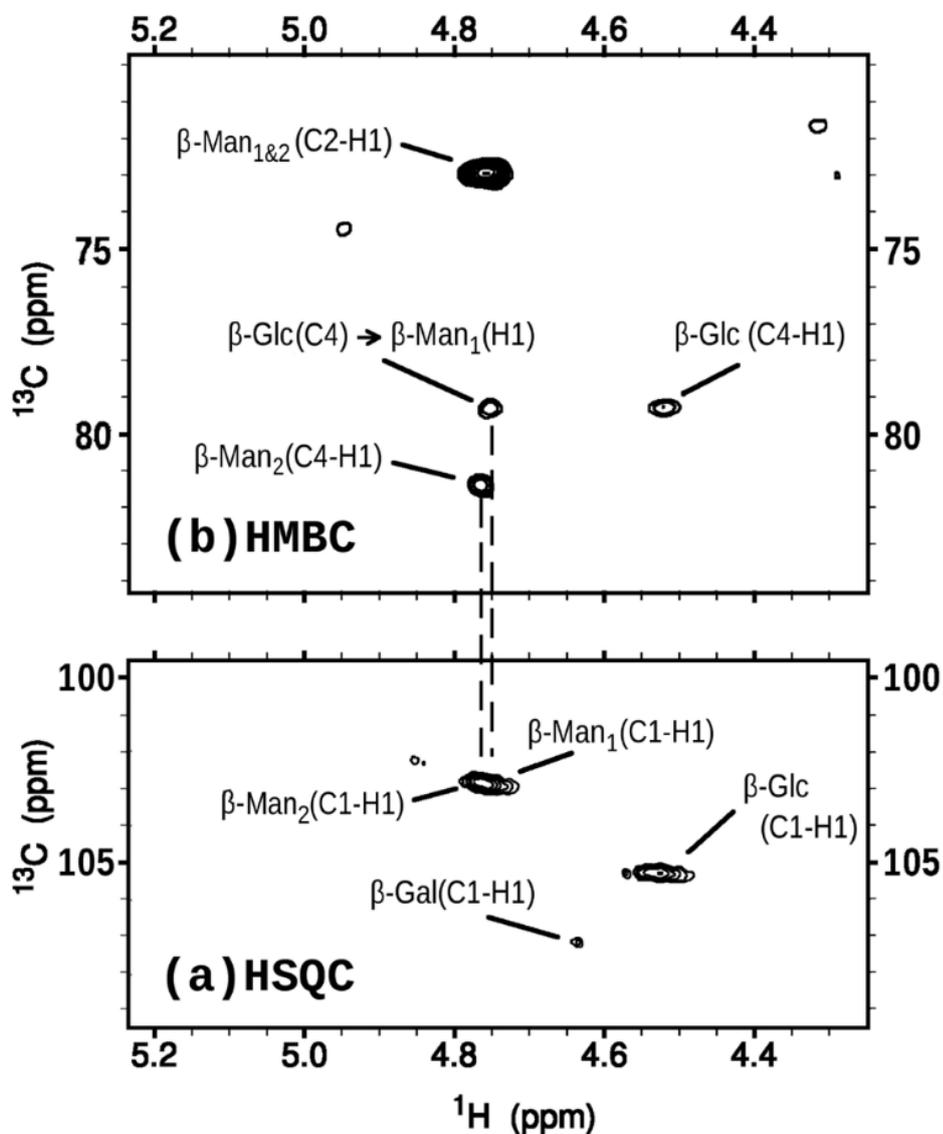

Рис. 3.6. Аномерные области С1 образца ВРП в спектре HSQC (а), в то время как его корреляции сквозных связей показаны в спектре HMBC (10 Гц) (б). Пунктирными линиями обозначены корреляции между остатками. Наблюдаются два остатка $\beta\text{-Man}$ с немного разными резонансами H1 и C1. $\beta\text{-Man}_2$ (H1) имеет корреляцию сквозных связей в HMBC с C4 другой маннозы, тогда как корреляции $\beta\text{-Man}_1$ (H1) указывают на то, что они связаны с C4- $\beta\text{-Glc}$. Резонансы маннозы становятся неразличимыми в позиции C2, поэтому резонанс маннозы C2 назначается как Man1 и 2 (C2).

Сравнение значений резонанса, найденных для этих моносахаридов, с литературными данными [129-134] приводит к выводу, что первая группа аномеров (с центром при $\sim 4.76/102.7$ м.д.) проявляется за счёт β -Man, а пик при $4.53/105.3$ м.д. относится к β -Glc. Это согласуется с результатами анализа моносахаридного состава, т.е. данный полисахарид в основном состоит из β -Man и β -Glc (табл. 3.2.3).

Корреляцию по сквозным связям третьего и самого слабого аномерного пика нельзя было надёжно приписать к C2, но его химические сдвиги находятся в пределах ожидаемых значений для β -Gal. Сравнивая данный пик в HSQC спектре с идентичными резонансами галактозильных остатков, имеющих гораздо более сильную интенсивность, можно сделать вывод, что данный факт скорее показывает присутствие несвязанных с ВРП остатков β -Gal.

Используя корреляционные эксперименты 2D ЯМР, резонансов других атомов в спектрах ^1H и ^{13}C были указаны связи для каждой сахарной единицы, присутствующей в данном полисахариде (табл.3.3). Они основаны на химических сдвигах, константах взаимодействия и корреляционных связях из всех 2D-экспериментов (гомоядерный ^1H - ^1H gCOSY и zTOCSY, и гетероядерный ^1H - ^{13}C gHSQCAD, gHMBCAD (8 Гц и 10 Гц) и HSQC-TOCSY). Эти результаты согласуются с литературными данными значений химических сдвигов как ^1H , так и ^{13}C [129-135], и подтверждают, что ВРП представляет собой линейный полисахарид – глюкоманнан.

Кроме того, спектры HMBC и HSQC ВРП содержат сигналы, связанные с метоксигруппой при $3.82/55.7$ м.д. ($^1\text{H}/^{13}\text{C}$), однако это не может быть отнесено к конкретному моносахариду, так как требует дополнительного ферментативного гидролиза и установления места связывания метильных или ацетильных групп классическими методами метилирования, периодатного окисления и расщепления по Смиуту.

Таблица 3.3. Результаты анализа моносахаридов ВРП на основе 2D-COSY, TOCSY, HSQC, HSQCTOXY и HMBC экспериментов.

	C1	C2	C3	C4	C5	Unassigned C	C6	H1	H2	H3	H4	H5	Unassigned H	H6
β -Gal (weak)	107.1	81.33	-	-	-	71.53, 74.50	63.13 63.23 63.11	4.648	3.7	-	-	-	5.495,4.203,	4.05, 3.94, 3.73
β -Man1	102.5	72.89	74.3	77.95	-			4.753	4.11	3.809	3.577	-	4.000, 3.929,	
β -Man2	103.1	72.89	74.3	81.34	-			4.762	4.11	3.809	3.708	-	3.852,3.843,	
β -Glc	105.3	75.77	76.82	79.29	77.54			4.528	3.369	3.704	3.826	3.635	3.759	

Хотя спектр $1D-^1H$ (рис.3.5а) ВРП в значительной степени неразрешен и не поддаётся интерпретации, его наиболее заметной особенностью является сильный пик метила ацетильных групп при 2.19 м.д. Углеродные резонансы этой ацетильной группы наблюдаются в спектре $1D-^{13}C$ (рис. 3.5б) в виде хорошо разрешённого пика метила при 23.3 м.д. и карбонильных групп при 175.9 м.д. Эта ацетильная группа подтверждается спектрами 2D НМВС и HSQC, где видно, что карбонильные группы при 176 м.д. соединяются с метильными при 2.19/23.26 м.д. Ацетильная группа не может быть отнесена к конкретному моносахариду. Степень ацетилирования в образцах не могла быть точно рассчитана по спектру $1D-^1H$, из-за существенного искажения базовой линии в аномерной области от пика стандарта. Однако ацетильная группа отчётливо видна в спектрах $1D-^{13}C$.

К сожалению, спектр углерода не был количественно обработан, что привело к появлению пиков, которые имеют значительное, но переменное количество увеличения интенсивности сигнала. При этом, сравнение интегральных интенсивностей пиков ацетильного и аномерного углерода даёт лишь приблизительную оценку того, что ацетилирование составляет менее 6%.

Таким образом, водорастворимые полисахариды были выделены из корней клубней растения *E. hissaricus*. Были определены моносахаридный состав, гидродинамические свойства и их тонкая структура с использованием ВЭАХ (РАD детектора) хроматографии, МУЛС (UV, LS, PD, IR детекторов), ИК-Фурье и гомо- и гетероядерной 1D и 2D ЯМР-спектроскопии. Это позволило нам заключить, что корни *E. hissaricus* содержат водорастворимый глюкоманнан (GlcMan-ГМ) полисахарид.

ВРПГМ характеризуется высокой молекулярной массой (495 кДа), но относительно низкой полидисперсностью по молярной массе. Более того, ВРПГМ имеет высокую вязкость (533 мл/мг) и более высокий гидродинамический радиус (48.5 Å) по сравнению с кислоторастворимым полисахаридом, выделенным из корнеплодов этого растения. Распределение

молярной массы образца ВРПГМ имеет две отдельные полосы в кривых ММР, что указывает на наличие двух основных структурных вариантов: линейного полисахарида, создающегося из последовательных цепей ГМ (рис. 3.7) и короткоцепного Glc-Man с небольшим разветвлением из галактозы (Gal).

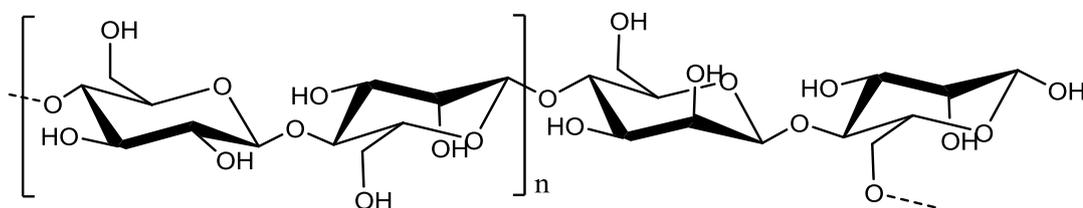

Рис. 3.7. Структура ВРП UV (GlcMan), выделенного из корнеклубней растений *E. hissaricus*.

Полосы поглощения ИК-Фурье в области 880-890 см^{-1} подтверждают наличие бета-пиранозной конфигурации основной цепи полисахарида.

3.3. Формирование пищевой плёнки на основе ГМ и зеина

В заключение главы 1 на основе анализа литературного обзора приводится, что для производства съедобных плёнок и покрытий в данной работе были выбраны биополимеры глюкоманнана и протеинов. Эти биополимеры доступные в флоре Республики Таджикистан, нетоксичные и являются материалами с возобновляемым сырьевым ресурсом, применяющимися в пищевой и фармацевтической промышленности.

В последние годы, применение съедобных плёнок стало ориентироваться не только на упаковку пищевых продуктов, но и на создание систем терапевтического действия: пробиотиков и лекарств. В этом аспекте большое внимание исследователей привлекли полисахариды на основе ГМ, полимеры глюкозы и маннозы, которые благодаря своим превосходным плёнкообразующим свойствам, хорошей эластичности, низкой газопроницаемости и технологическим преимуществам являются перспективными для разработки упаковочных биоразлагаемых материалов [32-40].

Обезжиривание корнеклубней и выделение олиго- и полисахаридов проводили по методике, описанной в работах [98-101]. Полученный, таким образом ВРП ГМ, достаточной для формирования плёнок, очищали переосаждением в спирте и сушили при температуре 40-60°C. В работе также использовали белок-зеин, который выделяли из обезжиренной кукурузной муки по методу, описанному ранее [62].

Tween-80 или E433 («Mita Chemicals Ltd», Германия) использовали в качестве поверхностно-активного вещества, глицерин («ч. д. а.», ГОСТ 6259) в качестве пластификатора, этанол (ГОСТ 5962) - как вспомогательный реагент. Плёнки, полученные из смеси зеина и глюкоманнана с разным соотношением биополимеров согласно методу, описанному в работе [102], представлены в табл. 3.4.

Таблица 3.4. Содержание исходных компонентов и предварительные характеристики полученных композитных плёнок

№ образца	Шифр пленки	Толщина, мкм	Зеин, г	ГМ, г	Зеин, %	Визуальный вид
1	ГМ	–	–	1.0	–	прозрачные, липкие
2	З/ГМ=1.00	230	0.500	0.5	50.0	прозрачные, липкие
3	З/ГМ=1.25	250	0.625	0.5	55.0	прозрачные, липкие
4	З/ГМ=1.50	230	0.750	0.5	60.0	полупрозрачные, эластичные
5	З/ГМ=1.75	190	0.875	0.5	63.5	матовые, эластичные
6	З/ГМ=2.00	230	1.000	0.5	65.0	непрозрачные, хрупкие
7	Зеин	–	1.000	0	100.0	непрозрачные, деформируются при сушке

Полученные композитные плёнки в зависимости от содержания биополимеров имеют различные механические характеристики и внешний

вид. В табл. 3.4 приводятся содержание исходных компонентов и предварительные характеристики полученных композитных плёнок. Содержание ПАВ и глицерина во всех плёнках были постоянными и составляли 7% и 20% от массы компонентов, соответственно.

С увеличением содержания зеина в составе композита до соотношения зеин/ГМ = 1.75 образцы переходят к механически устойчивым плёнкам. Образцы из индивидуальных растворов полимеров имеют либо пониженные механические свойства, либо неустойчивую форму и непригодны к дальнейшему использованию, поэтому их свойства не обсуждаются в работе. С увеличением доли зеина от 50% до 65% качество плёнок улучшалось, они становились более эластичными по сравнению с плёнками, приготовленными из индивидуального зеина или ГМ. Однако дальнейшее добавление зеина свыше 65% приводило к ухудшению механических характеристик плёнок.

3.3.1. ИК-Фурье спектроскопические исследования процесса формирования полимерных плёнок

На рис. 3.8 приведены ИК-спектры полученных композитов при различных соотношениях биополимеров: 1- З/ГМ=1.0; 2- З/ГМ=1.25 и 3- З/ГМ=2.0. Из проведенных исследований следует, что в полученных плёнках происходит молекулярное взаимодействие зеина и ГМ. Например, в спектрах плёнок З/ГМ (рис. 3.8) полоса при 1646 см^{-1} , характерная для колебаний ν_{CO} (амид I) зеина, по-видимому, перекрывается характеристической полосой ГМ при 1642 см^{-1} . В спектре композитов (плёнок) наблюдается только одна, но более интенсивная полоса при 1646 см^{-1} . Кроме того, наблюдаются различия в интенсивности полос поглощения в ИК-спектрах: повышается интенсивность валентных колебаний карбонильной группы 1642 см^{-1} и деформационных колебаний у амида II связей при 1541 см^{-1} , свидетельствующих о формировании прочных связей зеина с молекулой полисахарида.

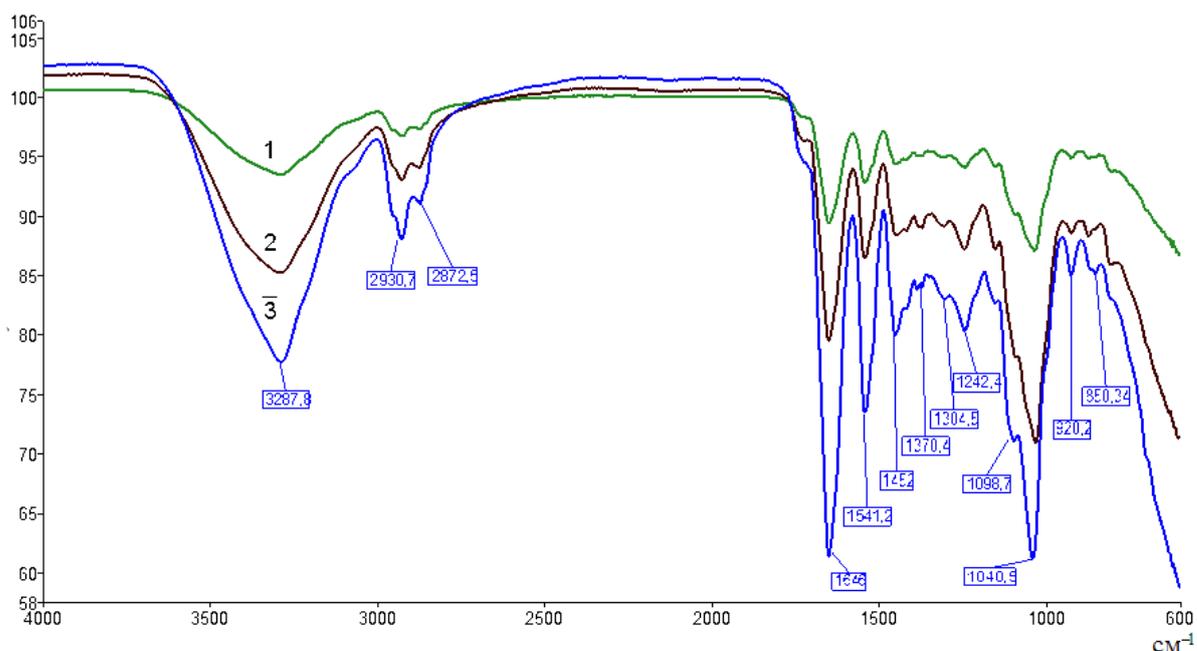

Рис. 3.8. ИК-спектры композитных плёнок на основе зеина и ГМ при различных соотношениях биополимеров зеин/ГМ: 1-1.0; 2-1.25; 3-2.0.

Эта полоса является асимметричной, свидетельствующей о существовании низкочастотной и высокочастотной полос, относящихся к компонентам амида I и амида II, соответственно. Это указывает на образование водородно-связанного композита (агрегата).

Данное взаимодействие усиливается с увеличением доли зеина от 1.0 до 1.75, а дальнейшее увеличение зеина не влияет на интенсивность этой полосы (рис. 3.9.), что говорит об оптимальном соотношении биополимеров при получении композита.

Этот эффект может быть следствием возможных взаимодействий между ОН-группами в ГМ с протонированными аминогруппами из белка. Полоса, соответствующая колебаниям амидных групп II зеина (при 1533 см^{-1}), выглядит как полоса низкой интенсивности, смещённая на 1541 см^{-1} . Эти сдвиги предполагают существование взаимодействий между белком и полисахаридом.

Кроме того, изменение положения полос, их интенсивности в ИК-спектрах указывает на появление гидрофобных взаимодействий между биополимерами, что подтверждается растягиванием узкого пика при 2931 см^{-1} от

–СН эфирной (метильной или ацетильной) группы, а также усилением поглощения основного углеводного скелета в области 1040-1098 см^{-1} , обусловленного глюкозидными валентными колебаниями С–О–С [135].

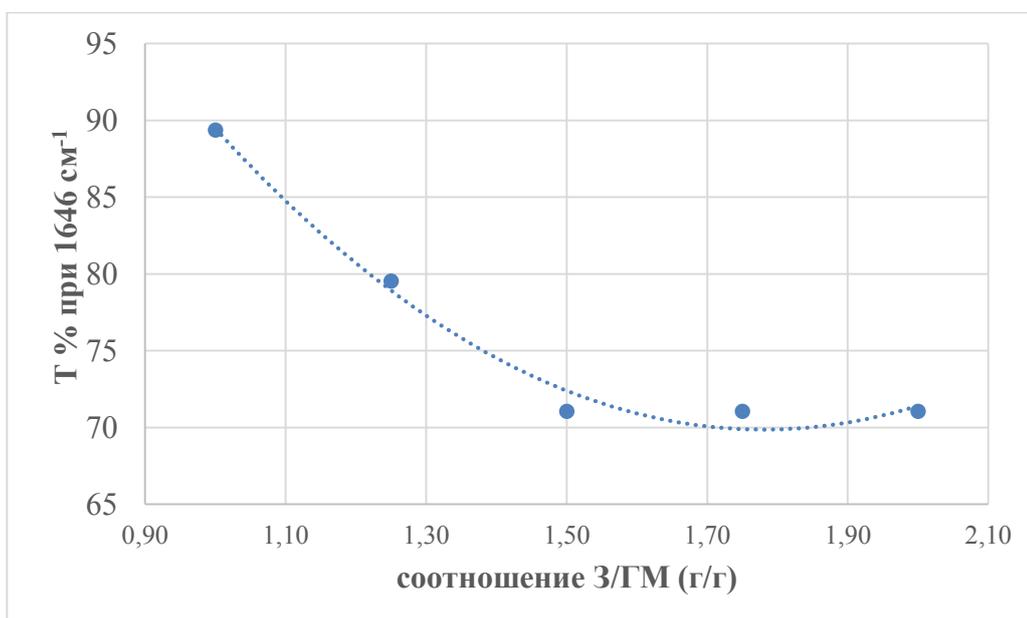

Рис. 3.9. Влияние соотношения З/ГМ на интенсивность полосы поглощения при 1646 см^{-1} .

Данное явление предполагает существование водородных связей между биополимерами, аналогично тому, что сообщалось для смесей зеин-альгинат и ксантан-альгинат [135]. Все изменения макроскопических свойств плёнок (внешний вид, эластичность) соответствовали свойствам биополимеров. Хорошая совместимость между зеином и ГМ, благодаря кластерной структуре фракции протеина [136] и линейности макромолекулы полисахарида [101], способствовали их взаимодействию через водородные и гидрофобные связи, что было подтверждено результатами ИК-Фурье спектроскопии.

Таким образом, результаты исследования показали возможность формирования плёнок на основе биополимеров З/ГМ, а образец с шифром З/ГМ=1.50 (или З/ГМ=1.75) можно предложить в качестве оптимального варианта при применении биоразлагаемого композита в сельскохозяйственной области для хранения пищевых продуктов (особенно фруктов) при длительной транспортировке и сохранении их полезных свойств.

3.3.2. Исследование физико- механических свойств плёнок

Упаковочный материал с хорошими механическими свойствами может защитить пищевые продукты внутри упаковки от механических и физических нагрузок. Следовательно, механические свойства являются важными характеристиками упаковочного материала, определяющими срок хранения пищевых продуктов.

На рис. 3.10 представлены зависимости относительной деформации от напряжения образцов композитов разного содержания З/ГМ. По предельным значениям напряжения и деформации на кривых $\sigma(\varepsilon)$ были определены величины разрывной прочности (σ_p) и деформации разрыва (ε_p) образцов (рис. 3.11). Величины σ_p , ε_p , а также рассчитанных модулей упругости занесены также в таблицу 3.5. На приведенных зависимостях можно отметить следующие особенности:

1) Кривые деформации композитов, содержащие 1.0-1.5 З/ГМ соответствуют слабо упрочняющимся при растяжении эластическим системам (рис. 3.10, кривые 1-3); незначительное возрастание наклонов кривых по мере растяжения связано со слабым ориентационным упрочнением образцов. Указанным композитам соответствуют относительно низкие значения прочности и более высокие значения деформации разрыва по сравнению с образцами, содержащими большее количество З/ГМ (рис. 3.11). При этом в указанной области З/ГМ величины предельных механических характеристик композитов мало отличаются друг от друга [103].

2) Для кривых деформации композитов с содержанием 1.75 З/ГМ характерна начальная упругая область (рис. 3.10, кривая 4), которая становится более отчетливой при возрастании З/ГМ до 2.0 (рис. 3.10, кривая 5). Расчеты показывают, что модули упругости мембран с содержанием З/ГМ 1.75 и 2.0 составляют 50 и 200 МПа, соответственно (таблица 3.5).

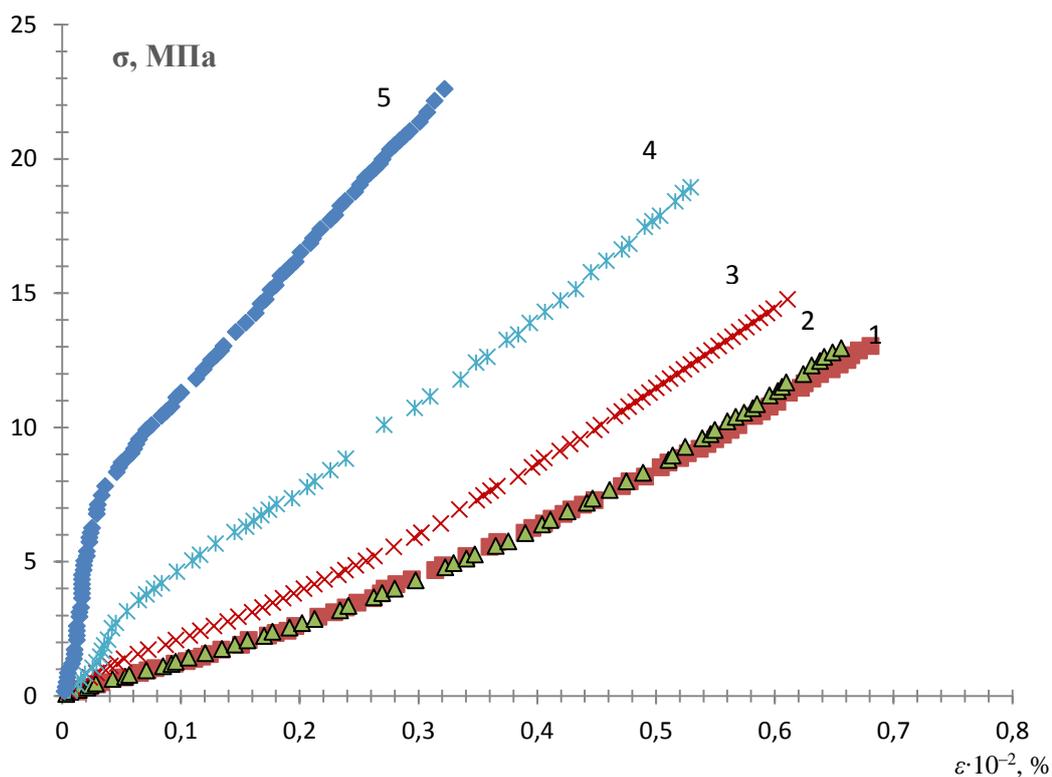

Рис. 3.10. Деформационные кривые композитных плёнок с разным соотношением зеин/ГМ: 1- 1.0; 2- 1.25; 3- 1.5; 4- 1.75; 5- 2.0.

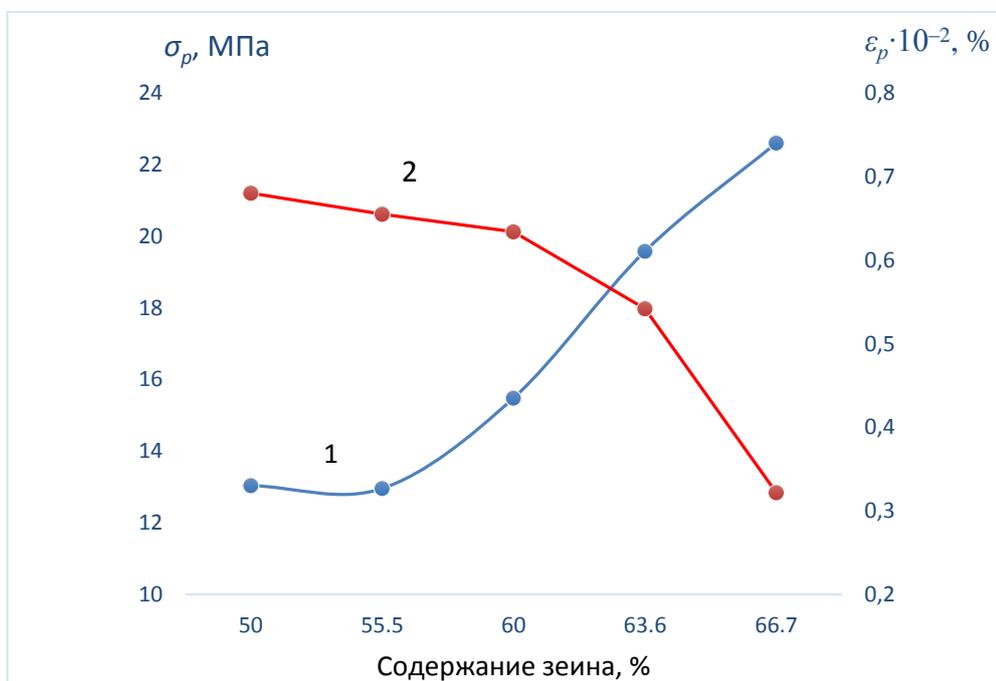

Рис. 3.11. Зависимости разрывной прочности (1) и деформации разрыва (2) композитных плёнок с разным соотношением зеин/ГМ.

Таблица 3.5. Физико-механические характеристики образцов плёнок
разного соотношения зеин/ГМ

Шифр образца	σ_p , МПа (прочность при разрыве)	ε_p , % (относительное удлинение при разрыве)	E , МПа (модуль упругости)
З/ГМ=1.0	13.04	68.0	-
З/ГМ=1.25	12.96	65.5	-
З/ГМ=1.5	15.48	63.4	-
З/ГМ=1.75	19.58	54.2	50
З/ГМ=2.0	22.60	32.2	200

В изученной области составов значения прочности мембран возрастают от 19 до 73%, а деформационные свойства ухудшаются от 4 до 53% с увеличением доли З/ГМ в композите, соответственно. Следовательно, увеличение доли гидрофобного полимера-зеина способствует упрочнению композита и его более упругому поведению [103, 137].

Таким образом, возрастание содержания зеина в композитах сопровождается вариацией характера зависимостей $\sigma(\varepsilon)$, увеличением прочности, модуля упругости и ухудшением их деформационных свойств [103].

3.3.3. Влагопроницаемость плёнок

Известно, что качественные упаковочные плёнки должны сохранять хорошие барьерные свойства, обеспечивающие низкую проницаемость как водяного пара, так и кислорода. Плёнки из зеина или его композиты с другими биополимерами могут быть хорошим влагозащитным барьером благодаря своей гидрофобной природе [138, 139], однако низкие механические свойства таких плёнок не позволяют применять их на практике. Влагопроницаемость (ВП) композитных плёнок, содержащих зеин и ГМ, обусловлена соотношением фракции гидрофильного ГМ в составе биополимеров.

Влияние пластификатора на паропроницаемость плёнок изучалось в

работах [4, 5, 9-11, 45]. Установлено, что пластификатор увеличивает проницаемость плёнок. Поверхностно активные вещества в отсутствие глицерина влияют на механические свойства плёнок, при этом проницаемость практически остаётся неизменной. В качестве пластификатора вводили глицерин, Tween 20, Span 80 и соевый лецитин использовали в качестве поверхностно-активных веществ. Установлено, что проницаемость увеличивается с увеличением температуры от 5 до 40°C, показана зависимость проницаемости плёнок от содержания пластификатора в их составе. Глицерин благодаря своей гидрофильности увеличивает скорость диффузии воды в пленке.

В работе [103] нами исследована влагопроницаемость композитных плёнок с разным соотношением З/ГМ. Было показано [140], что проницаемость плёнок для водяного пара значительно изменяется в зависимости от относительной влажности и температуры окружающей среды. Поэтому паропроницаемость композитных плёнок З/ГМ определялась нами с использованием метода гравиметрии при температуре 25°C и относительной влажности воздуха 40% в течение недели.

Результаты исследований по влагопроницаемости композитных плёнок с разным соотношением З/ГМ приведена в табл. 3.6 и графически представлена на рис. 3.12. Как видно из рисунка зависимость ВП от времени для всех соотношений З/ГМ имеет нелинейный характер; в течение восьми часов при контакте с водяным паром наблюдается быстрый рост ВП, далее она несколько уменьшается, достигая минимального значения (при $t=28$ часа) и вновь монотонно начинает расти в пределах исследованных времен эксперимента. Из приведенных результатов эксперимента следует, что влагопроницаемость З/ГМ плёнок демонстрирует сложный процесс взаимодействия молекул воды с полимерной структурой композита, как наблюдалось для композитных плёнок на основе крахмала [141].

Таблица 3.6. Влагопроницаемость композитных плёнок с разным соотношением зеин/ГМ.

Время, часы	№ образца				
	2	3	4	5	6
	Влагопроницаемость, мг/см ² ·ч				
3.0	3.63	3.11	2.47	2.80	1.63
8.0	4.66	4.27	3.45	3.54	2.13
28.0	3.52	3.30	2.82	2.77	1.68
54.8	4.89	4.62	4.01	3.91	2.51
95.5	5,12	4.93	4.33	4.27	2.81
145.5	6.05	5.81	5.14	5.13	3.47

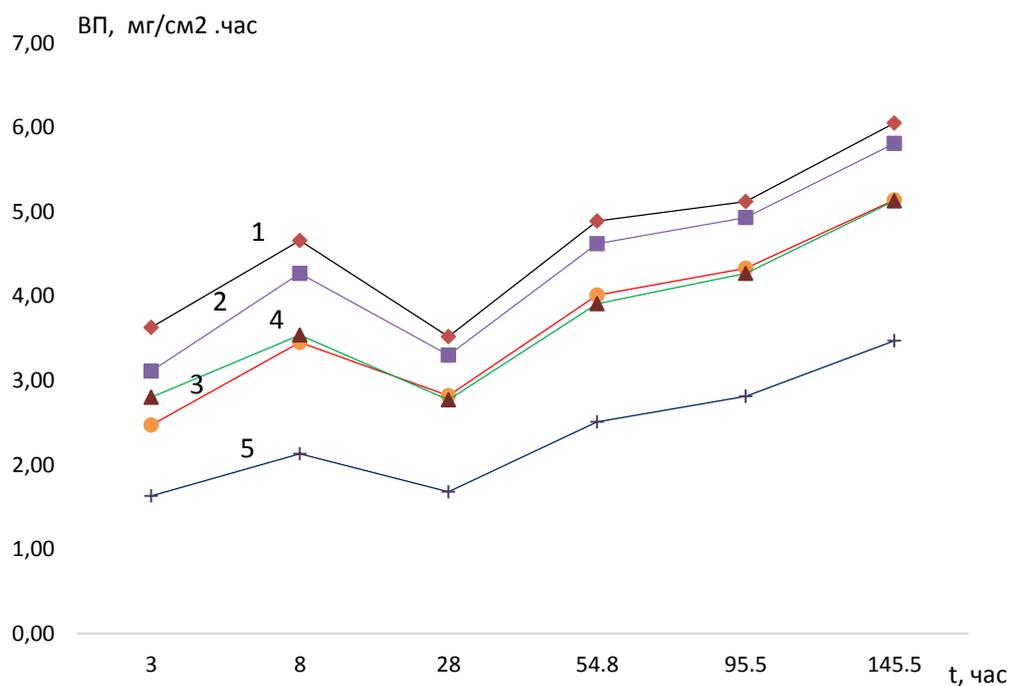

Рис. 3.12. Зависимости ВП композитных плёнок с соотношением З/ГМ:

1- 1.0; 2- 1.25; 3- 1.5; 4- 1.75; 5- 2.0 от времени наблюдения.

Проницаемость, как правило, зависит от ряда параметров, таких как температура, толщина плёнки и содержания пластификатора. Такой ход кривой зависимости ВП от времени указывает на формирование слоистой

структуры З/ГМ в композите. Значения влагопроницаемости З/ГМ намного ниже (в 100-1000 раза) по сравнению с таковыми для других композитов, например, композитов на основе крахмала и производных целлюлозы [138-141], что объясняется влиянием гидрофобного белка зеина, прочно связанного с полисахаридным матриксом глюкоманнана.

Из рис. 3.12 видно, что плёнки с большим содержанием ГМ показали самые высокие значения влагопроницаемости ($6.05 \text{ мг/см}^2 \cdot \text{ч}$), в то время как плёнки с высоким содержанием зеина имели самые низкие значения ВП ($3.47 \text{ мг/см}^2 \cdot \text{ч}$).

В отличие от временной зависимости ВП, приведенной выше, зависимость ВП от массового соотношения З/ГМ проявляет линейный характер, что наблюдалось также для других композиционных систем на основе полисахаридов (рис. 3.13). С ростом фракции зеина в составе композита от 50 до 65% влагопроницаемость снижается и достигает численного значения практически в два раза ниже начального. Этот факт также может служить подтверждением формирования упорядоченной гидрофобной слоистой плёнки с включением зеина между плоскостями изшитых с глицерином цепей ГМ.

Исследования, проведенные в [142] показали, что при низких концентрациях (меньше 5%) полисахаридов в композитном материале паропроницаемость пленок, модифицированных альгинатом натрия, значительно выше, чем для пленок, содержащих добавки метилированной целлюлозы (метилцеллюлозы). При концентрациях полисахаридов в полимерной пленке 5-20%, величина ее проницаемости для паров воды составляет $60-90 \text{ г/см}^2 \cdot \text{сутки}$ ($2.5-3.7 \text{ г/см}^2 \cdot \text{час}$), что соответствует характеристикам, оптимальным для раневых покрытий. Эти значения в тысячу раз больше значений ВП композитных З/ГМ пленок.

Известно [141], что полимеры с высокой кристалличностью обычно менее проницаемы из-за их упорядоченной структуры, и, следовательно, массоперенос газа в полукристаллических полимерах происходит

главным образом через аморфную фазу, в данном случае аморфным полимером является ГМ. Самые высокие значения ВП показали композиты с соотношением З/ГМ 1,0 равное $3.47 \text{ мг/см}^2 \cdot \text{час}$ (рис. 3.13).

Проницаемость для водяного пара отрицательно влияет на характеристики пищевых пленок. Поэтому включение в полимер гидрофобных соединений, таких как жирные кислоты, воски, поверхностно-активные вещества и смолы, обычно используется для преодоления этого недостатка [138].

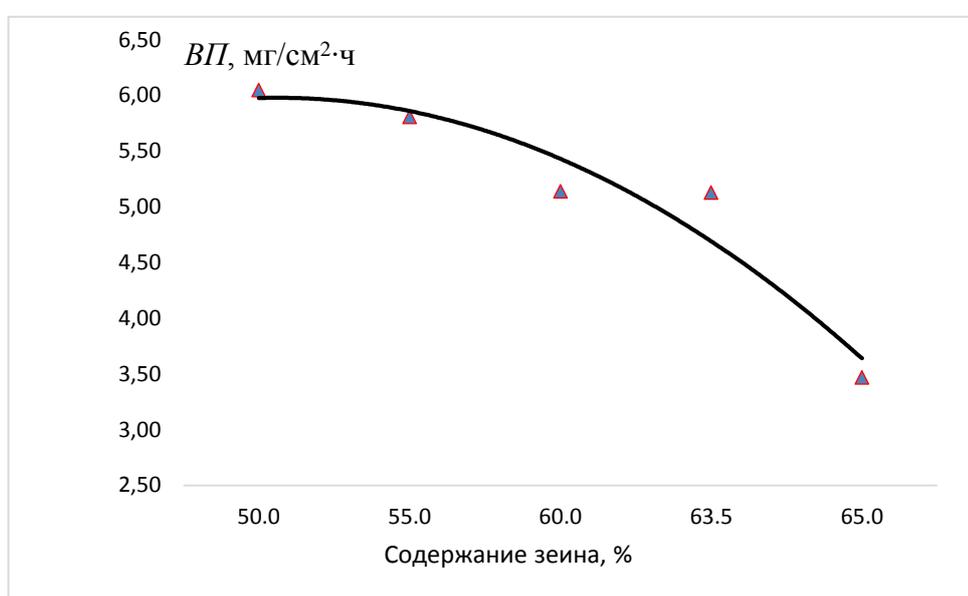

Рис. 3.13. Зависимость максимальной влагопроницаемости композитных плёнок с разным содержанием зеина за 6 суток.

Сравнение влагопроницаемости плёнок из З/ГМ с пленками, полученными из производных целлюлозы [143], показывают, что они обладают намного меньшей влагопроницаемостью по сравнению с последними.

Таким образом, результаты проведенных нами исследований влагопроницаемости (с учётом также и механических свойств пленок) показывают, что композитные плёнки с содержанием гидрофобного зеина 60–63% (З/ГМ=1.5-1.75) наиболее оптимальны для получения

биоразлагаемых упаковочных материалов с удовлетворительными влагоудерживающими и влагозащитными свойствами. Дальнейшее возрастание содержания гидрофобного зеина до 65% приводит к уменьшению гидрофобности композита, однако при этом пленки становятся хрупкими и их использование нецелесообразно в качестве упаковочного материала.

3.3.4. Кинетика набухания композитных плёнок с разным соотношением З/ГМ

Как известно [90], набухание является необходимой стадией во многих процессах модификации и полимеров, например, при их пластификации. Однако во многих случаях набухание материалов нежелательно, поскольку оно приводит к изменению размеров и формы изделий из них после смачивания. Упаковочные материалы при набухании в воде не только изменяют размеры, но и теряют первоначальную механическую прочность значительно.

Как было отмечено в методической части диссертации, способность композитов к набуханию оценивали по степени набухания, которая определяется количеством поглощенной веществе паров воды, отнесенным к единице веса композита. Результаты проведенных исследований приведены в табл. 3.7 и графически представлены на рис. 3.14.

Как видно, зависимости $W=f(t)$ биокомпозитов представляют собой типичные кинетические кривые, характерные для ограниченно набухающих полимеров (рис. 3.14). При этом у разных композитов равновесная степень набухания (W_{\max}) устанавливается через разные промежутки времени. Следовательно, при нахождении композитов в парах воды в течение длительного времени, образцы набухают по-разному. Наибольшей набухаемостью обладают композиты З/ГМ=1.0 и с повышением относительной доли гидрофобного компонента - зеина набухаемость пленок уменьшается и она достигает равновесного значения за более короткие времена.

Как известно [85], глюкоманнан придает материалу стабильную химическую структуру, хороший кислородный барьер и упругие механические свойства. Однако из-за присутствия гидрофильных групп глюкоманнан поглощает воду через диффузию и поверхностное взаимодействие полимер-вода. Увеличение степени набухания за первые 2 часа может быть связано с осмотическим проникновением молекул воды в биополимерные композиты, которое приводит к сегментальному движению гидрофильных цепей глюкоманнана, способствующее увеличению расстояния между полисахаридными цепями.

Таблица 3.7. Степень набухания композитных пленок с разным соотношением З/ГМ.

Время, час	Степень набухания (W)				
	З/ГМ=1.0	З/ГМ=1.25	З/ГМ=1.5	З/ГМ=1.75	З/ГМ=2.0
0	0	0	0	0	0
0.5	0.103	0.090	0.074	0.060	0.049
1	0.187	0.166	0.156	0.142	0.099
1.5	0.252	0.228	0.207	0.197	0.129
2	0.300	0.279	0.257	0.243	0.146
2.5	0.337	0.311	0.302	0.286	0.154
3	0.365	0.334	0.320	0.305	0.157
3.5	0.392	0.348	0.338	0.318	0.159
4	0.412	0.363	0.348	0.328	0.164
4.5	0.438	0.371	0.355	0.333	0.168
5	0.459	0.371	0.355	0.337	0.172
5.5	0.470	0.374	0.356	0.337	0.170
6	0.475	0.378	0.358	0.338	0.170
6.5	0.477	0.379	0.358	0.338	0.171
7	0.478	0.382	0.359	0.339	0.173
7.5	0.478	0.38	0.360	0.339	0.173

Напротив, в композитах с соотношением З/ГМ>1.5, из-за жесткой сетки, подвижность биополимерных цепей ограничена, поэтому их степень набухания существенно ниже по сравнению с композитами, содержащими большее количество ГМ.

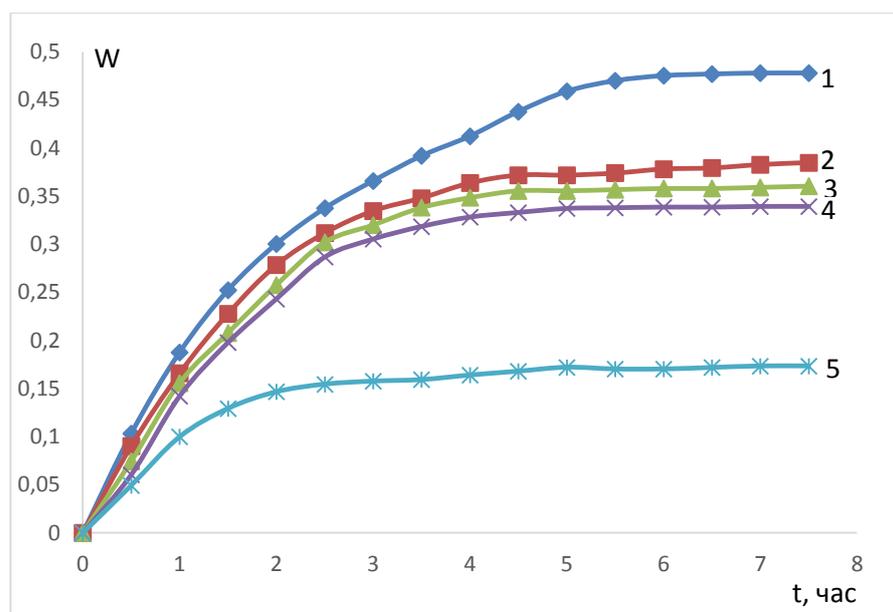

Рис. 3.14. Временная зависимость степени набухания композитов разного соотношения З/ГМ: 1- 1.00; 2- 1.25; 3- 1.50; 4- 1.75; 5- 2.00.

В пленках, полученных путем молекулярного взаимодействия зеина и глюкоманнана гидрофобный полимер - зеин способствует выравниванию баланса указанных выше свойств. Жесткая сетка межмолекулярных контактов ограничивает подвижность биополимерных цепей в композитах с соотношением $Z/ГМ > 1.5$, поэтому их степень набухания существенно ниже по сравнению с композитами, содержащими большее количество глюкоманнана. Действительно, как видно из рис. 3.14 с возрастанием доли зеина в пищевой пленке гидрофильные свойства композитов ухудшаются.

Исследования показали, что процесс набухания, которая лимитируется скоростью диффузии паров воды в фазу композитов описывается кинетическим уравнением первого порядка:

$$\frac{dW}{dt} = k(W_{\max} - W), \quad (3.14)$$

где k - константа скорости набухания, характеризующая способность вещества к набуханию, W - степень набухания в момент времени t .

Интегрируя уравнение (3.14) получим:

$$\ln \frac{W_{\max}}{W_{\max} - W} = kt \quad (3.15)$$

В нижеследующей таблице приведены величины параметров набухания в зависимости от времени для композитов разного соотношения З/ГМ.

Таблица 3.8. Кинетика изменения параметров набухания, входящих в уравнения 3.14 и 3.15 для биокомпозитов разного состава.

Время, час	З/ГМ=1.0		З/ГМ=1.25	
	$\ln \frac{W_{max}}{W_{max}-W}$	Скорость набухания, dW/dt (1/час)	$\ln \frac{W_{max}}{W_{max}-W}$	Скорость набухания, dW/dt(1/час)
0.5	0.243	0.190	0.270	0.165
1.0	0.496	0.137	0.574	0.128
1.5	0.749	0.109	0.916	0.102
2.0	0.988	0.088	1.325	0.080
2.5	1.221	0.068	1.706	0.059
3.0	1.442	0.054	2.112	0.040
3.5	1.715	0.048	2.474	0.029
4.0	1.980	0.043	3.107	0.020
4.5	2.481	0.037	3.743	0.015
5.0	3.225	0.032	3.743	0.012
5.5	4.090	0.027	4.148	0.010
6.0	5.071	-	5.247	-
Время, час	З/ГМ=1.5		З/ГМ=1.75	
	$\ln \frac{W_{max}}{W_{max}-W}$	Скорость набухания, dW/dt(1/час)	$\ln \frac{W_{max}}{W_{max}-W}$	Скорость набухания, dW/dt(1/час)
0.5	0.230	0.142	0.195	0.131
1.0	0.568	0.120	0.543	0.110
1.5	0.856	0.095	0.870	0.084
2.0	1.251	0.070	1.262	0.064
2.5	1.826	0.049	1.856	0.042
3.0	2.197	0.035	2.300	0.029
3.5	2.795	0.023	2.781	0.019
4.0	3.401	0.017	3.428	0.014
4.5	4.277	0.011	4.034	0.009
5.0	4.277	0.008	5.133	0.006
5.5	4.500	0.007	5.133	0.005
6.0	5.193	-	5.826	-

3/ГМ=2.0		
Время, час	$\ln \frac{W_{max}}{W_{max}-W}$	Скорость набухания, dW/dt(1/час)
0.5	0.33	0.100
1.0	0.86	0.072
1.5	1.37	0.045
2.0	1.87	0.023
2.5	2.22	0.011
3.0	2.88	0.005
3.5	2.37	0.004
4.0	2.91	0.003
4.5	3.46	0.002
5.0	4.87	0.002
5.5	4.01	0.001
6.0	4.01	-

На основе приведенных табличных данных построены зависимости степени набухания от времени в координатах $\ln \frac{W_{max}}{W_{max}-W} = f(t)$ (рис. 3.15), кинетика изменения скорости набухания (рис. 3.16), а также определены значения константы скорости набухания для каждого состава композита (рис. 3.17).

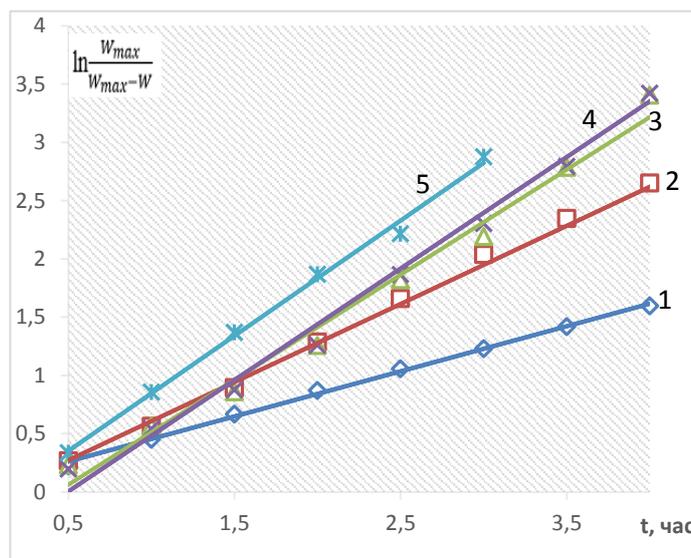

Рис. 3.15. Зависимости отношений степени набухания от времени в полулогарифмических координатах пленок 3/ГМ: 1- 1.0, 2- 1.25, 3- 1.5, 4- 1.75, 5- 2.0.

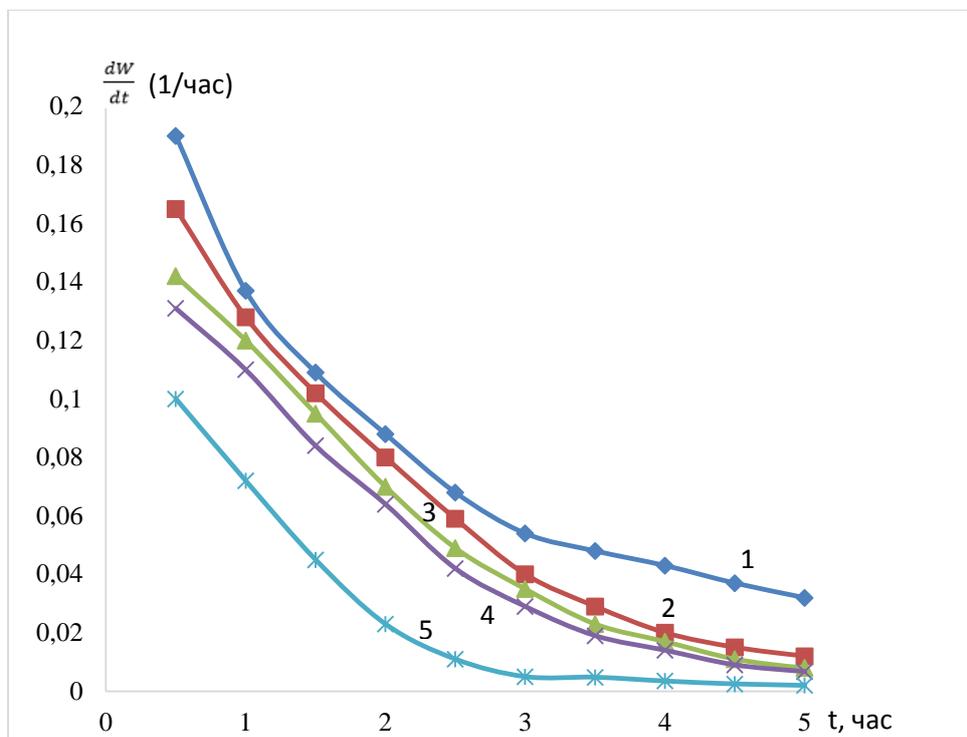

Рис. 3.16. Зависимости скорости набухания от времени для пленок 3/ГМ: 1- 1.0, 2- 1.25, 3- 1.5, 4- 1.75, 5- 2.0.

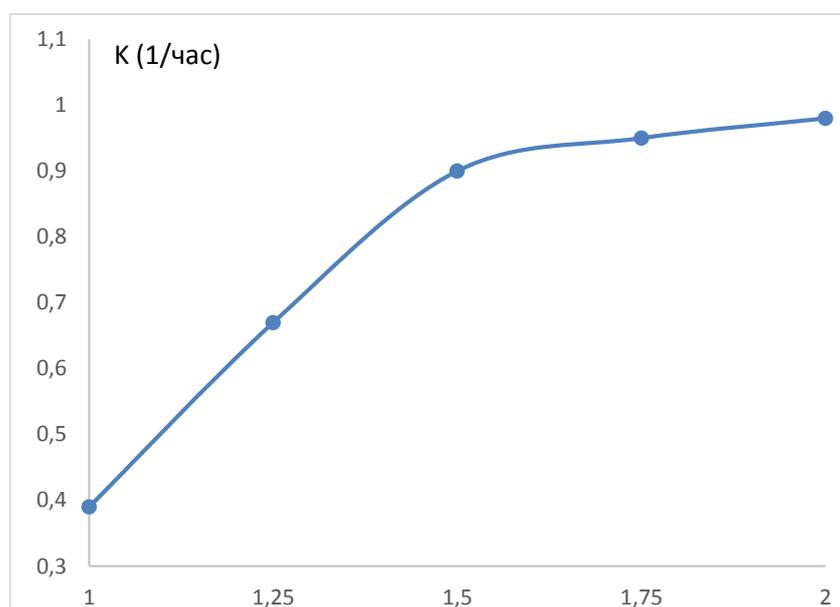

Рис. 3.17. Зависимость константы скорости набухания от состава композита 3/ГМ.

Для получения максимальных значений степени набухания и оценки скорости набухания были проведены аппроксимации кривых набухания с

помощью линейной функции линии тренда по программе Excel-2016 (Приложения: рис. П 1 (а-д). Полученные данные сведены в табл. 3.9.

Как видно из представленных уравнений линий тренда все кривые достоверно описываются линейными уравнениями с коэффициентами аппроксимации (R^2) равными ~ 0.99 . Из анализа кинетических кривых набухания получены величины максимального и равновесного степени набухания (значения степени набухания плёнок в области перегиба кривых) (табл. 3.9).

Таблица 3.9. Величины максимального значения степени набухания ($W_{\text{макс}}$) и аппроксимационные уравнения линии тренда.

Соотношение З/ГМ	$W_{\text{макс}}$	Уравнение аппроксимации	R^2
1.00	0.478	$y = 0.387t + 0.067$	0.99
1.25	0.380	$y = 0.670t - 0.062$	0.99
1.50	0.360	$y = 0.901t - 0.389$	0.98
1.75	0.339	$y = 0.957t - 0.476$	0.99
2.00	0.173	$y = 0.988t - 0.1417$	0.99

В приведенных уравнениях аппроксимации y представляет собой отношение $\ln \frac{W_{\text{макс}}}{W_{\text{макс}} - W}$.

Таким образом, проведенные исследования позволили нам оценить характер изменения степени набухаемости полученных гидрогелевых пленок на основе зеина и глюкоманнана, определить оптимальное соотношение биополимеров для получения плёнок с контролируемой набухаемостью. Показано, что высокая степень набухания композиционных пленок З/ГМ обеспечивается за счет нейтрального полисахарида глюкоманнана. Повышенная набухаемость и водоудерживающая способность смесей ГМ/зеин может быть обусловлена особенностями структуры ГМ. Глюкоманнан, выделенный из растений *E. hissaricus*, представляет собой неионный полисахаридный гидрофильный коллоид, состоящий в основном из

гидроксильных и ацетильных групп [101]. Гидратированные молекулы ГМ способны к быстрым конформационным изменениям, расширяются и могут вызывать изменение конформации, тем самым приводя к увеличению способности набухать и обеспечить влагуудерживающие способности композитных пленок З/ГМ.

3.3.5. Исследование растворимости плёнок в воде

Растворимость - ключевой фактор, определяющий использование плёнки в широком диапазоне применений в качестве упаковочного материала. Плёнки с разной степенью растворимости могут иметь различное использование. Чем выше содержание гидрофильного компонента в композите, тем выше его растворимость, и наоборот, чем больше доля гидрофобного компонента в композите, тем ниже его растворимость [9].

Плёнка с плохой водостойкостью быстро растворяется, вызывая увеличение диффузии компонентов от поверхности к массе пищи, что приводит к низкому защитному эффекту на поверхности пищи [144]. Потенциальное применение может потребовать нерастворимости в воде для повышения целостности продукта и водостойкости. В некоторых случаях растворимость пленки в воде перед потреблением продукта может быть полезной [145].

Результаты исследования растворимости плёнок в воде с разным соотношением зеин/ГМ приведены в табл. 3.10 и графически представлены на рис. 3.18.

Плёнки, полученные на основе ГМ, представляют собой композиты с высокой растворимостью из-за присутствия в них гидрофильных гидроксильных групп (рис. 3.7). Растворение композитных З/ГМ плёнок, независимо от содержания гидрофобного полимера - зеина, осуществляется в два этапа (рис. 3.18). Вначале при контакте с водой в течение до 1.5 часа

плёнки подвергаются растворению от 28.9 до 45.42% для соотношения З/ГМ от 2.0 до 1.0, соответственно.

Таблица 3.10. Растворимость пленок на основе зеина и глюкоманнана в воде.

№ образца	Соотн. Зеин/ГМ	Толщина, мкм	Зеин, %	Растворимость, %			
				Время, час.			
				1.5	2	3	5
1	ГМ	–	0.0	-	-	-	-
2	1.00	230	50.0	45.42	54.40	61.89	71.77
3	1.25	250	55.0	40.96	46.09	49.60	54.70
4	1.50	230	60.0	38.50	44.30	46.30	48.48
5	1.75	190	63.5	35.25	39.87	42.03	44.02
6	2.00	230	65.0	28.94	35.29	39.38	40.34
7	Зеин	–	100.0	-	-	-	-

Затем растворимость плёнок в течение оставшегося времени до 5 часов происходит медленно, кроме плёнки с соотношением З/ГМ 1.0. Эта картина даёт полное представление о водопоглощающей способности при постоянной (комнатной) относительной влажности, а также о влиянии поглощения воды на скорость размягчения и барьерные свойства плёнок.

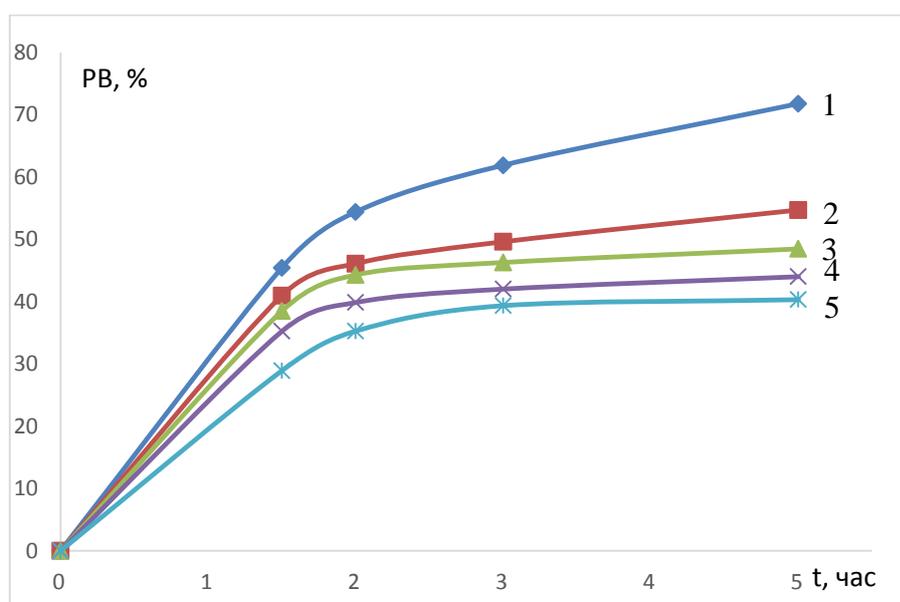

Рис. 3.18. Зависимость растворимости пленок с разным соотношением зеин/ГМ от времени.

На рис. 3.19 представлены максимальные значения растворимости в зависимости от состава пленок на возрастающем, линейном участке диаграммы растворимости ($t \sim 1$ час) (кривая 1) и на втором участке ($t \sim 5$ час.) диаграммы (кривая 2), когда величины растворимости достигают области плато. Из рисунка видно, что за первые часы взаимодействия с водой растворимость пленок уменьшается практически линейно с возрастанием относительной доли гидрофобного зеина в биополимерном композите. Практически такое же монотонное снижение растворимости, возможно, с чуть более высокой скоростью, с увеличением относительной доли зеина в композите наблюдается для пленок, взаимодействующих более длительное время с водой в области концентраций $Z/\Gamma M = 1.5-2$. Однако, как видно из приведенных данных рисунка, существенное уменьшение растворимости пленок (более чем на 15%) наблюдается для композитов $Z/\Gamma M = 1.25$. Следовательно, влагозащитные свойства зеина лучше проявляются при возрастании времени контакта с водой.

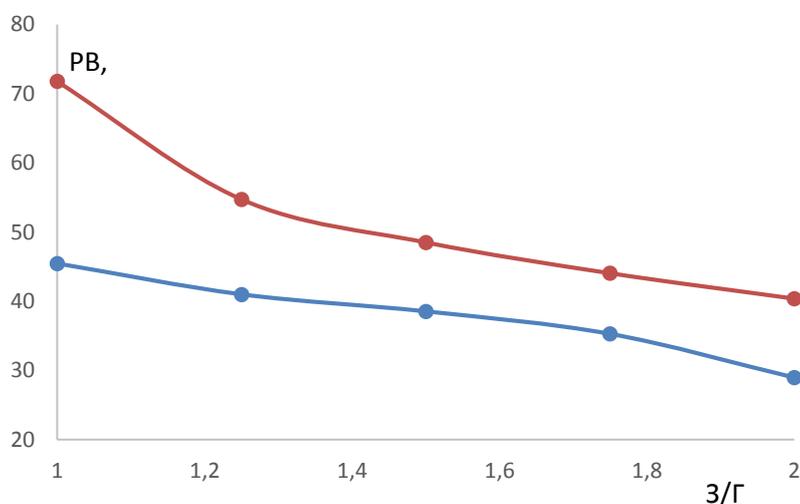

Рис. 3.19. Зависимость растворимости пленок от соотношения $Z/\Gamma M$ для 1.5 (1) и 5 часов (2) контакта с водой.

Из рисунка видно, что за первые часы взаимодействия с водой растворимость пленок уменьшается практически линейно с возрастанием относительной доли гидрофобного зеина в биополимерном композите. Практически такое же монотонное снижение растворимости, возможно, с

чуть более высокой скоростью, с увеличением относительной доли зеина в композите наблюдается для плёнок, взаимодействующих более длительное время с водой в области концентраций $Z/ГМ=1.5-2$. Однако, как видно из приведенных данных рисунка, существенное уменьшение растворимости плёнок (более чем на 15%) наблюдается для композитов $Z/ГМ=1.25$. Следовательно, влагозащитные свойства зеина лучше проявляются при возрастании времени контакта с водой.

Таким образом, из совокупности приведенных результатов следует, что комозитные плёнки с содержанием гидрофобного зеина 60–63% (зеин/ $ГМ=1.5-1.75$) могут быть рекомендованы как оптимальный состав гидрофильно-гидрофобного композита для получения биоразлагаемых упаковочных материалов с удовлетворительными эксплуатационными свойствами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица П.1 (а-д). Влагопроницаемость З/ГМ плёнок разного состава

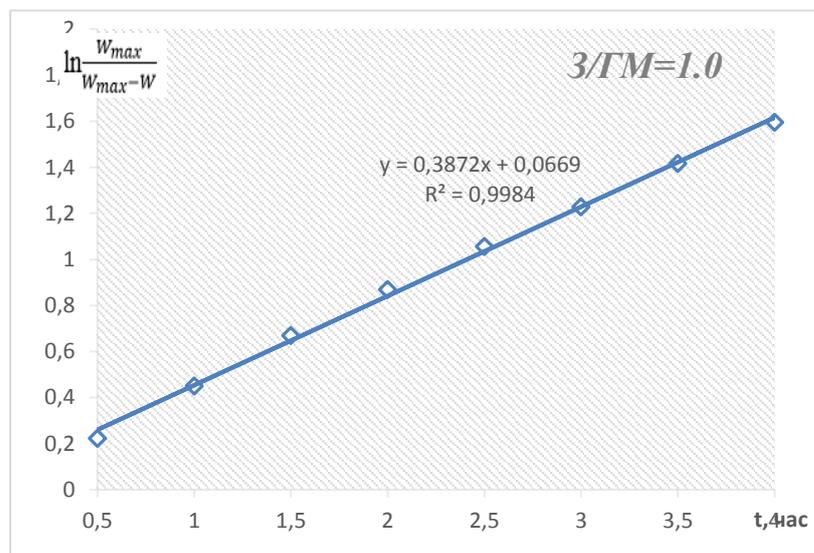
З/ГМ=1.00 (а)					
Время, ч.	m ₀ , мг	m, мг	S, см ²	m- m ₀ , мг	ВП, мг/см ² ·ч
3.0	12956.4	12984.1	2.5434	27.7	3.63
8.0		13015.7		59.3	4.66
28.0		13135.6		179.2	3.52
54.8		13286		329.6	4.89
95.5		13493.6		537.2	5.15
145.5		13726.9		770.5	6.05

З/ГМ=1.25 (б)					
Время, ч.	m ₀ , мг	m, мг	S, см ²	m- m ₀ , мг	ВП, мг/см ² ·ч
3.0	14146.2	14169.9	2.5434	23.7	3.10
8.0		14200.6		54.4	4.27
28.0		14314.3		168.1	3.30
54.8		14458.2		312.0	4.62
95.5		14660.4		514.2	4.93
145.5		14885.9		739.7	5.81

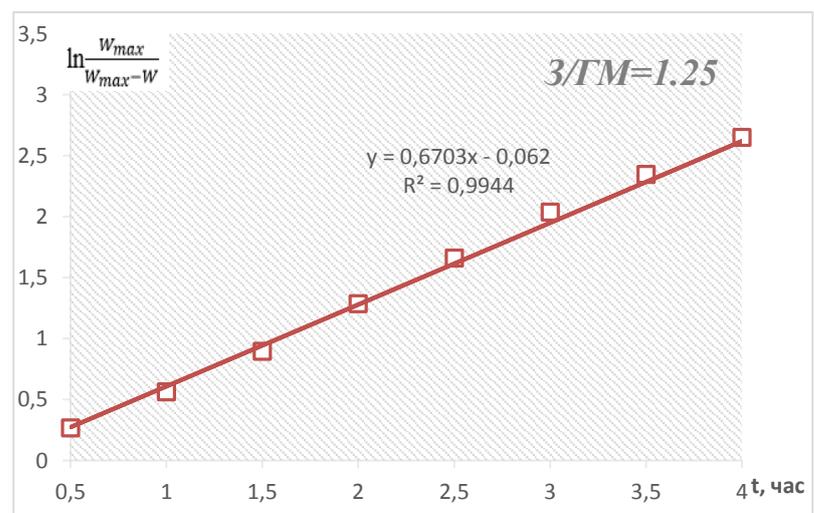
З/ГМ=1.50 (в)					
Время, ч.	m ₀ , мг	m, мг	S, см ²	m- m ₀ , мг	ВП, мг/см ² ·ч
3.0	14184.4	14203.3	2.5434	18.9	2.47
8.0		14228.4		44.0	3.46
28.0		14328.0		143.6	2.82
54.8		14454.4		270.0	4.00
95.5		14636.0		451.6	4.33
145.5		14838.6		654.2	5.14

З/ГМ=1.75 (г)					
Время, ч.	m ₀ , мг	m, мг	S, см ²	m- m ₀ , мг	ВП, мг/см ² ·ч
3.0	13155.7	13177.1	2.5434	21.4	2.80
8.0		13200.8		45.1	3.54
28.0		13297.1		141.4	2.78
54.8		13419.9		264.2	3.92
95.5		13601.5		445.8	4.27
145.5		13809.1		653.4	5.13

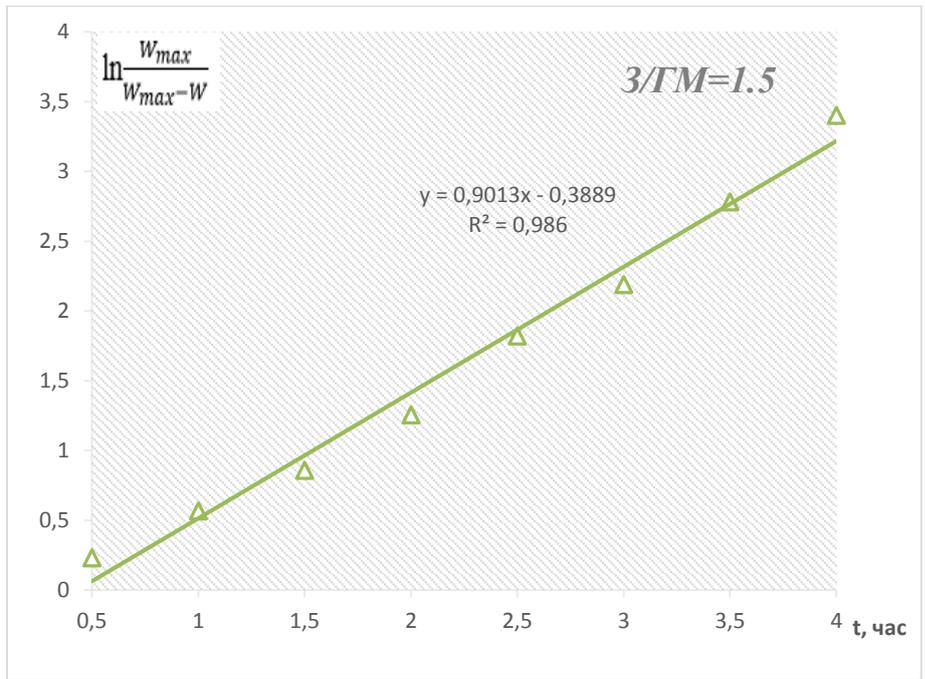
3/ГМ=2.00 (д)					
Время, ч.	m ₀ , мг	m, мг	S, см ²	m- m ₀ , мг	ВП, мг/см ² ·ч
3.0	14553.9	14566.4	2.5434	12.5	1.63
8.0		14581.0		27.1	2.13
28.0		14639.8		85.9	1.68
54.8		14723.7		169.8	2.51
95.5		14847.8		293.9	2.81
145.5		14995.8		441.9	3.47

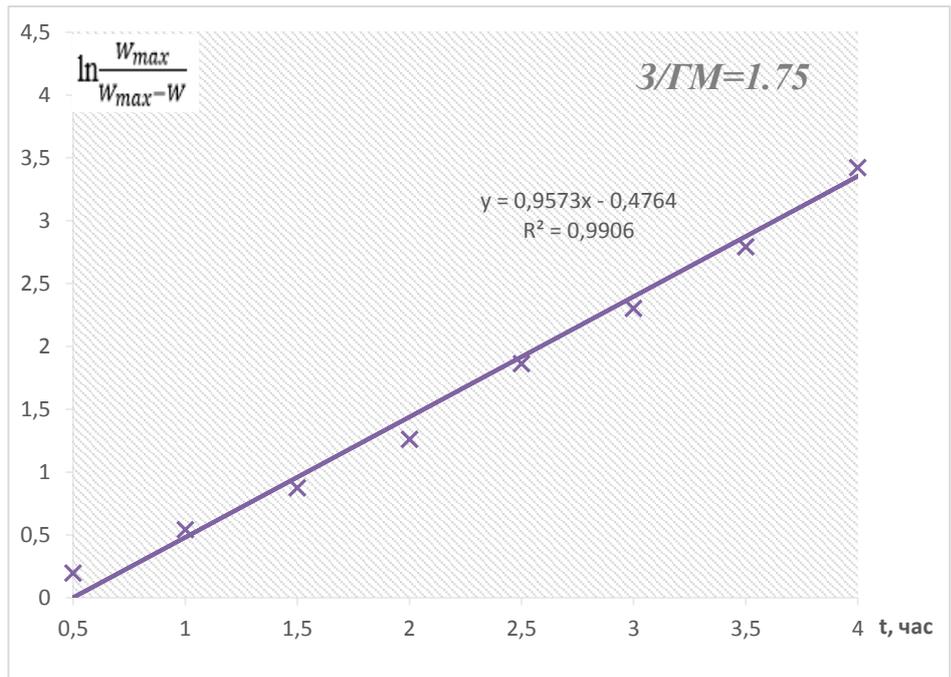
(a)

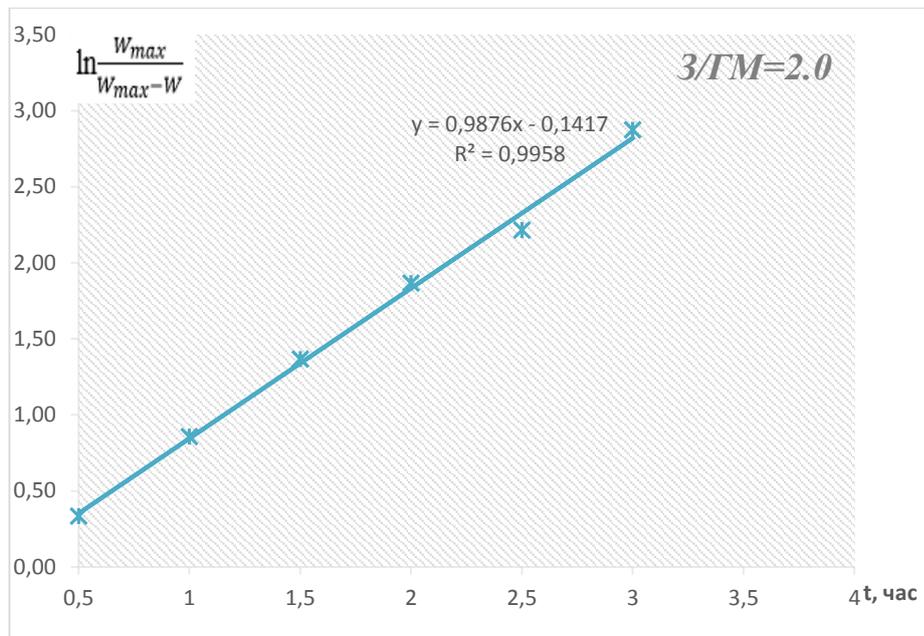
(б)

(B)

(Г)

(д)

Рис. П 1 (а-д). Аппроксимации кривых набухания композитов разного соотношения компонентов 3/ГМ с помощью линейной функции линии тренда: а- 1.0, 2- 1.25, 3- 1.5, 4- 1.75, 5- 2.0.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

1. Получены биополимерные композиты на основе глюкоманнана из корнеплодов *E. hissaricus* с белком зеина и охарактеризованы их физико-химические и механические свойства.

2. Установлена структура глюкоманнана, полученного из растений *E. hissaricus* с использованием 1D- и 2D- ЯМР и ИК-Фурье спектроскопии. Определена молекулярная масса, молекулярно-массовое распределение и гидродинамические свойства глюкоманнана.

3. Установлен механизм взаимодействия глюкоманнана и зеина. Показано, что хорошая совместимость композитов обеспечивается через взаимодействие водородных и гидрофобных связей компонентов.

4. Разработан способ приготовления биоразлагаемых плёнок, предложен состав композита ($Z/GM=1.5-1.75$) в качестве оптимального варианта применения биоразлагаемого композита в сельскохозяйственной области.

5. Изучены особенности кривых деформации в зависимости от состава пленок, установлены предельные деформационно-прочностные характеристики и модули упругости композитов. Показано, что возрастание содержания зеина в композитах сопровождается изменением характера зависимостей $\sigma(\epsilon)$, увеличением прочности, модуля упругости и ухудшением деформационных свойств пленок.

6. Изучена кинетика изменения степени набухаемости и влагопроницаемости гидрогелевых пленок Z/GM , определено оптимальное соотношение биополимеров для получения композитов с контролируемой набухаемостью и влагопроницаемостью. Показано, что высокие степени набухания и водопроницаемости композитов ($Z/GM=1.0-1.25$) обусловлены сегментальным движением гидратированных молекул ГМ, способных к быстрым конформационным изменениям. Напротив, слабая набухаемость и влагопроницаемость пленок ($Z/GM>1.5$) связана с присутствием гидрофобного зеина, с его жесткой сеткой межмолекулярных контактов, ограничивающих подвижность цепей биополимера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ghosh, P. Polymer Science and Technology, Plastics, Rubbers, Blends and Composites [Text] / P. Ghosh // New Delhi: Tata McGraw-Hill, 2001. third edition, PP. 502-522. -541 p.
2. Гольдаде, В.А. Современные тенденции развития полимерной пленочной упаковки [Текст] / В.А. Гольдаде // Полимерные материалы и технологии, 2015. -Т. 1. -№ 1. -С. 63-71.
3. Tharanathan, R.N. Biodegradable films and composite coatings: past, present and future [Text] / R.N. Tharanathan // Trends Food Sci. Technol., 2003. - Vol. 14(3). -P.71-78. [https://doi.org/10.1016/S0924-2244\(02\)00280-7](https://doi.org/10.1016/S0924-2244(02)00280-7)
4. Ahmed, S. Bio-based Materials for Food Packaging. Green and Sustainable Advanced Packaging Materials [Text] / S. Ahmed // Editor. Springer Nature Singapore Pte Ltd, 2018. -303 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-13-1909-9>
5. Grumezescu, A. M. Food Packaging and Preservation in Handbook of Food Bioengineering [Text] / Edited by A. M. Grumezescu and A. M. Holban // Academic Press is an imprint of Elsevier, 2018. -Vol. 9.- 541 p.
6. Савицкая, Т. А. Съедобные полимерные плёнки и покрытия: история вопроса и современное состояние (обзор) [Текст] / Т. А. Савицкая // Полимерные материалы и технологии, 2016. -Т.2. -№2. -С.6-36. <http://doi.org/10.32864/polymmattech-2016-2-2-6-36>
7. Fakhoury, F.M. Edible films made from blends of manioc starch and gelatin-influence of different types of plasticizer and different levels of macromolecules on their properties [Text] / F.M. Fakhoury, S.M. Martelli, L.C. Bertan et al // LWT Food Sci. Technol., 2012.- Vol. 49(1). -P. 149-154. <https://doi.org/10.1016/j.lwt.2012.04.017>.
8. Krocha, J.M. Edible and biodegradable polymer films: Challenges and Opportunity [Text] / J.M. Krocha, De Mulder-JohnstonC. // Food Technol., 1997. - Vol. 51(2). -P. 61-74.
9. Labuza, T.P. Prediction of moisture protection requirements for foods [Text] / T.P. Labuza, R. Contreras-Medellin // Cereal Foods World. -1981. -Vol.

26.- № 7. -P. 335–340.

10. Biquet, B. Relative diffusivities of water in model intermediate moisture foods [Text] / B. Biquet, S. Guilbert // LWT - Food Science and Technology, 1986.- Vol. 19. - P. 208-214.

11. Kester, J. Edible films and Coating: a review [Text] / J. Kester, O. Fennema // Food Technol., 1986. - Vol. 48(12). -P. 47–59.

12. Pavlath, A.E. Edible films and coatings: why, what, and how? [Text] / A.E. Pavlath, W. Orts // Edible Films and Coatings for Food Applications / ed. M.E. Embuscado, K.C. Huber. – New-York: Springer, 2009. - Ch. 1.- P. 1-23.

13. <http://www.thecultureist.com/2012/09/19/lavazza-edible-coffee-cup-cookie> [Electronic resource] / The cultureist // Drinking Coffee Just Got Sweeter with Lavazza's Edible Cookie Cup - 2012. - Date of access: 03.03.2016.

14. Комаров, С.М. Мечты о съедобной упаковке [Текст] / С.М. Комаров // Химия и жизнь, 2014. - № 9. - С. 30–34.

15. Dhanapal, A. Edible films from Polysaccharides [Text] / A. Dhanapal [et al.] // Food Science and Quality Management, 2012. -Vol. 3. -P.9–18.

16. Kohout, M.P. BASF Freshseal CHC Helps Keep Packed Tomatoes firmer and Fresher Longer / M.P. Kohout, M.A. Ritenour, J.J. Salvatore // Proceedings of the Florida State Horticultural Society. -2007. -Vol. 120. - P.217-221.

17. Handbook of Hydrocolloids [Text] / G.O. Phillips, J.A. Williams// - 2-nd Edition. - Boston: CRC Press, 2009. - 948 p.

18. Valencia-Chammoro, S. Antimicrobial Edible films and Coatings for Fresh and Minimally Processed Fruits and Vegetables (A Re-view) [Text] / S. Valencia-Chammoro [et al.] // Critical Reviews in Food and Science Nutrition, 2011. - Vol. 51. - № 9. - P.872-900.

19. Rojas-Graü, M.A. Apple puree-alginate edible coating as carrier of antimicrobial agents to prolong shelf life of fresh-cut apples [Text] / M.A. Rojas-Graü [et al.]// Postharvest Biology and Technology, 2007. - № 45. - P.254-264.

20. Sipahi, R.E. Improved multilayered antimicrobial alginate-based edible coating extends the shelf life of freshcut watermelon (*Citrus lanatus*) [Text] /

R.E. Sipahi [et al.] // LWT-Food Science and Technology, 2013. -Vol. 51, № 1.- P. 9-15.

21. Liu, LS. Controlled release systems for agricultural and food applications. Review in New delivery systems for controlled drug release from naturally occurring materials [Text] / LS Liu, J. Kost, M.L. K. Fishman, Hicks // Ed. N. Parris, LS Liu, C. Song and V.P. Shastri. ACS Symposium series 992, -2008. -P. 265-281.

22. Benelhadj, S. Properties of lysozyme *Arthrospira platensis* (Spirulina) protein complexes for antimicrobial edible food packaging [Text] / S. Benelhadj [et al.]// Algal Research, 2016. -Vol. 15. -P.43-49.

23. Rossman, J. Commercial Manufacture of Edible films [Text] / J. Rossman // Innovations in Food Packaging. Ed. J.H. Han. -Academic Press, 2014. - Ch. 13. - P. 367–391.

24. Cian, R.E. Development of naturally activated edible films with antioxidant properties prepared from red seaweed *Porphyra columbina* biopolymers [Text] / R.E. Cian [et al.] // Food Chemistry, 2014.- Vol. 146. - P. 6-14.

25. Shen, Z. Development and characterization of biodegradable chitosan films containing two essential oils [Text] / Z. Shen, D.P. Kamdem // International Journal of Biological Macromolecules, 2015. -Vol. 74. -P. 289-296.

26. Palit, S. Application of nanotechnology, nanofiltration and drinking and wastewater treatment - a vision for the future. In: Book-water purification [Text] / S. Palit // Academic Press (Elsevier), Grumezescu AM (ed) Chapter 17, USA, 2017. -PP. 587–320.

27. Henriette, M.C. de Azeredo Nanocomposites for food packaging applications [Text] / M.C. Henriette de Azeredo // Food Res. Int., 2009. -Vol. 42. - P. 1240–1253. <https://doi.org/10.1016/j.foodres.2009.03.019>.

28. Yadav, S.K. Realizing the potential of nanotechnology for agriculture and food technology [Text] / S.K. Yadav // Tissue Sci. Eng., 2017. -Vol. 8(1). <https://doi.org/10.4172/2157-7552.1000195>

29. Ray, S. The potential use of polymer- clay nanocomposites in food

packaging [Text] / S. Ray, S.Y. Quek, A. Easteal, X.D. Chen. // Int. J. Food Eng., 2006. - Vol. 2(4) <https://doi.org/10.2202/1556-3758.1149>.

30. Klemm, D. Nanocelluloses as innovative polymers in research and application, advances in polymer science [Text] / D. Klemm, D. Schumann, F. Kramer, N. Hebler, M. Hornung, H.P. Schmauder, S. Marsch // Polysaccharides, 2006. -Vol. 205. -P. 49-96.

31. Katsuraya, K. Constitution of konjac glucomannan: chemical analysis and ¹³C NMR spectroscopy [Text] / K. Katsuraya, K. Okuyama, K. Hatanaka, R. Oshima, T. Sato, K. Matsuzaki // Carbohydr. Polym., 2003. -Vol. 53 (2). -P. 183-189. [https://doi.org/10.1016/S0144-8617\(03\)00039-0](https://doi.org/10.1016/S0144-8617(03)00039-0).

32. Lua, J. Preparation and characterization of konjac glucomannan/poly (diallyldimethylammonium chloride) antibacterial blend films [Text] / J. Lua, X.D. Wang, C.B. Xiao, // Carbohydr. Polymers, 2008. -Vol. 73 (3). -P. 427-437. <https://doi.org/10.1016/j.carbpol.2007.12.021>.

33. Abbaszadeh, A. New insights into xanthan synergistic interactions with konjac glucomannan: A novel interaction mechanism proposal [Text] / A. Abbaszadeh, W. MacNaughtan, G. Sworn, T. J. Foster // Carbohydrate Polymers, 2016. -Vol.144. -P.168–177.<https://doi.org/10.1016/j.carbpol.2016.02.026>.

34. Xu, X. Characterization of konjac glucomannan–gellan gum blend films and their suitability for release of nisin incorporated therein [Text] / X. Xu, B. Li, J.F. Kennedy // Carbohydr. Polym., 2007. -Vol. 70 (2). -P. 192-197. <https://doi.org/10.1016/j.carbpol.2007.03.017>.

35. Li, B. Preparation and temperature effect on the swelling behavior of konjac glucomannan-methylcellulose blend film [Text] / B. Li, Z. Xu, B.J. Xie // Eur. Food Res. Technol., 2006.-Vol. 223(1). - P. 132-138. <https://doi.org/10.1007/s00217-005-0166-z>.

36. Lin, W.H. New chitosan/konjac glucomannan blending membrane for application in pervaporation dehydration of caprolactam solution [Text] / W.H. Lin, Q. Li, T.R. Zhu, // J. Ind. Eng. Chem., 2012. -Vol. 18 (3). -P. 934-940.

37. Wu, Ch. Structural characterization and properties of konjac

glucomannan/curdlan blend films [Text] / Ch. Wu, Sh. Peng, C.R. Wen, X.M. Wang, L.L. Fan, R.H. Deng, J. Pang // Carbohydr. Polym., 2012. - Vol. 89 (2). -P. 497–503. <https://doi.org/10.1016/j.carbpol.2012.03.034>.

38. Chen, J. F. Preparation and characterization of a novel superabsorbent of konjac glucomannan-poly (acrylic acid) with trimethylolpropane trimethacrylate cross-linker [Text] / J. F. Chen, W.Y. Zhang, X. Li // RSC Adv., 2015. -Vol. 5 (48), -P. 38417-38423. <https://doi.org/10.1039/C5RA04522C>.

39. Cheng, L.H. Effects of acid modification on physical properties of konjac glucomannan (KGM) films [Text] / L.H. Cheng, A. Abd Karim, C.C. Seow // Food Chem., -2007. -Vol. 103 (3). -P. 994–1002. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2006.09.052>.

40. Wang, L. The cryoprotective effect of different konjac glucomannan (KGM) hydrolysates on the glass carp (*Ctenopharyngodon idella*) myofibrillar during frozen storage [Text] / L. Wang, G.Q. Xiong, Y.B. Peng, W.J. Wu, X. Li, J. Wang, Y. Qiao, L. Liao, A. Ding. // Food and Bioprocess Technol., 2014. - Vol. 7 (12). -P.3398-3406. <https://doi.org/10.1007/s11947-014-1345-3>.

41. Gao, Hao-Xiang. A functional polysaccharide film forming by pectin, chitosan, and tea Polyphenols [Text] / Hao-Xiang Gao, Zheng He, Qun Sun, Qiang He, Wei-Cai Zeng // Carbohydrate Polymers, 2019. -Vol. 215. -P. 1-7. <https://doi.org/10.1016/j.carbpol.2019.03.029>.

42. Lei, Yanlin. Investigation of the structural and physical properties, antioxidant and antimicrobial activity of pectin-konjac glucomannan composite edible films incorporated with tea polyphenol [Text] / Yanlin Lei, Hejun Wu, Chun Jiao, Yao Jiang, Rui Liu, Di Xiao, Junyu Lu, Zhiqing Zhang, Guanghui Shen, Shanshan Li. // Food Hydrocolloids, 2019. -Vol. 94. -P. 128-135. <https://doi.org/10.1016/j.foodhyd.2019.03.011>.

43. Sucheta S.K.R. Evaluation of structural integrity and functionality of commercial pectin based edible films incorporated with corn flour, bee trout, orange peel, muesli and rice flour [Text] / Shushil Kumar Rai Sucheta, Kartikey Chaturvedi, Sudesh Kumar Yadav // Food Hydrocolloids, 2019. -Vol. 91. -P. 127-

135. <https://doi.org/10.1016/j.foodhyd.2019.01.022>.

44. Du, Yu. Development of antimicrobial packaging materials by incorporation of gallic acid into Ca²⁺ crosslinking konjac glucomannan/gellan gum films [Text] / Yu Du, Jishuai Sun, LinWang, Chunhua Wu, Jingni Gong, Lishan Lin, Ruojun Mu, Jie Pang // Intern. Journ. of Biological Macromolecules, 2019. - Vol. 137. -P.1076-1085. <https://doi.org/10.1016/j.ijbiomac.2019.06.079>.

45. Ramu Ganesana, Abirami. Composite film for edible oil packaging from carrageenan derivative and konjac glucomannan: Application and quality evaluation [Text] / Abirami. Ramu Ganesana, M. Shanmugam, P. Ilansuriyan, R. Anandhakumar, Balamuralikrishnan Balasubramanian // Polymer Testing, 2019. - Vol. 78, 105936 <https://doi.org/10.1016/j.polymertesting.2019.105936>.

46. Huang, Yi-Cheng. Alkali-treated konjac glucomannan film as a novel wound dressing [Text] / Yi-Cheng Huang, Hao-Wen Chu, Chih-Ching Huang, Wen-Ching Wu, Jenn-Shou Tsai // Carbohydrate Polymers, 2015. -Vol. 117. -P. 778–787. <http://dx.doi.org/10.1016/j.carbpol.2014.10.047>.

47. Du, Yu. Fabrication of novel Konjac glucomannan/shellac film with advanced functions for food packaging [Text] / Yu Du, Lin Wang, Ruojun Mu, Yuyan Wang, Yuanzhao Li, Dan Wu, Chunhua Wu, Jie Pang // Intern. Journ. of Biological Macromolecules, 2019. -Vol. 131. -P. 36-42. <https://doi.org/10.1016/j.ijbiomac.2019.02.142>.

48. Wang, Le. Interactions between carboxymethyl konjac glucomannan and soy protein isolate in blended films [Text] / Le Wang, Man Xiao, Shuhong Dai, Jia Song, Xuewen Ni, Yapeng Fang, Harold Corke, Fatang Jiang // Carbohydrate Polymers, 2014. -Vol.101. -P.136-145. <https://doi.org/10.1016/j.carbpol.2013.09.028>.

49. Neto, Reginaldo Jose Gomes. Characterization and in vitro evaluation of chitosan/konjac glucomannan bilayer film as a wound dressing [Text] / Reginaldo Jose Gomes Neto, Giovana Maria Genevro, Letícia de Almeida Paulo, Patrícia Santos Lopes, Mariana Agostini de Moraes, Marisa Masumi Beppu //

Carbohydrate Polymers, 2019. -Vol. 212. -P. 59-66. <https://doi.org/10.1016/j.carbpol.2019.02.017>.

50. Ni, Yongsheng. Facile fabrication of novel konjac glucomannan films with antibacterial properties via microfluidic spinning strategy [Text] / Yongsheng Ni, Wanmei Lin, Ruojun Mu, Chunhua Wu, Zheyu Lin, Su Chen, Jie Pang // Carbohydrate Polymers, 2019. -Vol. 208. -P. 469-476. <https://doi.org/10.1016/j.carbpol.2018.12.102>.

51. Lin, W. Microfluidic spinning of poly (methyl methacrylate)/konjac glucomannan active food packaging films based on hydrophilic/hydrophobic strategy [Text] / Wanmei Lin, Yongsheng Ni, Jie Pang // Carbohydrate Polymers, 2019. -Vol. 222, 114986. <https://doi.org/10.1016/j.carbpol.2019.114986>.

52. Lin, W. Robust microfluidic construction of konjac glucomannan-based microfilms for active food packaging [Text] / W. Lin, Y. Ni, D. Liu, Y. Yao, J. Peng // Intern. Journ. of Biological Macromolecules, 2019. -Vol. 137. -P. 982-991. <https://doi.org/10.1016/j.ijbiomac.2019.07.045>.

53. Wu, Ch. Preparation and characterization of konjac glucomannan-based bionanocomposite film for active food packaging [Text] / Chunhua Wu, Yuanzhao Li, Yu Du, Lin Wang, Cailing Tong, Yaqin Hu, Jie Pang, Zhiming Yan // Food Hydrocolloids, 2019. -Vol. 89. -P. 682-690. <https://doi.org/10.1016/j.foodhyd.2018.11.001>.

54. Wang, J. Transparent konjac glucomannan/cellulose nanofibril composite films with improved mechanical properties and thermal stability [Text] / Jinyu Wang, Xin Chen, Chenggang Zhang, Abdul Rehman Akbar, Zhuqun Shi, Quanling Yang, Chuanxi Xiong // Cellulose, 2019. -Vol. 26. -P. 3155-3165. <https://doi.org/10.1007/s10570-019-02302-6>.

55. Altan, A. Carvacrol loaded electrospun fibrous films from zein and poly (lactic acid) for active food packaging [Text] / A. Altan, Z. Aytac, T. Uyar // Food Hydrocolloids, 2018. -Vol. 81. -P. 48-59. <https://doi.org/10.1016/j.foodhyd.2018.02.028>.

56. Aytac, Z. Antibacterial electrospun zein nanofibrous web encapsulating thymol/cyclodextrin-inclusion complex for food packaging [Text] / Z. Aytac, S. Ipek, E. Durgun, T. Tekinay, T. Uyar // Food Chemistry, 2017. -Vol. 233. -P. 117-124. <https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2017.04.095>.

57. Fabra, M.J. High barrier polyhydroxyalcanoate food packaging film by means of nanostructured electrospun interlayers of zein [Text] / M.J. Fabra, A. Lopez-Rubio, J. M. Lagaron // Food Hydrocolloids, 2013. -Vol. 32(1). -P. 106-114. <https://doi.org/10.1016/j.foodhyd.2012.12.007>.

58. Wang, Kai. Structural characterization and properties of konjac glucomannan and zein blend films [Text] / Kai Wang, Kao Wu, Man Xiao, Ying Kuang, Harold Corke, Xuewen Ni., Fatang Jiang // Intern. Journ. of Biological Macromolecules, 2017. -Vol. 105. -P. 1096-1104. <https://doi.org/10.1016/j.ijbiomac.2017.07.127>.

59. Parris, N. Encapsulation of essential oils in zein nanospherical particles [Text] / N. Parris, P.H. Cooke, K.B. Hicks // Journal of Agricultural and Food Chemistry, 2005. -Vol.53(12). -P.4788-4792. <https://doi.org/10.1021/jf040492p>.

60. Wu, L.Y. Wettability, surface microstructure and mechanical properties of films based on phosphorus oxychloride- treated zein [Text] / L.Y. Wu, Q.B. Wen, X. Q. Yang, M.S. Xu, S.W. Yin // Journal of the Science of Food and Agriculture, 2011. -Vol. 91(7). -P.1222-1229. <https://doi.org/10.1002/jsfa.4303>.

61. Shukla, R. Zein: the industrial protein from corn [Text] / R. Shukla, M. Cheryan // Industrial Crops and Products, 2001. -Vol. 13(3). -P. 171-192. [https://doi.org/10.1016/S0926-6690\(00\)00064-9](https://doi.org/10.1016/S0926-6690(00)00064-9)

62. Касымова, Г.Ф. Выделение и характеристика зеинов кукурузы, произрастающей в Таджикистане [Текст] / Г.Ф. Касымова, Д.Т. Бобокалонов, М.Д. Халикова, З.К. Мухидинов, М.А. Куканиев // Изв. АН Республики Таджикистан. Отд. физ-мат., хим., геол. и тех. наук, 2007. - №2. - С. 42-50.

63. Muhidinov, Z.K. Pectin-Zein Hydrogels for delivery of Drugs and Nutrients. In Gum and Stabilisers for the Food Industry 16 [Text] / Z.K. Muhidinov, Kh. I. Teshayev, G. F. Kasimova, A.S. Nasriddinov, LS. Liu // RSC

publishing, Cambridge UK. ed. P.A. Williams and G.O. Fillips, 2012. - P. 401-406.

64. Hurtado-López, P. Zein microspheres as drug/antigen carriers: a study of their degradation and erosion, in the presence and absence of enzymes [Text] / P. Hurtado-López, S. Murdan // *Journal of Microencapsulation*, 2006. -Vol. 23(3). -P. 303-314. <https://doi.org/10.1080/02652040500444149>.

65. Chen, Yu. Effect of zein-based microencapsules on the release and oxidation of loaded Limonene [Text] / Yu Chen, Meng Shu, Xiaoxue Yao, Kao Wu, Kun Zhang, Yating He, Katsuyoshi Nishinari, Glyn O. Phillips, Xiaolin Yao, Fatang Jiang // *Food Hydrocolloids*, 2018. -Vol. 84. -P. 330-336. <https://doi.org/10.1016/j.foodhyd.2018.05.049>.

66. Escamilla-García, M. Physical and structural characterisation of zein and chitosan edible films using nanotechnology tools [Text] / M. Escamilla-García, G. Calderón-Domínguez, J.J. Chanona-Pérez, R.R. Farrera-Rebollo, J.A. Andraca-Adame, I. Arzate-Vázquez, J.V. Mendez-Mendez, L.A. Moreno-Ruiz // *Int. J. Biol. Macromol.*, 2013. -Vol. 61. -P. 196-203. <https://doi.org/10.1016/j.ijbiomac.2013.06.051>.

67. Oymaci, P. Improvement of barrier and mechanical properties of whey protein isolate based food packaging films by incorporation of zein nanoparticles as a novel bionanocomposite [Text] / P. Oymaci, S.A. Altinkaya // *Food Hydrocol.*, 2016. -Vol. 54. -P. 1-9. <https://doi.org/10.1016/j.foodhyd.2015.08.030>.

68. Li, Ch. Effect of drying temperature on structural and thermomechanical properties of konjac glucomannan-zein blend films [Text] / Ch. Li, K. Wu, Y. Su et al. // *Intern. Journ. of Biological Macromolecules*, 2019. -Vol. 138. -P. 135-143. <https://doi.org/10.1016/j.ijbiomac.2019.07.007>.

69. Wang, L. Characterization and antibacterial activity evaluation of curcumin loaded konjac glucomannan and zein nanofibril films [Text] / L. Wang, Mu R.J., Li Y. et al. // *LWT - Food Science and Technology*, 2019. -Vol. 113.-108293.

70. Vostrejs, P. Active biodegradable packaging films modified with grape seeds lignin [Text] / P. Vostrejs, D. Adamcová, M.D. Vaverková, V. Enev, M.

Kalina, M. Machovsky, M. Šourková, I. Marova, A. Kovalcik// RSC Adv., - 2020. -№49. -Vol. 10. <https://doi.org/10.1039/d0ra04074f>.

71. Закирова, А.Ш. Влияние биополимеров на физико-механические свойства пленок [Текст]/ А.Ш. Закирова, А.В. Канарский, Ю.Д. Сидоров// Пищевая промышленность, 2012. -№6. -С. 18-19.

72. Соломина, Л.С. Получение пищевого декстрина экструзионным методом [Текст] / Л.С. Соломина, В.И. Тарановская, Д.А. Соломин // Хранение и переработка сельхозсырья, 2011. -№ 3. - С. 28-31.

73. Краус, С.В. Физико-химические свойства полимерных композиций с использованием крахмала [Текст]/ С.В. Краус [и др.] // Хранение и переработка сельхозсырья, 2011. - № 1. - С. 8-11.

74. Arvanitoyannis, I. Physical properties of polyol-plasticized edible films made from sodium caseinate and soluble starch [Text] / I. Arvanitoyannis, C.G. Biliaderis // Food Chemistry, 1998. -Vol. 62(3). -P. 333-342. [https://doi.org/10.1016/S0308-8146\(97\)00230-6](https://doi.org/10.1016/S0308-8146(97)00230-6).

75. Закирова, А.Ш. Ферментативная модификация амилопектина [Текст]/ А.Ш. Закирова, А.В. Канарский, З.А. Канарская// Вестник Казан. технол. универс., 2013. -Т. 16. -№7. -С. 164-167.

76. Wang, L. Physical assessment of composite biodegradable films manufactured using whey protein isolate, gelatin and sodium alginate / L. Wang, M.A.E. Auty, J.P. Kerry // Journal of Food Engineering, 2010. -Vol. 96(2). -P. 199–207. <https://doi.org/10.1016/j.jfoodeng.2009.07.025>.

77. Chen, J. Structural characterization and properties of starch/konjac glucomannan blend films [Text]/ Jianguang Chen, Changhua Liu, Yanqing Chen, Yun Chen, Peter R. Chang // Carbohydrate Polymers, 2008. -Vol. 74(4). -P. 946-952. <https://doi.org/10.1016/j.carbpol.2008.05.021>.

78. Yoshimura, M. Rheological studies on mixtures of corn starch and konjac-glucomannan [Text]/ M. Yoshimura, T. Takaya, K. Nishinari // Carbohydrate Polymers, 1998. -Vol. 35(1-2). -P. 71-79. [https://doi.org/10.1016/S0144-8617\(97\)00232-4](https://doi.org/10.1016/S0144-8617(97)00232-4).

79. Carvalho, R.A. Edible películas producidas con gelatina y casein cross-linked con transglutaminase [Text]/ R.A. Carvalho, C. Grosso // Food Research International, 2006. -Vol. 39. -P. 458-466.

80. Avérous, L. Biocomposites based on plasticized starch: Thermal and mechanical behaviors [Text]/ L. Avérous, N. Boquillon // Carbohydrate Polymers, 2004. -Vol.56(2). -P. 111-122. <https://doi.org/10.1016/j.carbpol.2003.11.015>.

81. Yanlin, Lei. Investigation of the structural and physical properties, antioxidant and antimicrobial activity of pectin-konjac glucomannan composite edible films incorporated with tea polyphenol [Text]/Yanlin Lei, Hejun Wu, Chun Jiao, Yao Jiang, Rui Liu, Di Xiao, Junyu Lu, Zhiqing Zhang, Guanghui Shen, Shanshan Li// Food Hydrocolloids, 2019. -Vol. 94. - P. 128-135. <https://doi.org/10.1016/j.foodhyd.2019.03.011>.

82. Mchugh, T.H. Sorbitol- vs glycerol-plasticized whey protein edible films: Integrated oxygen permeability and tensile property evaluation [Text]/ T.H. Mchugh, J.M. Krochta, // Journal of Agricultural and Food Chemistry, 1994. -Vol. 42(4). - P. 841-845. <https://doi.org/10.1021/jf00040a001>

83. Nisar, T. Characterization of citrus pectin films integrated with clove bud essential oil: Physical, thermal, barrier, antioxidant and antibacterial properties [Text] / T. Nisar, Z.C. Wang, X. Yang, Y. Tian, M. Iqbal, Y. Guo // International Journal of Biological Macromolecules, 2018. -Vol. 106. -P. 670-680. <https://doi.org/10.1016/j.ijbiomac.2017.08.068>

84. Galus, S. Development and characterization of composite edible films based on sodium alginate and pectin [Text] / S. Galus, A. Lenart // Journal of Food Engineering, 2013. -Vol. 115(4). -P. 459-465. <https://doi.org/10.1016/j.jfoodeng.2012.03.006>

85. Wang, K. Structural characterization and properties of konjac glucomannan and zein blend films [Text]/ K. Wang, K. Wu, M. Xiao, Y. Kuang, H. Corke, X. Ni, // International Journal of Biological Macromolecules, 2017. -Vol. 105. -P. 1096-1104. <https://doi.org/10.1016/j.ijbiomac.2017.07.127>

86. Talón, E. Antioxidant edible films based on chitosan and starch

containing polyphenols from thyme extracts [Text]/ E. Talón, K.T. Trifkovic, V. A. Nedovic, B.M. Bugarski, M. Vargas, A. Chiralt, et al. // Carbohydrate Polymers, 2017. -Vol. 157(10). -P. 1153-1161. <https://doi.org/10.1016/j.carbpol.2016.10.080>

87. Flory, P.J. Statistical mechanics of cross-linked polymer networks. I. Rubberlike elasticity [Text] / P.J. Flory, J. Rehner // J. Chem. Phys., 1943. -Vol. 11. -P. 512-520. <https://doi.org/10.1063/1.1723792>.

88. Sperling, L.H. Introduction to Physical Polymer Science. 4-th ed. Hoboken: [Text] / L.H. Sperling //Wiley-Interscience. -2006. - 845 p.

89. Peppas, N.A. Crosslinked poly(vinyl alcohol) hydrogels as swollen elastic networks [Text] / Peppas N.A., Merrill E.W. // J. Appl. Polym. Sci., 1977. -Vol. 21. -P. 1763-1770.

90. Bhuvaneshwari, S. Development and characterization of chitosan film / S. Bhuvaneshwari, D. Sruthi, V. Sivasubramanian, N. Kalyani, J. Sugunabai / International Journal of Engineering Research and Applications., 2014. -Vol. 1(2), -P. 292-299.

91. Peppas, N. A. Kinetics of Smart Hydrogels. In book: Reflexive Polymers and Hydrogels [Text] / N. A. Peppas // March 2004. -P. 99-113. [http:// dio. org. 10.1201/9780203485354.sec2](http://dio.org.10.1201/9780203485354.sec2)

92. Huang, Y. A Molecular Theory of Polymer Gels [Text] / Y. Huang, I. Szleifer, A. Nicholas, N.A. Peppas // Macromolecules, 2002. -Vol. 35. -P. 1373-1380.

93. Peppas, N.A. Physicochemical foundations and structural design of hydrogels in medicine and biology [Text] / N.A. Peppas, Y. Huang, M. Torres-Lugo, J.H., J. Ward Zhang // Ann Rev Biomed Eng., 2000. -Vol. 2. -P. 9-29.

94. Kwei, T.K. Diffusion in glassy polymers. V. Combination of Fickian and Case II mechanisms [Text] / T.K. Kwei, T.T. Wang, H.M. Zupko // Macromolecules, 1972. -Vol. 5, -P. 645-649.

95. Alfrey, T. Diffusion in glassy polymers [Text] / T. Alfrey, Jr., E.F. Gurnee, W.G. Lloyd // J. Polym. Sci. C., 1966. -Vol. 12. -P. 249-261.

96. Пектин - основа для создания функциональной пищи [Текст] / З.К.

Мухидинов, Д.Т. Бобокалонов, С.Р. Усманова // Душанбе: ООО «Сифат-Офсет», 2019. -192 с.

97. Икромова, Д.Н. Некоторые физико-химические характеристики олигосахаридов из корнеклубней эремуруса гиссарского (*E. hissaricus*) [Текст] / Д.Н. Икромова, А.С. Джонмуродов, С.Р. Усманова, З.К. Мухидинов, А. Абдуллаев, С. Гулмамад, Б.Б. Джумаев // Доклады Академии наук Республики Таджикистан, 2017. -Т. 60. - №9. - С. 436-442.

98. Ашуров, А.И. Полисахариды из эремуруса гиссарского (*Eremurus hissaricus*vved.) [Текст] / А.И. Ашуров, С.Р. Усманова, Г. Султонмамад, Ё.Х. Сафаров, З.К. Мухидинов // Актуальная биотехнология, 2017. - №2 (21). - С. 235-237.

99. Физиология и биохимия Эремуруса (*Eremurus hissaricus*vved) [Текст] / А. Абдуллаев, Е.Х. Сафаров, Б.Б. Джумаев, З.К. Мухидинов // Душанбе: ООО «Сифат-Офсет», 2019. - 119 с., 62 библиогр.

100. Muhidinov, Z. K. Characterization of a polysaccharide from *Eremurus hissaricus* roots growing in Tajikistan [Text] / Z. K Muhidinov, J.T. Bobokalonov, I.B. Ismoilov, Liu LS, G. Strahan, Hotchkiss A.T. // 7th World Congresson Biopolymers and Polymer Chemistry, Osaka , Japan, June 03-June 08, 2018. -P. 20.

101. Muhidinov, Z.K. Characterization of two types of polysaccharides from *Eremurus hissaricus* rootsgrowing in Tajikistan [Text] / Z.K. Muhidinov, J.T. Bobokalonov, I.B. Ismoilov, G.D. Strahan, H.K. Chau, T.A. Hotchkiss, Liu LS. // Food Hydrocolloids, 2020. -Vol. 105, 105768 <https://doi.org/10.1016/j.foodhyd.2020.105768>

102. Исмаилов, И. Б. Формирование биоразлагаемых композитов на основе зеина и глюкоманнана [Текст] / И. Б. Исмаилов, Т. С. Маликов, А. С. Насриддинов, А. С. Джонмуродов, З. К Мухидинов. // Доклады Академии наук Республики Таджикистан, 2019. -Т. 62, № 3-4. -С. 207-214.

103. Исмаилов, И.Б. Физико-механические свойства биоразлагаемых композитов на основе зеина и глюкоманнана [Текст] / И.Б. Исмаилов, Х.М. Абдуллаев, А.С. Насриддинов, З.К. Мухидинов // Полимерные материалы и

технологии, 2020. -Т. 6. -№ 1. -С. 25-32. <https://doi.org/10.32864/polymmat-tech-2020-6-1-25-32>

104. Jonmurodov, A. S. Value Added Products from Plant Processing [Text] / A. S. Jonmurodov, J. Bobokalonov, S. Usmanova, Z. Muhidinov, L. Liu // Agricultural Sciences, 2017. -Vol. 8. -№8. -P. 857–867. <https://doi.org/10.4236/as.2017.88063>.

105. Ашуров, А.И. Биологически активные компоненты корнеклубней эремуруса гиссарского (*E. hissaricus*) [Текст] / А.И. Ашуров, С.Р. Усманова, З.К. Мухидинов, Л.Ш. Лиу // Пищевая технология, 2018. -№1 (361). -С. 35-38.

106. Бобокалонов, Д.Т. Изучение полифенольных соединений корнеклубней Эремуруса Гиссарского (*E. Hissaricus*) методом капиллярного зонного электрофореза [Текст] / Д.Т. Бобокалонов, С.Р. Усманова, И.Б. Исмоилов, З.У. Шерова, З.К. Мухидинов // Актуальная биотехнология, 2018. -№3(26), -С. 275-279.

107. Muhidinov, Z. Physico-Chemical Characterization of Pectic Polysaccharides from Various Sources Obtained by Steam Assisted Flash Extraction (SAFE) [Text] / Z. Muhidinov, K. Teshaev, A. Jonmurodov, D. Khalikov, M. Fishman // Macromolecular Symposia, 2012. -Vol. 317-318(1). -P. 142-148. <https://doi.org/10.1002/masy.201100108>

108. Mukhiddinov, Z. K. Isolation and structural characterization of a pectin homo and ramnogalacturonan [Text] / Z. K. Mukhiddinov, D. K. Khalikov, F.T. Abdusamiev, C.C. Avloev // Talanta, 2000. -Vol. 53(1). -P. 171-176. <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18968102>.

109. Staub, A.M. Removal of Protein-Sevag Method [Text] / A.M. Staub // Methods in Carbohydrate Chemistry, 1965. -Vol. 5. -P. 5-6.

110. Cuesta, G. Quantitative determination of pneumococcal capsular polysaccharide serotype 14 using a modification of phenol–sulfuric acid method [Text] / G. Cuesta, N. Suarez, M. I. Bessio, F. Ferreira, H. Massaldi // Journal of Microbiological Methods, 2003. -Vol. 52(1). -P. 69-73. [https://doi.org/10.1016/S0167-7012\(02\)00151-3](https://doi.org/10.1016/S0167-7012(02)00151-3).

111. Bradford, M. M. A rapid and sensitive method for the quantitation of microgram quantities of protein utilizing the principle of protein-dye binding [Text] / M. M. Bradford // *Analytical Biochemistry*, 1976. -Vol. 72(1-2). -P. 248-254. [https://doi.org/10.1016/0003-2697\(76\)90527-3](https://doi.org/10.1016/0003-2697(76)90527-3).

112. Zhao, Z. Y. The role of modified citrus pectin as an effective chelator of lead in children hospitalized with toxic lead levels [Text] / Z. Y. Zhao, L. Liang, X. Fan, Z. Yu, A. T Hotchkiss, B. J. Wilk, I. Eliaz // *Alternative Therapies in Health and Medicine*, 2008. -Vol. 14(4). -P. 34-38. <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18616067>.

113. Maciejewski, M. W. NMR box: A Resource for Biomolecular NMR [Text] / M. W. Maciejewski, A. D. Schuyler, M. R. Gryk, I. I. Moraru, P. R. Romero, E. L. Ulrich, J. C. Hoch // *Computation Biophysical Journal*, 2017. -Vol. 112(8). - P. 1529-1534. <https://doi.org/10.1016/j.bpj.2017.03.011>.

114. Fishman, M. L. Flash extraction of pectin from orange albedo by steam injection [Text] / M. L. Fishman, P. N. Walker, H. K. Chau, A. T. Hotchkiss // *Biomacromolecules*, 2000. -Vol. 4(4). - P. 880-889. <https://doi.org/10.1021/bm020122e>.

115. Chinese National Standard GB/T 1037-1988. Plastic Film and Shee of Water Vapor Permeability Test Method, 1988.

116. Bera, H. Mucoadhesive-floating zinc-pectinate-sterculia gum interpenetrating polymer network beads encapsulating ziprasidone HCl [Text] / H. Bera, S. Boddupalli, A.K. Nayak // *Carbohydr. Polym.*, -2015.-Vol. 131. -P. 108-118.

117. Wu, J.L. Properties and antimicrobial activity of silver carp (*Hypophthalmichthys molitrix*) skin gelatin-chitosan films incorporated with oregano essential oil for fish preservation [Text] / J.L. Wu, S.Y. Ge, H. Liu, S.F. Wang, J.H. Chen, J.H. Wang, Li, Q. Zhang // *Food Packag*, 2014. -Vol. 2 (1). -P. 7-16. <https://doi.org/10.1016/j.fpsl.2014.04.004>

118. Edible film and coatings for food applications [Text] / Embuscado, M.E. Huber K.C. // New York, USA: Springer, 2009.- 403 p.

119. Bourtoom, T. Edible films and coatings: Characteristics and properties

[Text] / T. Bourtoom // *Internat. Food Research Journal*, 2008. -Vol. 15(3). -P.237-248.

120. Флора Таджикской ССР // Изд-во АН СССР, М.-Л., 1991. - Т. 10. - 624 с.

121. Каримов, Х.Х. Некоторые эколого-физиологические особенности эфемероидов Западного Памира-Алая [Текст] / Х.Х. Каримов // *Экологическая физиология растений Таджикистана*, Душанбе, 1996. - С. 5-32.

122. Сафаров, Е. Содержание углеводов в корнеклубнях Эремуруса Гиссарского [Текст] / Е. Сафаров, А. Абдуллаев, Б.Б. Джумаев, З.К. Мухидинов // *Вестник национального университета*, 2016. -№1/3 (200). -С. 183-186.

123. Wiercigroch, E. Raman and infrared spectroscopy of carbohydrates: A review. [Text] / E. Wiercigroch, E. Szafraniec, K. Czamara, M.Z. Pacia, K. Majzner, K. Kochan, K. Malek // *Spectrochimica Acta Part A: Molecular and Biomolecular. Spectroscopy*, 2017. -Vol. 185. -P. 317-335. <https://doi.org/10.1016/j.saa.2017.05.045>

124. Smirnova, N. I. The Structure and Characteristics of Glucomannans from *Eremurus iaeand E. zangezuristicus*: Assignment of Acetyl Group Localization in Macromolecules [Text] / N. I. Smirnova, N.M. Mestechkina, V.D. Shcherbukhin // *Applied Biochemistry and Microbiology*, 2001. -Vol. 37(3). -P. 287-291. <https://doi.org/10.1023/A:1010237419780>

125. Jahanbin, K. Isolation, purification and structural characterization of a new water-soluble polysaccharide from *Eremurus stenophyllus* (boiss & buhse) baker roots [Text] / K. Jahanbin, A. Abbasian, M. Ahang // *Carbohydrate Polymers*, 2017. -Vol. 178(15 December), -P. 386393. <https://doi.org/10.1016/j.carbpol.2017.09.058>

126. Huang, Yu. H., Preparation and characterization of a quaternary ammonium derivative of konjac glucomannan [Text] / Yu. H. Huang, Y., Ying, H. C. Xiao // *Carbohydrate Polymers*, 2007. -Vol. 69(1). -P. 29-40. <https://doi.org/10.1016/j.carbpol.2006.08.024>.

127. Fishman, M. L. Flash extraction of pectin from orange albedo by steam injection [Text] / M. L. Fishman, P. N. Walker, H. K. Chau, A. T. Hotchkiss // *Biomacromolecules*, 2000. -Vol. 4(4). -P. 880-889. <https://doi.org/10.1021/bm020122e>.

128. Agrawal, P. K. NMR spectroscopy in the structural elucidation of oligosaccharides and glycosides [Text] / P. K. Agrawal // *Phytochemistry*, 1992. -Vol. 31(10). -P. 3307-3330. <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/1368855>.

129. Bock, K., Assignment of anomeric structure to carbohydrates through geminal¹³C-H coupling constants [Text] / K. Bock, I. Lundt, C. Pedersen // *Tetrahedron Letters*, 1973. -Vol. 14(13). -P. 1037-1040. [https://doi.org/10.1016/S0040-4039\(01\)95898-8](https://doi.org/10.1016/S0040-4039(01)95898-8).

130. Bock, K. Carbon-13 Nuclear Magnetic Resonance Spectroscopy of Monosaccharides [Text] / K. Bock, C. Pedersen // In R. S. Tipson & D. Horton (Eds.), *Advances in Carbohydrate Chemistry and Biochemistry*, 1983. -P. 27-66. Academic Press. [https://doi.org/10.1016/S0065-2318\(08\)60055-4](https://doi.org/10.1016/S0065-2318(08)60055-4).

131. Klaus, B. Carbon-13 Nuclear Magnetic Resonance Data for Oligosaccharides [Text] / B. Klaus, C. Pedersen, H. Pedersen // In R. S. Tipson & D. Horton (Eds.), *Advances in Carbohydrate Chemistry and Biochemistry*, 1984. -P.193-225. Academic Press. [https://doi.org/10.1016/S0065-2318\(08\)60125-0/](https://doi.org/10.1016/S0065-2318(08)60125-0/)

132. Jansson, P.E. Sequence determination of oligosaccharides and regular polysaccharides using NMR spectroscopy and a novel Web-based version of the computer program CASPER [Text] / P.E. Jansson, R. Stenutz, G. Widmalm // *Carbohydrate Research*, 2006. -Vol. 341(8). -P. 1003-1010. <https://doi.org/10.1016/j.carres.2006.02.034/>

133. Katsuraya, K. Constitution of konjac glucomannan: chemical analysis and ¹³C NMR spectroscopy [Text] / K. Katsuraya, K. Okuyama, K. Hatanaka, R. Oshima, T. Sato, K. Matsuzaki // *Carbohydrate Polymers*, 2003. -Vol. 53(2). -P. 183–189. [https://doi.org/10.1016/S0144-8617\(03\)00039-0/](https://doi.org/10.1016/S0144-8617(03)00039-0/)

134. Rakhimov, D. A. Glucomannan from *Narcissus poeticus* Studied by PMR and ¹³C NMR Spectroscopy [Text] / D. A. Rakhimov, A. S. Shashkov, K.

S. Zhaunbaeva, M. K. Malikova, N. D. Abdullaev // Chemistry of Natural Compounds, 2004. -Vol. 40(4). -P. 358-361. <https://doi.org/10.1023/B:CONC0000048247.79714.4e/>

135. Alcantara, A.C.S. Bionanocomposites based on alginate–zein/layered double hydroxide materials as drug delivery systems [Text] / A.C.S. Alcantara, P. Aranda, M. Darder, E. Ruiz-Hitzky // J. Mater. Chem., -2010. -№20. -P. 9495–9504.

136. Штанчаев, А.Ш. Турбидиметрическое титрование зеина кукурузной муки [Текст] / А.Ш. Штанчаев, А.С. Насриддинов, Х.И. Тешаев, З.К. Мухидинов, Д.Х. Халиков // Доклады Академии наук РТ, 2007. -Т.50. -№9-10. -С.748-752.

137. Исмаилов, И.Б. Механические свойства биоразлагаемых композитов на основе зеина и глюкоманнана [Текст] / И.Б. Исмаилов, Х.М. Абдуллаев, А.С. Насриддинов, З.К. Мухидинов // «Globalscienceandinnovations 2019: CentralAsia», Нур-Султан, Казахстан, 25-28/09 -2019. -№ 2(3). -С.35-39.

138. Ghadermazi, R. Effect of various additives on the properties of the films and coatings derived from hydroxypropyl methylcellulose - A review [Text] / R. Ghadermazi, S. Hamidpur, K. Sadeghi, R. Ghadermazi, A. Khosrowshahii // Food Sci Nutr., 2019.-Vol.7(11).-P.3363–3377.[https://doi.org/ 10.1002/ fsn3.1206](https://doi.org/10.1002/fsn3.1206).

139. Cho, S. Y. Edible oxygen barrier bilayer film pouches from corn zein and soy protein isolate for olive oil packaging [Text] / S. Y. Cho, S. Y. Lee, C. Rhee // LWT - Food Science and Technology, 2010. -Vol. 43(8). -P. 1234-1239.

140. González, S. Physical and antifungal properties of hydroxypropylmethylcellulose based films containing propolis as affected by moisture content[Text] / S. González, M. Cháfer, A. Chiralt, C. González - Martínez // Carbohydrate Polymers, 2010. -Vol. 82(4). -P. 1174-1183. <https://doi.org/10.1016/j.carbpol.2010.06.051>

141. Ozcalik, O. Barrier properties of corn zein nanocomposite coated polypropylene films for food packaging applications [Text] / O. Ozcalik, F.

Tihminlioglu // Journal of Food Engineering, 2013. -Vol. 114(4). -P. 505-513.

142. Bertuzzi, M.A. Water vapor permeability of edible starch based films [Text] / M.A. Bertuzzi, E.F. Castro, A. M. Vidaurre, J.C. Gottifredi // Journal of Food Engineering, 2007. -№ 80. -P. 972- 978.

143. Villalobos, R. Effect of sur- factants on water sorption and barrier properties of hydroxypropyl methylcellulose films [Text] / R. Villalobos, P. Hernández- Muñoz, A. Chiralt // Food Hydrocolloids, 2006. -Vol. 20(4). -P. 502–509. <https://doi.org/10.1016/j.foodhyd.2005.04.006>

144. Ozdemir, M. Optimization of edible whey protein films containing preservatives for mechanical and optical properties [Text] / M. Ozdemir, J.D. Floros // Journal of Food Engineering, 2008. -Vol. 84(1). -P. 16-123. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jfoodeng.2007.04.029>

145. Pérez-Gago, M.B. Water vapor permeability, solubility, and tensile properties of heat-denatured versus native whey protein films [Text] / M.B. Pérez-Gago, P. Nadaud, J.M. Krochta // J. Food Sci., 1999. -Vol. 64(6). -P. 1034-1037. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1365-2621.1999.tb12276.x>

146. Исмоилов, И.Б. Некоторые физико-механические и химические свойства биоразлагаемых композитных плёнок на основе зеина и глюкоманнана[Текст] / И.Б. Исмоилов, Х. М. Абдуллаев, А.С. Джонмуродов, А.С. Насриддинов, З.К. Мухидинов // Политехнический вестник. Серия Интеллект. Иновация. Инвестиция, 2021.- №2. -С.13-17.